

Дин Кунц Предсказание

Аннотация

Предсказание умирающего деда превратило жизнь Джимми Тока в непрерывное ожидание беды. Не один, а целых пять дамокловых мечей занесены над ним и его красавицей-женой, с которой впервые соединили его не обручальные кольца, а наручники клоуна-маньяка. Загадочный замысел Судьбы свел Джимми и раздираемую враждой цирковую семью в смертельном противостоянии. Под куполом небес он, как и любой из нас, ощущает себя гимнастом, идущим по проволоке над бездной небытия. Удастся ли ему завершить головокружительный маршрут, спасти от гибели себя и свою семью?

Дин Кунц Предсказание

Лауре Альбано, у которой странный склад ума, но такое доброе сердце
О розе не мечтай, Страшась, что шип уколёт!
Анна Бронте, «Стезя добродетели»

Вздых я шлю друзьям сердечным И усмешку — злым врагам.
Не согнусь под нетром встречным И в бою нигде не сдам.
Лорд Байрон, «Томасу Муру»

Часть 1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭТОТ МИР, ДЖИММИ ТОК

Глава 1

В ночь, когда я родился, мой дед со стороны отца, Джозеф Ток, разразился десятью предсказаниями, которые определили всю мою жизнь. Он умер в ту самую минуту, когда я появился на свет из чрева матери.

Никогда ранее таланта ясновидения за Джозефом не замечалось. Он был кондитером,

пек эклеры и лимонные торты, а не предсказания.

Для некоторых жизнь, если прожита она с достоинством, — великолепная арка, перекинутая из этого мира в вечность. Мне тридцать лет, и я не могу сказать, как выглядит моя жизнь со стороны, но точно знаю, но не арка, потому что мой путь — сплошные зигзаги из одного кризиса к другому.

Я — увалень. Не в том смысле, что я глуп, просто крупноват для своего размера, и я не всегда знаю, что делают мои ноги.

Говорю об этом не в силу присущего мне умаления собственного достоинства или даже смирения. Вероятно, образ увальня — часть моего обаяния, которое, как вы увидите дальше, приносит немалую пользу.

Несомненно, мои слова уже вызвали у вас вопрос: как это, «крупноват для своего размера»? Что ж, как выясняется, написание автобиографии — задача куда более сложная, чем я поначалу предполагал.

Я не такой высокий, каким меня воспринимают некоторые люди. Собственно, совсем невысокий по стандартам профессионального (и даже школьного) баскетбола. Я не толстый, но и не качок, днюющий и ночующий в тренажерном зале. Пожалуй, с некоторой натяжкой можно считать меня здоровяком.

И однако Мужчины выше меня ростом и куда массивнее называют меня «большой парень». В школе меня прозвали Лосем. С детства я слышал шутки об астрономических счетах за продукты, которые, вероятно, приходилось оплачивать нашей семье.

Это несоответствие между моими истинными ростом и весом и восприятием моих габаритов другими людьми всегда ставило меня в тупик.

Моя жена, ось в колесе моей жизни, заявляет, что вид у меня куда более внушительный, чем фактические размеры. И люди, говорит она, судят обо мне по впечатлению, которое я на них произвожу.

Я нахожу это умозаключение нелепым. Ерундой, которая рождена любовью.

Возможно, я производил бы на людей столь сильное впечатление, если бы, скажем, падал на них или наступал им на ногу.

В Аризоне есть место, где брошенный мяч вроде бы катится вверх, отрицая закон всемирного тяготения. По правде говоря, все дело в необычном ландшафте, который обманывает глаз.

Подозреваю, что и я — некий природный феномен. Возможно, свет отражается от меня не так, как от других людей, странным образом преломляется, и в результате мои размеры оптически увеличиваются.

В ту ночь, когда я родился в центральной больнице округа Сноу, расположенной в городе Сноу-Виллидж, штат Колорадо, мой дед сказал медсестре, что ростом я буду в двадцать дюймов, а мой вес составит восемь фунтов и десять унций[1].

Медсестра сильно удивилась, услышав его, и не потому, что восемь фунтов и десять унций — слишком много для новорожденного. Не послужило причиной для удивления и внезапное превращение кондитера в прорицателя. Поразило медсестру другое: четыремья днями раньше у моего деда случился обширный инсульт, вызвавший паралич правой половины тела и полную потерю дара речи; и однако, пребывая на кровати в палате интенсивной терапии, все свои предсказания он произнес ясным и четким голосом, не глотая буквы и не запинаясь.

Он также сказал медсестре, что я появлюсь на свет в двадцать два часа сорок шесть минут и что у меня будет отмечена синдактилия.

Синдактилия — из тех слов, которые трудно произнести до инсульта, а уж после — и подавно.

Синдактилия, как потом объяснила моему отцу та самая медсестра, — дефект внутриутробного развития, полное или частичное сращивание двух или более пальцев кисти или стопы. В самых серьезных случаях кости срачиваются настолько, что у двух соседних пальцев оказывается один ноготь.

Для исправления этого дефекта требуется несколько хирургических операций, если родителям хочется, чтобы их чадо смогло показать палец тому, кто крепко его достал.

В моем случае пальцы срослись на ногах, два — на левой, три — на правой.

Моя мать Маделин (отец, любя, обычно называет ее Мэдди) настаивает на том, что они сознательно намеревались отказаться от хирургического вмешательства и вместо операций при крещении назвать меня Флиппером.

Так звали дельфина, который играет главную роль в популярном телесериале конца 1960-х годов (само собой, телесериал также назывался «Флиппер»[2]). Моя мать говорит, что этот сериал отличала «удивительно веселая глупость». Его сняли с эфира за несколько лет до моего появления на свет.

Флиппера, самца, сыграла дрессированная дельфиниха по кличке Сюзи. Скорее всего, это был первый случай трансвестизма на телевидении.

Разумеется, это не совсем правильное использование вышеуказанного термина, поскольку трансвестизм — переодевание мужчины в женщину для получения сексуального удовольствия. Понятное дело, что Сюзи, она же Флиппер, обходилась без одежды.

То есть в этом сериале женская звезда всегда выступала обнаженной и при этом без труда сходила за мужчину.

Всего лишь двумя днями раньше за обедом мама (она испекла свой знаменитый пирог с сыром и брокколи) задала риторический вопрос: а не начавшееся ли с «Флиппера» падение телевизионных стандартов привело к занудным шоу с извращениями, которые в такой чести на нынешнем телевидении?

Отец ей подыграл: «Все началось с Лэсси[3]. В каждом фильме она играла голой».

— Лэсси всегда играли кобели, — ответила мать.

— Именно об этом я и толкую, — указал отец.

Мне удалось избежать имени Флиппер благодаря удачным хирургическим операциям, разделившим мои пальчики на ногах. В моем случае они срослись только кожей, не костями. Поэтому их разделение оказалось достаточно простым делом.

Тем не менее предсказание моего деда в части синдактилии, прозвучавшее в ту ночь, когда природа разбушевалась как никогда, оказалось верным.

Если бы я родился в самую обычную ночь, семейная легенда все равно трансформировала бы ее и ночь эта стала бы на удивление тихой и спокойной: все листочки замерли бы в неподвижном воздухе, все ночные птицы затихли, ожидая моего появления на свет божий. Семья Ток склонна к драматизации.

Но даже если преувеличение имело место быть, гроза в ту ночь разразилась достаточно жуткая, чтобы Колорадские горы сотрясались до самого основания. Сверкали молнии, громовые раскаты сливались друг с другом, словно небесные армии сошлись в жестоком бою.

Пребывая в материнской утробе, я не подозревал ни о громах, ни о молниях. А родившись, должно быть, отвлекся видом своих необычных стоп.

Случилось это 9 августа 1974 года, в тот самый день, когда Ричард Никсон добровольно ушел в отставку с поста президента Соединенных Штатов Америки.

Падение Никсона не имело ко мне ровно никакого отношения, как и тот факт, что на той неделе первую строчку в чартах занимал Джон Денвер[4] с его «Песней Энн». Упоминаю об этом лишь для исторической привязки дня моего рождения.

С Никсоном или без оно, я нахожу, что наиболее важными событиями 9 августа 1974 года стали мое рождение и предсказания моего деда. Ничего не поделаешь, дает о себе знать мой эгоцентризм.

Благодаря рассказам многочисленных родственников о том дне я буквально вижу, как мой отец, Руди Ток, мотается из одного конца центральной больницы округа в другой, между родильным отделением и палатой интенсивной терапии, между радостью (грядущее появление сына) и горем (быстрое приближение смерти горячо любимого отца).

* * *

С полом, выложенным синими плитками, светло-зелеными стенными панелями, желтым потолком и белыми занавесками с оранжевыми аистами комнату ожидания для отцов наполняла отрицательная энергия, генерируемая наложением цветов. Пожалуй, комната эта могла служить съемочной площадкой для детского шоу, ведущий которого вел тайную жизнь маньяка-убийцы.

Обстановка усугублялась и присутствием клоуна, который дымил, как паровоз[5].

Руди заступил на вахту ожидания родов вместе с еще одним мужчиной, не из местных, артистом цирка, приехавшего в город на неделю. Шатер, где шли представления, стоял на лугу около фермы Хэллоуэя. Мужчина представился как Бизо. И это не было именем, с которым он выходил на манеж. Так уж его звали — Конрад Бизо.

Натали, жена Бизо, была воздушной гимнасткой, из знаменитой семьи воздушных гимнастов, которые по праву считались цирковой элитой.

Родители Натали, братья и сестры, кузены и кузины, порхающие под куполом цирка, в больницу приехать не смогли: в этот вечер шатер заполнили зрители, ради которых цирк и приехал в город.

Впрочем, вполне возможно, воздушные гимнасты также хотели показать, что не одобряют выбора Натали, решившей выйти замуж за клоуна. В каждой субкультуре и этносе есть свои предрассудки.

Нервничая в ожидании родов, Бизо нелестно отзывался о своих новых родственниках. Называл их самодовольными, неискренними.

Сердитые слова вырывались из него вместе с клубами едкого дыма: «двуличные», «интриганы», а потом он разразился тирадой, очень уж поэтической для клоуна: «Блаженные души в воздухе, которые становятся предательскими, стоит ногам коснуться земли».

Бизо приехал не в полном костюме клоуна. Боле того, его сценический наряд больше соответствовал грустной традиции Эмметта Келли[6], чем ярко разодетых клоунов «Цирка братьев Ринглинг»[7]. Тем не менее он являл собой странное зрелище. Мешковатые брюки коричневого костюма сзади украшала широкая клетчатая полоса, руки чуть ли не до локтя торчали из укороченных рукавов. Один лацкан практически полностью был закрыт искусственным цветком размером с тарелку для хлеба.

Прежде чем примчаться с женой в больницу, он сменил клоунские башмаки на кроссовки и снял с нос большую красную круглую резиновую нашьлепку. Однако остались и белые круги вокруг глаз, и краевые пятна румян на щеках, и мятая шляпа-пирожок.

Налитые кровью глаза Бизо цветом не отличались от нарумяненных щек, возможно, потому, что едкий сигаретный дым раздражал слизистую, но Руди подозревал, что причина еще и в выпивке.

В те дни курить разрешалось везде, даже в комнатах ожидания родильных отделений. И счастливые отцы традиционно раздавали сигары, празднуя рождение ребенка.

Уходя от кровати умирающего отца, бедный Руди вроде бы мог найти убежище в комнате ожидания. И его горе могла бы смягчить радость скорого перехода в категорию отцов.

Но и у Мэдди, и у Натали роды затягивались. И всякий раз, возвращаясь из палаты интенсивной терапии, Руди находил в комнате ожидания бормочущего себе под нос, с налитыми кровью глазами клоуна, искуривающего пачку за пачкой «Лаки страйк» без фильтра.

Под грохот громовых раскатов, в сверкании молний, Бизо превратил комнату ожидания в сцену. Кружил по синим плиткам винилового пола, от одной розовой стене к другой, курил и кипел изнутри.

— Руди Ток, вы верите, что змеи могут летать? Разумеется, нет. Но змеи *могут* летать. Я видел их высоко над ареной. За это зрелище хорошо платили и им громко аплодировали, этим кобрам, этим мокасиновым змеям, всем этим мерзким гадюкам.

Бедный Руди реагировал на эти тирады сочувственными кивками, междометиями, цоканьем языка. Он не хотел поощрять Бизо, но чувствовал: отсутствие реакции приведет к

тому, что злость клоуна выплеснется на него.

Задержавшись у залитого дождем окна, с густо накрашенным лицом, которое подсвечивал отблеск молний, Бизо спросил:

— Кого ждете, Руди Ток, сына или дочь?

Бизо обращался к нему исключительно по имени и фамилии, словно они составляли неделимое целое: «*Рудиток*».

— У них тут есть новейший ультразвуковой сканер, — ответил Руди, — так что они могли бы сказать нам, мальчик будет или девочка, но мы не захотел этого знать. Нас волнует только одно: чтобы ребенок родился здоровым.

Бизо выпрямился во весь рост, гордо вскинул голову, повернулся к окну, за которым бушевала гроза:

— Мне не нужен ультразвук, чтобы подтвердить то что я и так знаю. Натали родит мне сына. Род Бизо не умрет вместе со мной. Я назову его Панчинелло, в честь одного из первых и самых знаменитых клоунов.

«Панчинелло Бизо, — *подумал Руди*. — Бедный ребенок».

— Он станет величайшим представителем нашей профессии, — продолжил Бизо, — лучшим шутком, арлекином, паяцем. Его признают таковым от побережья до побережья, на всех континентах.

И хотя Руди только-только вернулся из палаты интенсивной терапии в родильное отделение, ему казалось, что он уже связан по рукам и ногам черной энегией, которая словно изливалась из подсвеченных молниями яростных глаз Бизо.

— Он не просто добьется признания, но станет *бессмертным*.

Руди куда больше интересовали новости о состоянии Мэдди. В те дни отцов редко допускали в «родилку», где они могли бы засвидетельствовать появление ребенка на свет божий.

— Он будет звездой цирка своего времени, Руди Ток, и все, кто увидит его на манеже, будут знать, что его отец — Конрад Бизо, патриарх клоунов.

Медсестры родильного отделения, которые обычно регулярно приходили в комнату ожидания, где находились будущие отцы, на этот раз старались появлять там как можно реже. Чувствовалось, что им как-то по себе в компании этого обозленного циркача.

— Клянусь могилой моего отца, мой Панчинелл никогда не будет воздушным гимнастом, — заявил Биз.

Громовой раскат, последовавший за его клятвой был таким сильным, что в рамках задребезжали стекла, а лампочки замигали.

— Какое отношение имеют воздушные гимнасты к сути человеческого существования? — спросил Бизо.

— Никакого, никакого, — без запинки ответил Руди, в котором агрессивность отсутствовала напрочь. Мягкий, тихий, еще не кондитер, как его отец, а всего лишь пекарь, он не хотел, чтобы здоровяк-клоун отмететил его.

— Комедия и трагедия — главные инструменты клоунского искусства и составляют основу жизни! — рявкнул Бизо.

— Комедия, трагедия и потребность в хорошем хлебе. — Руди пошутил, стараясь показать, что и его профессия имеет самое непосредственное отношение к сути человеческого существования.

В награду за эту шутку ему достался яростный взгляд, из тех, что останавливают не только часы, но и само время.

— Комедия, трагедия и потребность в хорошем хлебе, — повторил Бизо, возможно, ожидая, что отец признает вышеуказанное пустым и бессмысленным.

— Слушай, а ведь ты говоришь совсем как я! — в удивлении воскликнул мой отец, поскольку последнюю фразу клоун произнес другим голосом, блестяще имитируя отца.

— Слушай, а ведь ты говоришь совсем как я — произнес Бизо голосом отца, а потом продолжил своим: — Я уже говорил, что я талантлив, Руди Ток. И таланты у меня очень даже

необычные.

Руди подумал, что сердце у него бьется все медленнее, замедляя ход под тяжестью этого холодного взгляда.

— Мой мальчик никогда не станет воздушным гимнастом. И пусть шипят эти ненавистные змеи. Как же они будут шипеть и бросаться, но *Панчинелло никогда не станет воздушным гимнастом!*

Очередной раскат грома потряс стены больницы, а напряжение в электрической сети резко упало, лампы заметно потускнели.

Когда в комнате потемнело, Руди мог в этом поклясться, кончик сигареты Бизо, которую тот держал в правой руке, ярко вспыхнул, словно кто-то невидимый поднес ее к губам и жадно затянулся.

И Руди подумал, пусть поклясться в этом он не решился бы, что увидел, как глаза Бизо сверкнули красным. Разумеется, это не мог быть внутренний свет, в них лишь отразилось... что-то.

Когда же эхо громового раската стихло, а лампы обрели прежнюю яркость, Руди поднялся со стула.

Он лишь недавно вернулся в комнату ожидания, еще не получил известий о состоянии жены, но ему совершенно не хотелось находиться в компании Конрада Бизо при третьем скачке напряжения в электропроводке. Уж лучше вернуться в палату интенсивной терапии, пусть ничего хорошего там ему сообщить не могли.

Прибыв туда и обнаружив двух медсестер у кровати отца. Руди испугался худшего. Он знал, что отец умирает, тем не менее горло у него перехватило, а на глазах выступили слезы.

К своему изумлению, он увидел, что Джозеф приподнялся на кровати, вцепившись руками в оградительные поручни, и повторяет предсказания, которые уже успел сообщить одной из медсестер. *«Двадцать дюймов... восемь фунтов и десять унций... десять сорт шесть вечера... синдактилия...»*

Заметив сына, Джозеф сел, и одна из медсестер приподняла часть кровати у изголовья, чтобы поддержать ему спину.

К нему вернулся не только дар речи, но и контроль над парализованной после инсульта половиной тела. Он схватился за правую руку Руди, крепко, даже при чинив боль, сжал.

Изумленный столь резкими переменами в состоянии отца, Руди поначалу решил, что произошло чудо и тот выздоровел. А потом понял, в чем дело: умирающий человек прилагал отчаянные усилия, чтобы сообщить что-то крайне важное.

Кожа на лице Джозефа обтянула кости, словно смерть «съела» все, что находилось между ними. Глаза стали огромными и в них, когда он смотрел на сына, застыл страх.

— Пять дней, — хрипло прошептал Джозеф. — Пять ужасных дней.

— Успокойся, папа. Тебе нельзя волноваться, — предупредил Руди, но, взглянув на кардиомонитор, увидел, что сердце отца бьется учащенно, но ровно.

Одна из медсестер поспешила за врачом. Вторая отступила от кровати, но держалась поблизости, готовая тут же прийти на помощь, если пациенту вдруг станет хуже.

Облизав пересохшие губы, Джозеф изрек пятое предсказание: «Джеймс. Ему дадут имя Джеймс, но никто не будет называть Джеймс... или Джим. Все будут звать его Джимми».

Слова отца удивили Руди. Он и Мэдди решили назвать мальчика Джеймс. А девочку — Дженнифер. но ни с кем не обсуждали свой выбор.

Джозеф не мог этого знать. Однако знал.

А Джозеф продолжил, и по голосу чувствовалось, что он торопится, боится, что не успеет: *«Пять дней. Ты должен предупредить его. Пять ужасных дней».*

— Успокойся, папа, — повторил Руди. — У тебя все образуется.

Его отец, и без того белый, как ломоть отрезанного хлеба, побледнел еще больше, став блее муки в мерной чашке.

— Не образуется. *Я умираю.*

— Ты не умираешь. Посмотри на себя. Ты говоришь. Паралича как не бываю. Ты...

— Умираю, — настаивая Джозеф, хриплый голос стал громче. На висках запульсировали вены, монитор зафиксировал увеличение частоты сердцебиений. — Пять дат. Запиши их. Запиши сейчас. СЕЙЧАС!

В замешательстве, опасаясь, что попытка спорить с отцом может привести ко второму инсульту, Руди поспешил выполнить просьбу отца.

Ручку взял у медсестры. Бумаги у нее не было, и она не позволила воспользоваться картой пациента, которая висела на изголовьи кровати.

Из бумажника Руди достал контрамарку в цирк, где выступал Бизо: чистая обратная поверхность могла бы заменить страницу блокнота.

Контрамарку Руди получил неделю тому назад от Хью Фостера, полицейского Сноу-Виллиджа. Они дружили с детства.

Хью, как и Руди, хотел стать кондитером. Но природа не дала ему соответствующих способностей. Об его оладьи люди ломали зубы. А вкус лимонных тортов оставлял желать лучшего.

Полицейская служба приносила не только жалованье, но и «борзых щенков» — контрамарки в заезжий цирк и коробки с патронами от различных производителей. Этими патронами он делился с Руди, получал взамен пирожные, не портившие аппетита, а еще — пироги и штрудели, не вызывающие рвотного рефлекса.

На одной стороне контрамарки надпись «Бесплатно» окружали черные и красные изображения слонов и львов. Размерами, три на пять дюймов, контрамарка не отличалась от карточек, которые используются в библиотечных каталогах.

Руди положил контрамарку на бумажник, чистой стороной к себе, приготовился записывать. Под шум барабанившего по оконному стеклу дождя, схватившие за ограждающие поручни, Джозеф назвал первую дату: «Тысяча девятьсот девяносто четвертый год. Пятнадцатое сентября. Четверг. Запиши».

Стоя рядом с кроватью, Руди записал четким, ровным почерком, каким записывал рецепты: «15 СЕНТ. 1994. ЧЕТВ.».

Широко раскрытыми глазами, словно кролик, загипнотизированный удавом, Джозеф уставился в какую-то точку, расположенную высоко на стене. Но видел, похоже, не только стену, но и что-то более значимое. Будущее.

— Предупреди его, — прохрипел умирающий старик. — Ради бога, *предупреди его*.

— Предупредить кого? — в недоумении переспросил Руди.

— Джимми. Своего сына, Джимми, моего внука.

— Он еще не родился.

— Ждать осталось недолго. Две минуты. *Предупреди его*. Девятьсот девяносто восьмой. Девятнадцатое января. Понедельник.

Завороженный окаменевшим лицом отца, Руди застыл, не касаясь ручкой бумаги.

— ЗАПИШИ! — прорычал Джозеф. В крике пересохшие губы так разошлись, что нижняя треснула. Алая струйка крови потекла по подбородку...

— Девятьсот девяносто восьмой, — пробормотал Руди, записывая.

— Девятнадцатое января, — хрипя, повторил старик. — Понедельник. Ужасный день.

— Почему?

— Ужасный, ужасный

— Что в нем будет ужасного? — продолжал любопытствовать Руди.

— Две тысячи второй. Двадцать третье декабря. Снова понедельник.

— Папа, все это так странно, — Руди говорил, записывая третью дату. — Я не понимаю.

Джозеф по-прежнему крепко держался за хромированные поручни, с двух сторон ограждающие кровать. Внезапно тряхнул их с такой нечеловеческой силой, что они с диким скрежетом едва не вырвались из гнезд.

Медсестра рванулась к кровати, с тем чтобы успокоить пациента, но ярость и ужас, которые перекосили его бледное лицо, заставили ее остановиться. А после очередного громового раската, когда пыль посыпалась со звукоизолирующих плиток потолка, она

отступила на шаг, возможно подумав, что и гром — дело рук Джозефа.

— ЗАПИШИ! — потребовал он.

— Записал, записал, — заверил отца Руди. — 23 декабря 2002 года, снова понедельник.

— Две тысячи третий год, — продолжил Джозеф. - Двадцать шестое ноября. Среда. Перед Днем благодарения.

Записав четвертую дату на оборотной стороне контрамарки, Рули посмотрел на отца и увидел, что выражение его лица и глаз изменилось. Ярость ушла, остался только ужас.

— Бедный Джимми, бедный Руди, — прошептал Джозеф со слезами на глазах.

— Папа?

— Бедный, бедный Руди. Бедный Джимми. Где Руди?

— Я — Руди, папа. Я здесь, рядом с тобой.

Джозеф моргнул, снова моргнул, сбрасывая с ресниц слезы, вызванные охватившим его чувством. Каким именно, установить так и не удалось. Некоторые говорили, что изумлением. Другие утверждали, что такова естественная реакция на увиденное чудо.

Но Руди хватило нескольких мгновений, чтобы понять, что это не удивление, не изумление, а благоговейный трепет. Перед кем-то великим и неведомым.

А голос Джозефа упал до едва слышного шепота: «Две тысячи пятый».

Он все смотрел в некую реальность, что открылась ему там, где другие видели только голую стену. И в эту реальность, похоже, он верил ничуть не меньше, чем в мир, в котором прожил пятьдесят семь лет.

Дрожащей рукой, но по-прежнему разборчиво, Руди записал год и теперь ждал продолжения.

— Ах, — выдохнул Джозеф, словно ему только что открылся какой-то важный секрет.

— Папа?

— Не то, не то, — пробормотал Джозеф.

— Папа, что не то?

Любопытство заставило медсестру вновь приблизиться к кровати.

В палату вошел врач.

— Что здесь происходит?

— Не доверяй клоуну, — выдохнул Джозеф.

Врач переменился в лице, предположив, что пациент только что усомнился в его профессиональной компетентности.

Наклонившись над кроватью, пытаясь переключить отца с невидимого для всех, кроме него, на реальность, Руди спросил:

— Папа, откуда ты знаешь о клоуне?

— Шестнадцатое апреля, — сказал Джозеф.

— Откуда ты знаешь о клоуне?

— ЗАПИШИ! — проорал отец, после того как гром вновь расколол небеса.

И когда врач подходил к кровати с другой стороны, Руди добавил в строку с «2005 г.» на оборотной стороне контрамарки «16 АПРЕЛЯ». А потом и «СУББОТА», едва отец произнес это слово.

Врач взял Джозефа за подбородок и развернул голову к себе, чтобы лучше видеть глаза пациента.

— Он не тот, за кого себя выдает, — сказал Джозеф, не врачу, а своему сыну.

— Кто не тот? — переспросил Руди.

— Он не тот.

— Кто не тот?

— Хватит, Джозеф, — отчеканил врач. — Вы прекрасно меня знаете. Я — доктор Пикетт.

— Ох, трагедия! — В голосе Джозефа слышалась такая печаль, словно он был не кондитером, а актером-трагиком в пьесе Шекспира.

— Какая трагедия? — обеспокоился Руди.

Достав офтальмоскоп из кармана белого халата, доктор Пикетт не согласился с пациентом:

— Нет тут никакой трагедии. Наоборот, налицо значительное улучшение.

Вырвав подбородок из пальцев врача, Джозеф воскликнул:

— Почки!

— Почки? — ничего не понимая, переспросил Руди.

— Почему почки должны быть таким важным органом? — пожелал знать Джозеф. — Это же абсурд, полнейший абсурд!

Руди почувствовал, что у него упало сердце. Если разум отца на какое-то время и прояснился, то теперь он снова начал заговариваться.

Вновь ухватившись за подбородок пациента, врач включил офтальмоскоп и направил луч в правый глаз Джозефа.

А в следующее мгновение, будто луч был иглой, а жизнь Джозефа Тока — воздушным шариком, пациент шумно выдохнул и упал на подушку, мертвый.

Его попытались вернуть к жизни, благо больница располагала первоклассным оборудованием, но все попытки реанимации потерпели неудачу. Джозеф ушел в мир иной.

* * *

А я, Джеймс Генри Ток, прибыл в этот мир. Время в свидетельстве о смерти моего деда совпало со временем в моем свидетельстве о рождении: 22:46.

Потрясенный случившимся, Руди Ток остался у кровати отца. Он не забыл про жену, но горе обездвижило его.

Десятью минутами позже медсестра сообщила ему что роды у Мэдди прошли с осложнениями и он должен немедленно идти к ней.

Встревоженный перспективой одновременно с отцом потерять и жену, Руди пулей вылетел из палаты интенсивной терапии.

Как он говорит, коридоры нашей скромной окружной больницы превратились в белый лабиринт и он дважды сворачивал не в ту сторону. Не в силах дожидаться лифта, он скатился по лестнице с четвертого на первый этаж, прежде чем вспомнил, что родильное отделение находится на третьем.

Отец прибыл в комнату ожидания в тот самый момент, когда Конрад Бизо застрелил врача, принимавшего роды у его жены.

На мгновение он подумал, что Бизо стреляет из шутовского пистолета, заряженного капсулами с красными чернилами. Но врач упал на пол по-настоящему, и воздух наполнился запахом крови.

Бизо повернулся к отцу и поднял пистолет.

Несмотря на мятую шляпу-пирожок, короткие рукава пиджака, полосу клетчатой материи на заднице, белые круги вокруг глаз и румяна на щеках, в этот момент в Конраде Бизо не было ничего клоунского. Он смотрел на Руди глазами дикого кота, не составляло труда представить себе, что за сомкнутыми губами скрываются не человеческие зубы, а тигриные клыки. Похоже, его обуяла жажда убийства.

Отец подумал, что и он сейчас получит пулю, но Бизо процедил: «Прочь с дороги, Руди Ток! С тобой мне делить нечего. Ты не воздушный гимнаст».

Плечом он распахнул дверь между комнатой ожидания и родильным отделением и захлопнул ее за собой.

Отец опустился на колени рядом с врачом и обнаружил, что тот еще жив. Раненый попытался заговорить, но не мог: кровь клокотала в горле, и он задышался.

Руди осторожно приподнял голову врача, подложил под спину стопку старых журналов, чтобы раненый мог дышать. Стал звать на помощь, но его крики оглушались ревом грозы и раскатами грома.

Доктор Феррис Маклональд был лечащим врачом Мэдди. Он также занялся и Натали Бизо, когда ту привезли в больницу.

Смертельно раненный, он испытывал скорее недоумение, чем страх. Когда горло

освободилось от крови, он смог сказать отцу:

— Она умерла при родах, но моей вины тут нет.

В этот момент отец подумал, что речь идет о Мэдди. Доктор Макдональд это понял, потому что успел перед смертью сказать:

— Не Мэдди. Жена клоуна. Мэдди... жива. Извини, Руди.

И Феррис Макдональд умер на руках у моего отца. И едва стих очередной громовой раскат, отец услышал еще один выстрел, раздавшийся за дверью, через которую только что прошел Конрад Бизо.

Мэдди лежала где-то за той дверью... обессиленная трудными родами. И я тоже был за той дверью, младенец не способный защитить себя.

Мой отец, тогда еще пекарь, никогда не отличался склонностью к решительным действиям. Не прибавилось у него этой самой решительности и несколько лет спустя, когда его перевели в кондитеры. Среднего роста и веса, он не был слабаком, но не мог похвастаться и дюжиной силой. Он привык к спокойной жизни, без стрессов и катаклизмов, которая, кстати, полностью его устраивала.

Тем не менее страх за жену и сына не вызвал у него истерики, наоборот, заставил действовать хладнокровно и расчетливо. Без оружия, без плана действий, но с внезапно обретенным сердцем льва, он открыл дверь и последовал за Бизо.

И хотя воображение рисовало ему кровавые картины он и представить себе не мог того, что должно случиться, не мог и предположить, что события той ночи наложат свой отпечаток на последующие тридцать лет жизни, моей и его.

Глава 2

В центральной больнице округа Сноу, войдя в дверь между комнатой ожидания и родильным отделением, человек попадает в короткий коридор, по левую стену которого находится кладовая, а по правую — ванная. Матовые потолочные панели, закрывающие флуоресцентные лампы, белые стены, пол, выложенный белыми керамическими плитками, указывают на то, что здесь поддерживается идеальная чистота и ведется непримиримая борьба с болезнетворными микроорганизмами.

Я тоже побывал в этом отделении, потому что мой ребенок появился на свет божий здесь же, в еще одну незабываемую ночь, когда за окнами вновь разбушевалась непогода.

В ту грозовую ночь 1974 года, когда Ричард Никсон уехал домой в Калифорнию, а Бизо обезумел от ярости, мой отец нашел в коридоре медсестру, застреленную в упор.

Он помнит, как едва не упал на колени от жалости и отчаяния.

Смерть доктора Макдональда, пусть и ужасная, не поразила отца до глубины души, возможно, потому, что произошло все слишком быстро, слишком внезапно. Но всего через несколько секунд он увидел второй труп, молодой медсестры, в белом халате, с золотыми кудрями, обрамлявшими вдруг ставшее таким серьезным лицо, и только тут окончательно осознал, что долгое время находился бок о бок с маньяком-убийцей.

Он распахнул дверь кладовой в надежде найти там хоть что-нибудь похожее на оружие. Но нашел только простыни, бутылки с антисептическим раствором, запертый шкаф с лекарствами...

И хотя потом мой отец, конечно же, посмеялся над собой, в тот момент он подумал, что его руки, за последние годы перемесившие столько теста, очень даже сильны. А потому, если каким-то образом ему удастся избежать пули, они, конечно же, смогут задушить этого дьявольского клоуна.

И действительно, руки разозленного пекаря — страшное оружие. А ужас, охвативший тогда моего отца, пусть это и покажется странным, только придал ему мужества.

Короткий коридор пересекался с более длинным, который вел направо и налево. В этом новом коридоре из трех дверей две вели в «родилки», а одна — в палату для новорожденных, где лежали младенцы, каждый в своей кроватке. Привыкали к новой реальности света, тени, голода, неудовлетворенности, налогов.

Отец искал мою мать и меня, но в одной из «родилок» нашел только мать, лежащую без

сознания на той самой кровати, где она и рожала. Ни медсестер, ни врачей в «родилке» было.

Поначалу Руди подумал, что его любимая умерла. В глазах у него потемнело, он едва не лишился чувств, но в последний момент заметил, что она дышит. Он ухватился за край кровати и стоял, пока не совладал с нервами.

С посеревшим лицом, блестящим от пота, она ни чем не напоминала знакомую ему, бурлящую энергией женщину, казалась хрупкой и ранимой.

Кровь на простынях указывала, что она родила, но вопящего младенца Руди не видел.

Откуда-то донесся крик Бизо: «Где вы, мерзавцы?»

Отцу очень не хотелось оставлять мою мать, но он пошел на крик в надежде, что как-то сможет помочь людям. Потом он говорил, что на его месте точно так же поступил бы каждый пекарь.

Во второй «родилке» он нашел Натали Бизо. Она лежала на такой же кровати, как и его жена. Хрупкая, воздушная гимнастка умерла так недавно, что на ее щеках еще не высохли слезы страданий.

Согласно отцу, даже после агонии и смерти она сохранила неземную красоту. Безупречная смуглая кожа. Иссиня-черные волосы. Широко открытые зеленые глаза, напоминавшие бездонные озера.

Казалось невероятным, что такая женщина могла достаться Конраду Бизо, который определенно не был ни красавцем, ни богачом и не производил впечатления харизматической личности. Поэтому Руди мог понять — по не оправдать — неистовость реакции клоуна на смерть жены.

Выйдя из второй «родилки», мой отец нос к носу столкнулся с убийцей. Тот как раз выскочил из палаты для новорожденных с завернутым в одеяло младенцем на сгибе левой руки. Вблизи пистолет в правой руке в два раза увеличился в размерах по сравнению с тем, каким он был в комнате ожидания, словно они мгновенно перенеслись в Страну чудес Алисы, где предметы могли увеличиваться или уменьшаться, независимо от здравого смысла или законов физики.

Отец мог бы схватить Бизо за запястье и, пустив в ход сильные руки пекаря, попытаться вырвать пистолет, но не решился, опасаясь поставить под угрозу жизнь младенца

Сморщенное красное личико, казалось, говорило о том, что младенец страшно недоволен, возмущен. Его ротик открылся, словно он хотел закричать, но молчал, шокированный осознанием того, что его отец — обезумевший клоун.

«Я до сих пор благодарю Бога за этого младенца, — *часто говорил отец.* — Если бы не он, я бы точно нарвался на пулю, ты бы вырос сиротой, и никто не научил бы тебя готовить первоклассный крем-брюле».

С младенцем на одной руке и пистолетом в другой, Бизо спросил моего отца:

— Где они, Руди Ток?

— Кто они? — ответил отец вопросом на вопрос.

Красноглазого клоуна переполняло горе и распирала злость. Слезы текли по гриму. Губы дрогнули словно его сотрясали рыдания, а потом разошлись в таком яростном оскале, что у отца похолодело внутри.

— Не идиотничай. - предупредил Бизо. — Должны быть другие медсестры, возможно, еще один врач. Я хочу, чтобы все они умерли, все, кто допустил ее смерть.

— Они убежали, — без запинки ответил мой отец полагая, что лучше солгать и спасти несколько жизней. — Успели выскользнуть, воспользовались той самой дверью, через которую вы вошли. А миновав комнату ожидания, разбежались. Здесь их уже нет.

В ярости Конрад Бизо на глазах увеличился в размерах, будто ярость была пищей великанов. И ненависть, сверкавшая в его глазах, смертоносностью не уступала яду кобры.

Не желая стать очередной жертвой безумца, который никак не мог выместить свою злобу на медперсонале, Руди быстро добавил, безо всякой угрозы в голосе, лишь делясь полученной информацией:

— Полиция уже едет сюда. Они хотят отобрать у вас младенца.

— Мой сын принадлежит мне! — яростно прорычал Конрад Бизо. — Я пойду на все, лишь бы его не воспитывали воздушные гимнасты.

Балансируя на тонкой грани между ловким манипулированием собеседником и желанием остаться живых, мой отец сказал:

— Он станет величайшим представителем вашей профессии, лучшим клоуном, шутком, арлекином, паяцем.

— Именно так, — злоба вдруг исчезла из голоса убийцы. — Да, величайшим. Станет! И я никому не позволю лишить моего сына того, что предназначено ему судьбой!

С сыном и пистолетом Бизо прошел мимо моего отца к короткому коридору, свернул в него, переступил через труп медсестры, словно через мокрую тряпку, брошенную уборщицей.

Пытаясь найти хоть какой-то способ остановить безумца, не причинив при этом вреда младенцу, отец мог лишь наблюдать за его уходом.

Когда Бизо добрался до двери в комнату ожидания, он остановился и обернулся, чтобы сказать:

— Я никогда не забуду тебя, Руди Ток. Никогда.

Мой отец так и не смог понять, как расценить эти слова. То ли они были выражением благодарности, то ли угрозой.

Бизо распахнул дверь и скрылся за ней.

Оставшись один, отец тут же поспешил в первую «родилку», потому что прежде всего его заботили моя мать и я.

Ни медсестер, ни врача там он не нашел, мать лежала на той же кровати, на залитых кровью простынях, с посеревшим лицом, мокрая от пота, но уже в сознании.

Она стонала от боли, моргала, еще не полностью придя в себя.

Вопрос, то ли в тот момент она действительно еще не успела прийти в себя, то ли рассудок у нее временно помутился, по-прежнему обсуждается родителями, и мой отец утверждает, что испугался за ее психику, потому что она сказала: «Если ты хочешь на обед сандвич Рубена, ты должен сходить на рынок за сыром».

Мама настаивает, что на самом деле она сказала другое: «После этого даже не думай, что я позволю тебе прикоснуться ко мне, сукин ты сын».

Их любовь сильнее, чем желание, привязанность, уважение, настолько сильна, что они относятся к ней с юмором. Юмор — лепесток на цветке надежды, а надежда расцветает на стебле веры. Они верят друг в друга и верят в то, что у жизни есть предназначение, а уж из веры неустанно бьет фонтан юмора, величайшего их дара друг другу... и мне.

Я вырос в доме, где всегда звучал смех. И что бы ни случилось в грядущие дни и годы, смех этот останется со мной навсегда. И потрясающие пирожные.

Да и если говорить о моей жизни, я всегда считал что смех — лучшее лекарство от сердечных страданий бальзам для любого несчастья. Но я не собираюсь использовать смех в виде ширмы, чтобы скрыть от вас ужас и отчаяние. Мы будем смеяться вместе, но иногда смех приносит боль.

А потому...

Поехала ли у матери крыша или она была в здравом уме, возлагала ли на отца вину за страдания в родах или обсуждала необходимость покупки сыра, они об этом по большому счету, одинаково описывают случившееся позже. Отец заметил телефонный аппарат на стене около двери и вызвал подмогу.

То был не настоящий телефон, а аппарат внутренней связи, и стандартную клавиатуру заменяли четыре клавиши с надписями: «АДМИНИСТРАЦИЯ», «АПТЕКА», «СЛУЖБА ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ» и «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ».

Отец нажал на клавишу «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ», как только на другом конце провода сняли трубку, сообщил об убитых, о том, что убийца, в костюме клоуна, пытается покинуть больницу, а Мэдди нуждается в срочной медицинской помощи.

Моя мать, лежащая на кровати, уже полностью пришла в себя, потому что спросила:

— А где мой малыш?

Все еще прижимая трубку к уху, отец повернулся ней, в изумлении и тревоге.

— Ты не знаешь, где он?

Попытавшись сесть, моя мать скривилась от боли.

— А как я могу знать? Я же потеряла сознание. Ты сказал, что кого-то застрелили? Господи, кого? Что случилось? *Где мой ребенок?*

Хотя в «родилке» окон не было и ее отделяли от окружающего мира коридоры и другие помещения, мои родители уже слышали нарастающий вой полицейских сирен.

Отцу вдруг вспомнился безумец Бизо, с пистолетом в одной руке, завернутым в одеяло младенцем на сгибе другой. В горло выплеснулась желчь, сердце забилося еще быстрее.

Возможно, в родах умерли и жена, и ребенок Бизо. Возможно, на сгибе руки клоуна лежал не его ребенок, а Джеймс (или Дженнифер) Ток.

«Я подумал: «Моего ребенка похитили», *так говорит отец, описывая этот момент.*
— Я подумал о ребенке Липаберга и Френке Синатре младшем, которых похитили ради выкупа, о Маугли и Тарзане, которых воспитали дикие животные, и хотя мысли эти были совершенно неуместны, все они пришли в голову. Мне хотелось кричать, но я не мог вымолвить ни звука, чувствовал себя как тот краснолицый младенец, который молчи раскрывал рот, а когда подумал о нем, сразу понял, что это был ты, не его ребенок, а мой Джимми».

Осознав, что он должен найти и остановить Бизо, отец бросил телефонную трубку, метнулся к открытой двери в коридор... и чуть не столкнулся с Шарлен Коулман, медсестрой, которая несла младенца.

Лицом пошире, чем у того, что Бизо унес в грозовую ночь, и кожа была розовой, а не красной. Согласно отцу, чистые, синие глаза младенца сияли, словно он восторгался миром, где ему предстояло жить.

— Я спрятала вашего ребенка. — сказала Шарлен Коулман. — Спрятала от этого ужасного человека. Я поняла, что от него нужно ждать беды, как только он привел сюда жену. Он пришел в этой ужасной шляпе и даже не извинился за то, что не снимает ее.

Мне бы хотелось лично подтвердить, что Шарлен насторожил не клоунский грим Бизо, не открыто высказываемая ненависть к родственникам жены, воздушным гимнастам, не безумные, горящие огнем глаза, а всего лишь мятая шляпа-пирожок. К сожалению, мне был лишь час от роду, я еще не выучил английского и даже не понимал, кто эти люди и какое они имеют ко мне отношение.

Глава 3

Дрожа от облегчения, отец взял меня из рук Шарлен и отнес матери.

После того как медсестра подняла изголовье кровати, на которой рожала Мэдди, и подложила ей под спину еще пару подушек, мама смогла взять меня на руки.

«Очень надеюсь, что ты, Маленькие Синие Глазки, докажешь, что я не зря прошла через всю эту боль. Потому что, если ты окажешься неблагодарным ребенком, я превращу твою жизнь в ад». Отец клянется, что это были первые слова, с которыми она обратилась ко мне.

Вся в слезах, потрясенная случившимся, Шарлен рассказала, что произошло в родильном отделении, и объяснила, как ей удалось унести меня в безопасное место после того, как началась стрельба.

В возникшей ситуации, когда две женщины рожали одновременно и тяжело, доктор Маклоналд в столь поздний час не смог быстро найти второго квалифицированного врача-акушера. Он разрывался между двумя пациентками, переходя из одной «родилки» в другую, в свое отсутствие полагаясь на помощь медсестер. Его работа осложнялась еще и тем, что в сети периодически падало напряжение, лампы меркли, и он тревожился, успеет ли включиться автономный генератор больницы, если будет прервана централизованная подача электроэнергии.

Натали Бизо не прошла необходимые дородовые обследования. Она не знала, что у нее

преэклампсия[8]. Во время родов развилась эклампсия[9], сопровождаемая сильнейшими судорогами, которые не купировались и угрожали не только ее жизни, но и жизни еще не родившегося младенца.

Тем временем и у моей матери роды проходили с отклонением от нормы, главным образом из-за того, что шейка матки никак не раскрывалась. Внутривенное капельное введение раствора окситоцина[10] поначалу не привело к значительному усилению сокращений матки, достаточному для того, чтобы вытолкнуть меня из нее.

Натали родила первой. Доктор Макдональд сделал все возможное, чтобы спасти ее, поставил трахеотомическую трубку для облегчения дыхания, сделал несколько инъекций противосудорожных препаратов, но высоченное кровяное давление в сочетании с судорогами привели к гемаррогическому инсульту, который ее и убил.

Когда была перерезана и завязана пуповина между младенцем Бизо и его умершей матерью, у моей матери, которая все еще пыталась вытолкнуть меня на свет божий, внезапно раскрылась шейка матки.

И началось шоу Джимми Тока.

Прежде чем сообщить Конраду Бизо о том, что тот приобрел сына и потерял жену, доктор Макдональд принял меня и, согласно Шарлей Коулман, объявил, что это маленькая, но крепенькая кроха наверняка вырастет в звезду футбольных полей.

Наконец-то вытолкнув меня из матки, моя мать, совершенно обессиленная, лишилась чувств. Она не услышала предсказания доктора и не увидела моей широкой, розовой, изумленной мордашки, пока моя спасительница Шарлен не вернулась в «родилку», где и вручила меня отцу.

После того как доктор Макдональд передал меня медсестре Коулман, чтобы помыть и завернуть в белую пеленку, и убедился, что моя мать лишилась чувств от усталости и скоро придет в себя, с помощью нюхательных солей или без оных, он снял с рук резиновые перчатки, стянул на шею хирургическую маску и пошел в комнату ожидания для отцов, чтобы в меру своих возможностей утешить Конрада Бизо.

И тут же оттуда донеслись злобные, яростные крики: параноидные обвинения, грязные ругательства.

Сестра Коулман слышала их, несмотря на звукоизоляцию «родилки». Поняла, что эти крики - реакция Конрада Бизо на смерть жены.

Когда она вышла из «родилки» в коридор, чтобы лучше расслышать, чем недоволен Бизо, интуиция подсказала ей, что следует захватить с собой и меня, уже завернутого в пеленку и тоненькое одеяльце.

В коридоре она увидела Лоис Хансон, другую медсестру, которая держала на руках ребенка Бизо. Лоис тоже выскочила в коридор, встревоженная криками клоуна.

Лоис допустила роковую ошибку. Не прислушавшись к совету Шарлен, она направилась к закрытой двери в комнату ожидания, надеясь, что вид новорожденного сына успокоит Бизо и смягчит горе, вызвавшее приступ дикой ярости.

Шарлен, она недавно развелась с частенько поколачивающим ее мужем, понимала, что отцовским чувствам не успокоить разъяренного мужчину, который отреагировал на печальное известие злобными угрозами, а не слезами. Кроме того, она помнила, что клоун, не снявший в помещении шляпу, не отличается хорошими манерами. Так что Шарлен почувствовала: быть беде, большой беде.

И она отступила по коридору в палату для новорожденных. Закрывая за нами дверь, слышала выстрел, оборвавший жизнь доктора Макдональда.

В палате рядами стояли кровати, в которых лежали новорожденные. В большинстве своем они спали двое-трое гукали, никто не кричал. Огромное окно занимало большую часть длинной стены, но в данный момент по другую его сторону не стояли ни гордые отцы, ни бабушки с дедушками.

За новорожденными присматривали две медсестры. Они слышали как крики, так и выстрел, поэтому, в отличие от Лоис, нашли дельным совет Шарлей.

Она заверила их, что обезумевший клоун не причинит вреда младенцам, но наверняка убьет всех сотрудников больницы, которые попадутся ему на глаза.

Тем не менее, прежде чем покинуть палату, каждая из медсестер прихватила по одному новорожденному, тревожась о тех, кого пришлось оставить. Еще более испуганные вторым выстрелом, они последовали за Шарлей в дверь у обзорного окна, которая вела из родильного отделения в главный коридор.

Втроем, вместе с младенцами, они укрылись в палате где ни о чем не подозревая, крепко спал какой-то старик.

Ночник на прикроватном столике практически не разгонял темноту, но комната то и дело освещалась вспышками молний.

Боясь даже вздохнуть, три медсестры сбились в кучку и простояли так, пока издали не донесся вой полицейских сирен. Шарлей тут же подошла к окну, которое выходило на залитую дождем автомобильную стоянку перед больницей.

Она надеялась увидеть подкатывающие на полной скорости патрульные машины, но увидела лишь шлепающего по лужам Бизо со своим сыном на руках. Он выглядел как персонаж фильма ужасов, жуткий незнакомец, крадущийся в ночи. Не составляло труда представить себе что это ночь после конца света, когда разверзлась земля, выпустив на поверхность легионы проклятия. Одного из них она видела перед собой.

Шарлей родилась в Миссисипи и была баптисткой души которой заполняла поэтика Юга.

Бизо припарковал свой автомобиль так далеко, что за пеленой дождя и в желтом свете натриевых ламп Шарлей не смогла определить ни марку, ни модель, ни даже цвет машины. Она наблюдала, как клоун отъезжает, в надежде что полиция успеет перехватить его до того, как он выедет на шоссе, но лишь увидела, как задние огни растворились в темноте.

Как только угроза миновала, Шарлен вернулась в палату для новорожденных, практически в тот самый момент, когда в голову моего отца полезли мысли об убийстве похищенного ребенка Линдберга. о Маугли и Тарзане, воспитанных зверьем, и заверила его, что клоун-убийца не смог меня похитить.

Потом мой отец убедился, что время моего рождения, рост и вес полностью соответствовали предсказаниям его отца, лежащего на смертном одре. А первое доказательство того, что события в палате интенсивной терапии были не просто экстраординарными, но сверхъестественными, он получил, по словам моей матери, развернув одеяло и пеленку. Посмотрел на мои ножки и увидел сросшиеся пальчики, как и предсказал Джозеф.

— Синдактилия, — выдохнул мой отец.

— Это можно исправить, — заверила его Шарлен. Потом ее глаза изумленно раскрылись. — Откуда вы знаете этот медицинский термин?

Мой отец лишь повторил: «Синдактилия» — и нежно, с любовью, изумленно погладил мои сросшиеся пальчики.

Глава 4

Синдактилия — не просто физический недостаток, с которым я родился, но характерная черта всех моих тридцати прожитых лет. Многое частенько срачивалось самым неожиданным образом. Мгновения, разделенные долгими годами, сливались воедино, словно пространственно-временной континуум складывала какая-то неведомая сила. Люди, которые не знали друг друга, вдруг обнаруживали, что объединены общей судьбой, совсем как два пальца, соединенные кожаной перемычкой.

Хирурги так давно разъединили пальцы на моих стопах, что у меня не осталось никаких воспоминаний об этой операции. Я хожу, бегаю, если возникает необходимость, и танцую, пусть и не очень хорошо.

При всем моем уважении к памяти доктора Ферриса Макдональда, я так и не стал звездой футбольных полей, да и не хотел им стать. Моя семья никогда не интересовалась спортом.

Зато мы все большие и верные поклонники слоеных пирожков, эклеров, пирогов с вареньем, тортов, пирожных, булочек, бисквитов, пропитанных вином и залитых сбитыми сливками, а также знаменитых пирогов с сыром и брокколи, сэндвичей Рубена и всех прочих блюд, которые готовит моя мать. Мы без сожаления променяем переживания и славу всех игр и турниров, придуманных человечеством, на семейный обед за разговорами и смехом, который не стихает до последнего глотка кофе.

С течением лет я вырос с двадцати дюймов до шести футов. И вес мой с восьми фунтов и десяти унций увеличился до ста восьмидесяти восьми фунтов, что доказывает высказанное выше утверждение: я, конечно, парень крепкий, но не такой уж детина, каким кажусь большинству людей.

Пятое предсказание моего деда (все будут звать меня *Джимми*) также подтвердилось.

Даже встретив меня впервые, люди, похоже, думают, что Джеймс — слишком формально, Джим — излишке коротко. Даже если я сам представляюсь как Джеймс, подчеркиваю, что обращаться ко мне следует именно так, а не иначе, они все равно называют меня Джимми с такой фамильярностью, будто знали с младенчества, когда у меня были розовые щечки и сросшиеся пальчики на стопах.

Я записываю все это на магнитофонную ленту в надежде, что смогу прожить достаточно долго, чтобы сделать распечатку текста и отредактировать его. Я сумел пережить четыре из пяти ужасных дней, предсказанных моим дедом Джозефом. Они все оказались ужасными, пусть и по-своему, события, случившиеся в те дни, были неожиданными и страшными, не обошлось, разумеется, и без трагедий, но хватало и другого. Многого, многого другого.

И теперь... надвигался еще один ужасный день. Последний.

* * *

Мои отец и мать и я сам двадцать лет притворялись, будто точность первых пяти пророчеств Джозефа не является необходимым и достаточным доказательством того, что исполнятся и его следующие пророчества. Мои детские и юношеские годы прошли легко и непринужденно, не давая повода подумать о том, что судьба уготовила мне какие-то потрясения.

Тем не менее первый из названных дней, 15 сентября 1994 года, четверг, приближался, и мы заволновались.

Мама за день стала выпивать по двадцать чашек кофе вместо обычных десяти.

Кофеин так странно на нее действует. Успокаивает, вместо того чтобы будоражить.

Если за утро ей не удастся выпить положенные три чашки кофе, к полудню она не находит себе места, совсем как рассерженная муха, бьющаяся об оконное стекло. Если к тому времени, когда пора ложиться спать, не выпито восемь чашек, ее мучает бессонница и она лежит в кровати такая бодрая, что может не только насчитать тысячу овечек, но каждой дать имя и придумать забавную историю ее жизни.

Папа уверен, что обратное действие кофеина на мать вызвано тем, что ее отец был дальнобойщиком, который поглощал кофеиновые таблетки горстями.

«Может, и так, — *иной раз отвечает мать отцу*, — но тебе-то на него жаловаться? Когда ты ухаживал за мной, достаточно было влить в меня пять или шесть чашек дешевого кофе, чтобы я становилась податливой как резиновая лента».

По мере приближения 15 сентября 1994 года волнение отца начало проявляться в загубленных тортах, не вкусном заварном креме, подгоревшей корочке пирогов, крем-брюле, консистенцией напоминающем песок. Он не мог сосредоточиться ни на рецептах, ни на духовках.

Полагаю, сам я держался достаточно уверенно. В последние два дня, предшествующие первой из пяти зловещих дат, я, конечно, чаще, чем обычно, ломился в закрытые двери или цеплял ногой за ногу, поднимаясь по лестнице. И, должен признать, уронил молоток на ногу бабушки Ровены, когда вешал для нее картину. Но уронил на ногу, а не на голову, а когда однажды все-таки упал на лестнице, то проехал на заднице только один пролет и ничего не

сломал.

Впрочем, была причина, по которой нам удавалось держать волнение под контролем: дедушка Джозеф сказал отцу о пяти ужасных днях — не об одном. Так что по всему выходило, что 15 сентября мне доведется пережить, какие бы ужасы ни обрушились на меня в тот день.

— Да, но надо помнить об ампутации конечностей, — предупреждала бабушка Ровена. — А также о параличе и повреждении мозга.

Она — милая женщина, моя бабушка по материнской линии, но очень уж остро чувствует хрупкость человеческой жизни.

Будучи ребенком, я ненавидел те вечера, когда она настаивала, что почитает мне перед сном. Даже если она не отклонялась от классического текста сказки, а проделывала она это часто, и Большой Злой Волк получал заслуженное наказание, бабушка частенько останавливалась в самые захватывающие моменты, чтобы порассуждать, а что могло бы случиться с тремя маленькими поросятами, если бы созданные ими оборонительные редуты рухнули раньше времени, а выбранная стратегия защиты не принесла желаемых результатов. И должен отметить, что переработка на сосиски была далеко не самым худшим вариантом.

Но, так или иначе, менее чем через шесть недель после моего двадцатилетия наступил первый из ужасных дней, уготованных мне судьбой.

Часть 2

НЕ УМЕЯ ЛЕТАТЬ, МОЖНО И УМЕРЕТЬ

Глава 5

В среду 14 сентября мои родители и я встретились в их столовой и так плотно пообедали, что потом едва смогли подняться из-за стола.

Мы также собрались и для того, чтобы обсудит оптимальную стратегию, позволяющую выстоять в этот судьбоносный день, до которого оставалось меньше трех часов. Мы надеялись, что при должных подготовке и осторожности я смогу вступить в 16 сентября таким же целым и невредимым, какими остались три маленьких поросенка после их встречи с волком.

Бабушка Ровена, присоединившаяся к нам за обедом, выступала с позиции адвоката дьявола дабы указать на недостатки, которые обнаружила в принимаемых нами мерах предосторожности.

Как всегда, ели мы на отделанном золотом фарфоре Райно Лиможа, столовыми приборами от Буччеллати.

Несмотря на очень дорогие фарфор и столовые приборы, мои родители — люди не такие уж богатые, наша семья относится к достаточно обеспеченному среднему классу. Мой отец, заведующий кондитерским производством, получает вполне приличное жалованье, но к нему не прилагаются опционы акций и полеты на принадлежащих корпорации реактивных самолетах.

Мама тоже вносит свою лепту в семейный бюджет: рисует портреты домашних любимцев. Главным образом кошек и собак, но также кроликов, канареек, а однажды ей пришлось рисовать молочную змею. После того как эту натурщицу привезли попозировать, она никак не хотела отправляться домой.

Маленький викторианский дом моих родителей можно, пожалуй, назвать скромным, но он настолько уютен, что кажется просто роскошным. Потолки невысокие, комнаты не поражают размерами, но обставлены с большим вкусом. Здесь приятно жить, поэтому не стоит винить Эрла за то, что он попытался укрыться за диваном в гостиной, под ванной на гнутых ножках, в ящике для грязного белья, в корзине для картофеля, которая стояла в кладовой, и в разных других местах за те три недели, в течение которых составлял нам компанию. Эрл — та самая молочная змея, о которой я упоминал, и ей, дом — стерильное место с мебелью из нержавеющей стали и черной кожи, произведениями абстрактного искусства и кактусами вместо домашних растений.

Из всех уютных уголков этого маленького дома, где ты можешь почитать книгу,

послушать музыку или посмотреть в окно на сверкающий белым снегом день, столовая, пожалуй, лучше всех. А все потому, что для семьи Ток еда (и веселье, сопровождающее каждую трапезу) — ось, заставляющая вращаться колесо нашей жизни.

Отсюда роскошные фарфор и столовые приборы, соответственно, Лиможа и Буччеллати.

Мы исходим из того, что обед, включающий менее пяти блюд, вовсе и не обед, а первые четыре блюда полагаем лишь подготовкой к пятому, поэтому удивительно, что никто из нас не страдает избыточным весом.

Отец как-то обнаружил, что его лучший костюм из шерстяной материи ему тесноват. Так он три дня обходился без ленча, и в результате все проблемы с костюмом разрешились сами собой.

Необычная реакция организма мамы на кофеин — не единственная странность в наших взаимоотношениях с едой. У обеих ветвей нашей семьи, что у Токов, что у Гринвичей (Гринвич — девичья фамилия матери), обмен веществ прямо-таки будто у колибри. Эта птица каждый день съедает количество пищи, которое в три раза превосходит ее собственный вес, и при это все равно может летать.

Мама однажды предположила, что ее с отцом потянуло друг к другу отчасти и потому, что на подсознательном уровне они сразу поняли, что у них обоих одинаковый, высший тип обмена веществ.

В столовой потолок, пол и нижняя часть стен из красного дерева. Верхняя часть стен обтянута муаровым шелком, на полу — персидский ковер.

Во время обеда хрустальную люстру не зажигают, обедаем мы всегда при свечах.

В тот сентябрьский вечер 1994 года свечи были квадратные, каждая стояла на хрустальном блюде подсвечнике, некоторые из обычного воска, другие из рубиново-красного. Стояли свечи не только на обставленном столе, но и на комодах у стен, отбрасывал мягкий свет на скатерть, наши лица, стены.

Посторонний человек, заглянувший в окно, мог бы подумать, что мы не обедаем, а проводим спиритический сеанс и пища лишь помогает коротать время до появления духов.

И хотя родители приготовили мои самые любимые блюда, я старался не думать об этом обеде как о последней трапезе приговоренного к смерти.

Пять должным образом приготовленных блюд невозможно съесть так же быстро как «Хэппи мил» в «Макдоналдсе», тем более что к каждому подавалось свое, тщательно подобранное вино. Поэтому мы и настроились на долгий вечер который нам предстояло провести и компании друг друга.

Папа — шеф-кондитер всемирно знаменитого курорта Снежный, и должность эту он унаследовал от своего отца Джозефа. Поскольку все сорта хлеба и выпечки должны быть свежими ежедневно, он уходит на работу в час ночи, как минимум пять дней в неделю, чаще — шесть. К восьми утра, когда выпекается все что заказано на день, он возвращается домой. Завтракает с мамой, а потом спит до трех часов дня.

В том сентябре я работал точно так же, как он, поскольку уже два года был учеником пекаря на том же курорте. Семья Ток верит в протекцию родне.

Папа говорит, что никакая это не семейственность, когда у тебя есть настоящий талант. Если дать мне хорошую духовку, я могу составить достойную конкуренцию кому угодно.

И действительно, на кухне от моей неуклюжести не остается и следа. Когда дело доходит до выпечки, я Джин Келли[11], я — Фред Астер[12], я — само изящество.

После нашего обеда отцу предстояло идти на работу, мне — нет. Готовясь к первому из пяти ужасных дней, предсказанных дедушкой Джозефом, я взял недельный отпуск.

Начали мы с ачмы, грузинского блюда, — тончайших слоев теста, которые перемежались со слоями сыра и масла, с золотистой корочкой поверху.

В то время я еще жил с родителями, поэтому отец и сказал:

— Тебе следует оставаться дома с полуночи до полуночи. Не высывайся. Спи, читай, смотри телевизор.

— Тогда случится вот что, — встряла бабушка Ровена, — он упадет с лестницы и сломает шею.

— Не пользуйся лестницей. — предложила мать, оставайся в своей комнате, сладенький. Еду я буду тебе приносить.

— Тогда, скорее всего, сгорит дом, — не сдавались Ровена.

— Нет, дом не сгорит, — возразил отец. — Электрическая проводка хорошая, плита новая, дымоходы в обоих каминах недавно прочистили, на крыше установлен громоотвод, а Джимми не играет со спичками.

В 1994-м Ровене исполнилось семьдесят семь лет, двадцать четыре года она прожила вдовой, так что отгоревала положенное. Женщиной она была хорошей, но уж больно упрямой. Ее попросили взять на себя роль адвоката дьявола, и она упорно гнула свое.

— Если не будет пожара, то взорвется газ.

— Ровена, — пытался урезонить ее отец, — во всей истории Сноу-Виллидж не было случая, когда взрыв бытового газа уничтожал дом.

— Тогда на дом упадет авиалайнер.

— Да, такое в наших местах случается раз в неделю, — вздохнул отец.

— Все всегда бывает впервые, — ответила Ровена.

— Если наш дом может стать первым, на который упадет авиалайнер, то с той же вероятностью в соседнем доме могут поселиться вампиры. Однако, будь уверена, с завтрашнего дня я не начну носить на шее чесночное ожерелье.

— Если не авиалайнер, то самолет «Федерал экспресс»[13], набитый посылками.

Отец вытаращился на нее, покачал головой:

— «Федерал экспресс»!

Мать сошла нужным вмешаться:

— Мама хочет сказать, если судьба заготовила для нашего сына какую-то пакость, ему от нее не укрыться. Судьба есть судьба. Она его найдет.

— Может, самолет «Юнайтед парсел сервис»[14].

За тарелками дымящегося супа-пюре из цветной капусты и белой фасоли с эстрагоном мы решили, что оптимальный для меня вариант — провести завтрашний день точно так же, как любой нерабочий день, разве что проявлять во всем большую осторожность.

— С другой стороны, — указала бабушка Ровена, — именно осторожность может привести его к смерти.

— Что ты такое говоришь, Ровена? Как осторожность может привести к смерти? — удивился отец.

Бабушка отправила в рот ложку супа, чмокнула губами, чего никогда не делала до того, как ей не стукнуло семьдесят пять, зато потом чмокала часто и с удовольствием.

На полпути от семидесяти к восьмидесяти годам она решила, что своим долголетием заработала право не отказывать себе в маленьких жизненных удовольствиях. Поэтому чмокала губами, шумно высмаркивалась (за столом — никогда) и после каждого блюда клала ложку и/или вилку на тарелку рабочим концом к краю, тогда как ее мать, знаток этикета, учила Ровену, что, поев, ложку и/или вилку нужно оставить на тарелке рукояткой к краю.

Ровена чмокнула губами вторично и объяснила, каким образом осторожность может быть опасной:

— Предположим, что Джимми нужно перейти улицу, но он опасается, что может угодить под автобус...

— Или под мусоровозку, — вставила мама. — Такие большие грузовики на наших узких улицах. Если откажут тормоза, что их остановит? Конечно же, они въедут прямо в дом.

— Автобус, мусоровозка, даже разогнавшийся катафалк, — покивала Ровена.

— А с какой стати катафалку разгоняться? — полюбопытствовал отец.

— Разогнавшийся или нет, он остается катафалком, — ответила бабушка. — Разве это не ирония судьбы — угодить под колеса катафалка? Видит бог, у жизни совсем не те шутки, какие показывают по телевизору.

— Шутки жизни телезрители не поймут, — заметила мама. — Их способность воспринимать истинную иронию напрочь убил сериал «Она написала убийство».

— То, что проходит на ти-ви за шутку, на самом деле огрехи сценария, — поддакнул отец.

— Куда больше мусоровозок я боюсь огромных бетономешалок, которые на ходу перемешивают бетон. Мне всегда кажется, что вращающийся кузов внезапно сорвется, покатится по улице и раздавит меня.

— Хорошо, — кивнула Ровена. — Значит, наш мальчик боится встречи с бетономешалкой.

— Не то чтобы боюсь, — поправил я бабушку, — остерегаюсь.

— Итак, он стоит на тротуаре, смотрит налево, потом направо, осторожничает, выжидает... и вот потому, что он стоит на тротуаре слишком долго, его сбивает падающий сейф.

Отец, как мог, сдерживался, чтобы не прервать столь интересные дебаты, но тут его терпение лопнуло.

— Падающий сейф? Откуда он мог упасть?

— Естественно, из окна высокого здания, — ответила бабушка.

— В Сноу-Виллидж нет высоких зданий, — запротестовал отец.

— Руди, дорогой, — подала голос мама, — ты забываешь про отель «Альпийский».

— В нем всего пять этажей.

— Сейф, пролетевший пять этажей, расплющит нашего мальчика, — настаивала бабушка. Потом добавила, повернувшись ко мне, сочувственным тоном: — Извини. Я тебя расстроила, дорогой

— Отнюдь, бабушка.

— Боюсь, это чистая правда.

— Я знаю, бабушка.

— Он бы тебя расплющил.

— Безусловно, — согласился я.

— Это такое ужасное слово — расплющил!

— Да уж, наводит на размышления.

— Мне следовало подумать, прежде чем произносить его. Лучше бы я сказала «убил».

И в красноватом свете свечи Ровена одарила меня улыбкой Моны Лизы.

Я перегнулся через стол и похлопал ее по руке.

Отцу, как шеф-кондитеру, постоянно приходится смешивать множество ингредиентов в точной пропорции, поэтому он уважает математику и причинно-следственную связь гораздо больше матери и бабушки. У них более идеалистический склад ума, и логика у них далеко не в том почете, что у отца.

— С какой стати кому-то ставить сейф на верхний этаж отеля «Альпийский»? — спросил он.

— Разумеется, чтобы хранить в нем ценности. — ответила бабушка.

— Какие ценности?

— Ценности отеля.

Хотя в подобных спорах отцу никогда не удастся взять верх, он продолжает надеяться, что здравый смысл возобладает, если он проявит достаточное упорство.

— А почему им не поставить большой, тяжелый сейф на первом этаже? Зачем затаскивать его наверх?

— Потому что их ценности, несомненно, находятся на верхнем этаже. — ответила мать.

В такие моменты я не могу сказать наверняка, то ли мать разделяет более чем странные взгляды на окружающий мир бабушки Ровены, то ли просто подзуживает отца.

Лицо у нее бесхитростное. Глаза никогда не бегают, всегда ясные. Женщина она прямая. Эмоции понятны, намерения не бывают двусмысленными.

Однако, как говорит отец, при всем ее открытости и прямоте, мама, если у нее

возникает такое желание, в мгновение ока может отгородиться от всех глухой стеной, скрывающей истинные чувства.

И он любит ее в том числе и за это.

Наш разговор продолжался и за цикорным салатом с грушей, грецкими орехами и сыром, за которым последовала вырезка на картофельно-луковых оладьях и спаржа.

Прежде чем отец прикатил из кухни тележку с десертом, мы уже договорились, что завтрашний знаменательный день я должен провести точно так же, как и любой другой выходной. С осмотрительностью. Но без чрезмерной осторожности.

Наступила полночь.

Потекли первые минуты 15 сентября,

Ничего не произошло.

— Может, ничего и не случится, — сказала мама.

— Что-нибудь случится, — не согласилась с ней бабушка и чмокнула губами. — Что-нибудь случится.

Мы решили к девяти вечера вновь собраться на обед за тем же столом, если раньше тяжелый сейф, свалившийся с высокого здания, не расплющит меня. И вместе будем держаться настороже, чтобы вовремя унюхать запах газа или услышать нарастающий вой падающего самолета.

После легкого десерта, за которым последовал настоящий десерт, кофе при этом лилось рекой, отец ушел на работу, а я помог убрать со стола и помыть посуду.

Потом, где-то в половине второго, прошел в гостинную, чтобы почитать новую книгу, на которую возлагал большие надежды. Люблю детективы, где расследуется убийство.

Жертву нашли уже на первой странице, в багажнике автомобиля. Звали убитого Джим.

Я отложил книгу, взял другую, из стопки на кофейном столике, и вернулся к креслу.

Обложку украшал труп красавицы-блондинки, задушенной ярким широким шелковым поясом, обвивающим шею.

Первую жертву звали Долорес. С довольной улыбкой я сел в кресло.

Бабушка сидела на диване, что-то вышивала. Вышиванием она увлекалась с детства.

Переехав в дом отца и матери почти двадцать лет тому назад, она жила по режиму пекаря, ночами вышивая красивейшие композиции. Моя мать и я придерживались такого же распорядка дня и ночи. Вот и учился я дома, потому что наша семья бодрствовала ночью и спала днем.

В последнее время бабушка в вышивании отдавала предпочтение насекомым. Мне очень нравились ее бабочки и божьи коровки, но я решительно не хотел видеть пауков на чехле моего кресла или таракана на наволочке.

В прилегающей к гостиной нише, которую мама приспособила под студию, она работала над портретом лупоглазого бесшерстного кота с ласковой кличкой Киллер.

Поскольку Киллер терпеть не мог незнакомцев и не желал покидать родной дом, хозяева снабдили маму фотографиями, с которых она и писала портрет. И хорошо, потому что шипящий, кусающийся и царапающийся Киллер мог бы изрядно испортить столь приятный вечер.

Гостиная в доме родителей маленькая и отделена от ниши лишь шелковой занавеской. На этот раз мама отдернула занавеску, чтобы приглядывать за мной и в случае возникшей опасности мгновенно прийти на помощь.

Примерно с час мы все молчали, занятые своими делами, а потом мама нарушила тишину:

— Иногда я начинаю тревожиться, а не превращаемся ли мы в семейство Аддамсов[15].

* * *

Первые восемь часов первого ужасного дня прошли без происшествий, тихо и спокойно.

В четверть девятого утра, с бровями, побелевшими от муки, домой вернулся отец.

— Суфле сегодня получилось ужасное. Ничего не мог с ним поделать. Как же я буду

рад, когда этот день закончится и я снова смогу сосредоточиться на готовке.

Все вместе мы позавтракали на кухне. И в девять часов, убрав со стола и помыв посуду, разошлись по спальням и спрятались под одеялами.

Возможно, остальные члены моей семьи не прятались, но я точно спрятался. Я верил в предсказания деда, хотя мне и не хотелось в этом признаваться, а потому с каждой прошедшей минутой нервы у меня натягивались все сильнее.

Поскольку спать я ложился в тот час, когда большинство людей начинали рабочий день, мне требовались не только жалюзи, но и тяжелые портьеры, которые отсекали как свет, так и звук. Поэтому в моей комнате было тихо и царила темнота.

Пролежав под одеялом несколько минут, я почувствовал неодолимое желание включить лампу на прикроватном столике. Хотя с самого детства не боялся темноты.

Из ящика прикроватного столика я достал пластиковый чехол, в котором хранилась контрамарка в цирк, врученная патрульным Хью Фостером моему отцу более двадцати лет тому назад. Бумажный прямоугольник три на пять дюймов выглядел как только что напечатанный, если не считать полоску сгиба посередине: отец сложил контрамарку, чтобы она поместилась в бумажнике.

На чистой оборотной стороне отец записал пять дат, продиктованных дедушкой Джозефом, лежавшим на смертном одре.

Переднюю сторону контрамарки занимали слоны и тигры, окружавшие две печатные строчки: «НА ДВА ЛИЦА» черными буквами, и «БЕСПЛАТНО» — красными.

А по самому низу тянулась еще строчка, которую я прочитал бесчисленное число раз: «ГОТОВЬТЕСЬ УВИДЕТЬ НЕЧТО».

В зависимости от настроения иногда я полагал, что этой надписью зрителей готовили к встрече с чем-то удивительным. Но случалось, что я воспринимал эту надпись иначе: «ГОТОВЬТЕСЬ ПЕРЕПУГАТЬСЯ ДО СМЕРТИ».

Вернув контрамарку в ящик, я какое-то время лежал без сна. Думал, мне уже не уснуть. Но заснул.

Тремя часами позже сел на кровати, мгновенно проснувшийся, бодрый. Дрожащий от страха.

Насколько мог помнить, проснулся я не от кошмара. Вроде бы ничего страшного мне не снилось.

Тем не менее проснулся с какой-то жуткой мыслью. Она так сжала мне сердце, что я едва мог дышать.

Если по жизни меня ждали пять ужасных дней, я, конечно же, не мог умереть в первый из них. Но, как очень даже здраво указала бабушка Ровена, если бы в тот сентябрьский день я и сохранил жизнь, - то мог лишиться конечности, повредить мозг, остаться парализованным.

Не мог я исключить и смерти кого-то еще. Кого-то из самых близких мне людей. Отца, матери, бабушки..

И если бы этот день стал ужасным, потому что кто-то из них умер бы болезненной и насильственной смертью, воспоминание о которой преследовало бы меня до конца жизни, тогда я предпочел бы умереть сам.

Я сидел на краю кровати, радуясь тому, что заснул, оставив лампу зажженной. Мои руки были мокрыми от пота и так дрожали, что я не смог бы ни найти в темноте выключатель, ни нажать на него.

Если члены семьи любят друг друга — это счастье.

Но чем сильнее мы любим ближайших родственников, тем становимся более уязвимыми перед потерей кого-то из них, горем, одиночеством.

Спать я больше не мог.

Часы показывали половину второго.

До полуночи оставалось менее половины суток, каких-то десять с половиной часов.

Но этого времени вполне хватило бы, чтобы оборвать чью-то жизнь, уничтожить мир, отнять надежду...

Глава 6

За миллионы лет до появления «Туристического телеканала», который наверняка бы сообщил о происходящих изменениях, разразившаяся в глубинах земли буря вздыбила поверхность, превратив ее в череду волн, так что путешественнику, оказавшемуся в этом регионе, постоянно приходилось ехать то вверх, то вниз и крайне редко — по горизонтали.

Вечнозеленые леса, сосны и ели, освоили как гребни «волн», так и впадины между ними, не только окружив город Сноу-Виллидж, но вольготно себя чувствуя в его пределах.

В городе постоянно проживают примерно четырнадцать тысяч человек. Для большинства из них работа так или иначе связана с природой.

Курорт Снежный известен на весь мир горнолыжными склонами и высококачественным обслуживанием. Здесь же немало других отелей и возможностей для занятий разными зимними видами спорта. Туристов в Сноу-Виллидж приезжает много. С середины октября по март население города возрастает чуть ли не на шестьдесят процентов. Но и с марта по октябрь к нам едут, чтобы отправиться в многодневный поход по окрестностям, спуститься по реке на лодках или плотах.

Осень в Скалистых горах наступает быстро, но тот сентябрьский день выдался ясным и тихим. Теплый воздух, полное отсутствие ветра, послеполуденный золотой солнечный свет, создающий впечатление, будто Сноу-Виллидж вырезан из янтаря.

Поскольку дом моих родителей расположен на окраине, я поехал, а не пошел в центр Сноу-Виллидж, где у меня имелись кое-какие дела.

В те дни у меня была семилетняя «Дайтона Шелби Z», входящая в семейство «Доджей». Помимо матери и бабушки, я еще не встретил женщину, которую любил бы так же сильно, как эту маленькую спортивную машину.

К технике у меня нет решительно никаких способностей, и едва ли они появятся. Конструкция и, соответственно, работа автомобильного двигателя для меня такая же загадка, как растущая популярность запеканки с тунцом.

Я любил этот славный маленький «Додж» исключительно за его внешность: плавные обводы, черная краска — стремительные желтые, цвета луны в пору жатвы, полосы. Эта машина была частью ночи, которая спустилась с неба, потершись бортами о луну.

Вообще-то у меня нет склонности романтизировать неодушевленные предметы, если их нельзя съесть. Мой «Додж» — редкое исключение.

Прибыв в центр и избежав лобового столкновения с разогнавшимся катафалком, я потратил несколько минут на поиск места для парковки. На большей части Альпийской авеню, нашей главной улицы, парковаться нужно под углом к тротуару. Меня такая парковка не устраивала. Дверца другого автомобиля, небрежно открытая, могла помять борт «Шелби Z» или содрать краску. Я же любое повреждение автомобиля воспринимал как нанесенную мне рану.

Поэтому я отдавал предпочтение парковке, параллельной тротуару, и нашел свободное место на улице, которая тянулась вдоль одной из сторон Центрального квадратного парка. Этот парк действительно разбит на квадратном участке в самом центре города. Мы, жители Скалистых гор, иногда называем вещи своими именами.

Я поставил «Шелби Z» в затылок желтому микроавтобусу перед «Дворцом Сноу» — местной достопримечательностью, открытой для туристов одиннадцать месяцев в году. В сентябре, между двумя туристическими сезонами, дворец закрывался для профилактического ремонта.

Обычно я, само собой, выхожу из автомобиля, открывая водительскую дверцу. И как раз собирался это сделать, когда мимо промчался пикап, практически вплитирку с бортом моего «Доджа», как минимум в два раза превысив разрешенную на этой улице скорость. Если бы я открыл дверцу на несколько секунд раньше, то провел бы осень в больнице и, возможно, встретил бы зиму, недосчитавшись одной или двух конечностей.

В любой другой день я отругал бы про себя безответственного водителя и открыл дверцу. Но не в этот.

Проявив осторожность (надеюсь, не излишнюю), я перебрался на пассажирское сиденье и вышел из «Доджа» со стороны тротуара.

Тут же посмотрел вверх. Никакого падающего сейфа. Пока все шло хорошо.

Основанный в 1872 году на деньги от золотодобычи и строительства железных дорог Сноу-Виллидж — музей викторианской архитектуры под открытым небом. Особенно это касается городской площади, где активно действующее в нашем городе общество охраны памятников старины добилось максимальных успехов. В четырех кварталах, окружающих парк, наиболее популярными строительными материалами были кирпич и известняк, плиты с резными фронтонами над окнами и дверьми, декоративные металлические решетки.

Вдоль улицы росли лиственницы, высокие, конические, старые. Они еще не сменили зеленый летний наряд на золотой осенний.

Я приехал в центр, чтобы зайти в химчистку, банк и библиотеку. Ни одного из этих заведений не было на той стороне парка, где я нашел удобное место для парковки моего автомобиля.

Более всего меня тревожил визит в банк. Случается, банки грабят. И при этом иной раз страдают посторонние люди, к примеру, клиенты банка.

Благоразумие подсказывало, что в банк я мог бы заглянуть и на следующий день.

С другой стороны, пусть химическая чистка костюма-тройки из шерстяной ткани еще никогда не приводила к катастрофе, я не сомневался, что в технологическом процессе использовались щелочные, токсические и, возможно, взрывоопасные вещества.

Опять же, учитывая узкие проходы между стеллажами с деревянными полками, уставленными легко воспламеняющимися книгами, библиотеки в случае пожара превращались в огненные ловушки.

В итоге я в нерешительности застыл на тротуаре, где зоны солнечного света рассекались тенями от лиственниц.

Дедушка Джозеф назвал только даты пяти ужасных дней, не указав, чего именно следовало опасаться, вот я и не мог спланировать защиту от какой-либо конкретной напасти. Но всю жизнь готовил себя психологически к тем трудностям, которые могли ожидать меня в эти дни.

Однако эта психологическая подготовка не прибавляла мне спокойствия. Мое воображение наполняло сердце тревогой, по спине бежал холодок.

Пока я оставался в доме, его уют и храбрость ближайших родственников защищали меня от страха. Теперь же я чувствовал себя очень уж уязвимым, чего там, чувствовал себя целью, взятой на мушку неведомым мне охотником.

Паранойя, возможно, свойственна шпионам, политикам, наркоторговцам и копам в больших городах, но пекари страдают ею крайне редко. Жучки в муке или нехватка горького шоколада в кладовой не кажутся нам происками врагов или свидетельством заговора.

После первой, бурной ночи в моей счастливой жизни не было никаких происшествий, я не нажил ни одного врага и тем не менее, стоя сейчас на тротуаре, поглядывая на окна второго и третьего этажей, я, пожалуй, нисколько бы не удивился, обнаружив в одном из них целящегося в меня снайпера.

До этого момента я почему-то полагал, что источником несчастий, которые обрушатся на меня в эти пять дней, будет не конкретный человек, а природа, то есть речь пойдет об ударе молнии, укусе змеи, инсульте, метеорите. Или это будет несчастный случай, выданный ошибками, столь свойственными людям. Я говорю о сорвавшемся с кронштейнов вращающегося кузова бетономешалки, сошедшем с рельсов поезде, взорвавшемся баллоне со сжиженным газом.

Даже если бы я получил пулю от банковского грабителя, попав под горячую руку, это тоже следовало расценить как несчастный случай, поскольку я мог прийти в банк и позже, скажем, погуляв в парке и покормив белочек. Правда, они могли меня укусить, заразив бешенством.

Но в тот момент я застыл, как памятник, потому что внезапно меня осенило:

неизвестный мне, но совершенно конкретный человек мог сознательно выбрать меня своей целью, напасть на меня только по ему ведомым причинам.

И совсем необязательно, чтобы это был кто-то из моих знакомых. Наоборот, скорее всего, какой-то волк-одиночка. Маньяк-убийца, затаивший зло на все человечество и вымещающий его на незнакомцах, которые случайно оказывались в пределах досягаемости. Воображение тут же нарисовало мне человека с винтовкой, запасшегося не только патронами с полым наконечником, но и высококалорийными шоколадными батончиками, дабы выдержать долгую полицейскую осаду.

Многие стекла сверкали оранжевым, отражая солнечные лучи. Другие оставались черными, располагаясь под таким углом, что солнце в них не отражалось. И за любым мог прятаться невидимый мне снайпер.

Все так же не в силах сдвинуться с места, я вдруг осознал, что обладаю тем самым талантом ясновидения, который продемонстрировал дедушка Джозеф на смертном одре. Снайпер существовал не только в теории: он был здесь, за одним из окон, и указательный палец правой руки уже лежал на спусковом крючке. И не стоило списывать его на мое богатое воображение, я ясно представлял себе и его самого, и свое изрешеченное пулями будущее.

Я попытался двинуться дальше, потом попытался податься назад, но ноги не желали меня слушаться. Я чувствовал: любой шаг в неправильном направлении подведет меня пол пулю.

Разумеется, стоя на месте, я являл собой идеальную мишень. Этот веский довод, однако, не смог вывести меня из ступора.

Взгляд мой сместился с окон на крыши, еще более удобное место для снайпера.

Снайпер этот заставил меня забыть обо всем остальном, поэтому я услышал, но не отреагировал на вопрос, пока его не задали повторно:

— Я спрашиваю... вы в порядке?

Только тут я отвлекся от поисков снайпера и перевел взгляд на молодого человека, который стоял передо мной на тротуаре. Темноволосого, зеленоглазого, красивого, как кинозвезда.

Он коротко глянул на крыши, чтобы понять, что там могло меня заинтересовать, потом его удивительные глаза вновь повернулись ко мне.

— Вы неважно выглядите.

Язык у меня вдруг раздулся, заполнив едва ли не весь рот.

— Я... просто... мне там что-то привиделось.

Мое лепетание вызвало у него легкую улыбку.

— Вы хотите сказать, что-то на небе?

Я не мог объяснять, что смотрел исключительно на крыши. Тогда пришлось бы признаться и в другом: я уже практически не сомневался, что на одной из них затаился снайпер.

Так что сказал я совсем иное:

— Да, на небе... что-то... странное, — и тут же понял, что слова эти звучат так же дико, как и признание о снайпере.

— Вы хотите сказать, НЛО? — спросил молодой человек и ослепительно улыбнулся. Такая улыбка сделала бы честь и самому Тому Крузу.

Возможно, он и был известным киноактером, разгорающейся звездой. Многие представители индустрии развлечений проводили отпуск в Сноу-Виллидж и его окрестностях.

Но даже если он и был знаменитостью, я бы его не узнал. Кино меня особо не интересовало, слишком много времени отнимали выпечка, семья и жизнь.

В тот год я посмотрел только один фильм — «Форрест Гамп». И теперь вел себя так, словно имел тот же ай-кью[16], что и главный герой того самого фильма.

Кровь бросилась мне в лицо, я смущенно забормотал:

— Может, и НЛО. Скорее всего, нет. Не знаю. Сейчас небо чистое.

— Вы в порядке? — повторил он.

— Да, конечно, в полном порядке. А если на небе что и было, так теперь этого уже нет, — я продолжал нести чушь, ничего не мог с собой поделаться.

Но, как бы то ни было, обратившись ко мне, он вывел меня из ступора. Я пожелал ему доброго дня, по вернулся, зашагал по тротуару, но на первом же шаге споткнулся, нога зацепилась за выбоину в плите, едва не упал.

С трудом удержавшись на ногах, я не обернулся. И так знал, что он не спускает с меня глаз, а его лицо освещает ироничная ослепительная улыбка.

Я не мог понять, как и почему с потрохами сдался иррациональному страху. Вероятность того, что меня подстрелит снайпер, никак не могла превосходить в вероятности похищения инопланетянами.

В твердой решимости взять себя в руки я напрямик направился к банку.

«Будь что будет. — подумал я. — Пусть безжалостные налетчики превратят меня в прикованного к постели инвалида, пустив пулю в позвоночник. Все лучше, чем сгореть заживо среди пылающих стеллажей с книгами в библиотеке или отравиться токсичными газами после взрыва в химчистке».

До закрытия банка оставались считанные минуты поэтому клиентов было мало. Но каждый казался мне подозрительным. Я старался не допустить, чтобы кто то из них оказался у меня за спиной, выскользнув и поля зрения.

Я не доверял даже восьмидесятилетней старушке с трясущейся головой. Некоторые профессиональные грабители могли прикинуться кем угодно. И кто мог вызвать меньше подозрений, чем такой вот божий одуванчик? Но бородавка на ее подбородке выглядела со всем уж настоящей.

В девятнадцатом столетии банки строили так, что бы они производили впечатление. Вот и здесь вестибюль и зал обслуживания встречали клиентов гранитным полом, гранитными стенами, величественными колоннами, бронзовыми барельефами.

Банковский служащий, пересекая зал, уронил гроссбух. Он ударился о гранитный пол с грохотом револьверного выстрела. Я подпрыгнул, но в штаны не наложил.

Я депонировал чек, полученный на работе, снял небольшую сумму наличными и направился к выходу. Едва успел подумать, что вращающаяся дверь может заклинить, как очутился на улице.

Библиотека Сноу-Виллидж носит имя Корнелия Рутефорда Сноу и, пожалуй, великовата для такого маленького городка, как наш. Она занимает красивое здание, облицованное плитами из известняка. Вход охраняют каменные львы, установленные на постаментах в виде раскрытых книг. Львы не режут, не стоят, высоко подняв головы, настороже. Они спят, словно зачитались биографией какого-то политика, которая их и сморила.

Корнелий, на средства которого построили библиотеку, книгами особо не интересовался, но полагал, что от них человеку только польза. Исходил из того, что субсидирование строительства библиотеки расширяет кругозор и повышает эрудицию ничуть не меньше, чем прочтение сотен и сотен томов. Так что по окончании строительства воспринимал себя высокообразованным, начитанным человеком.

Наш город назван не в честь вида ежегодно выпадающих осадков. Свое название он получил от фамилии железнодорожно-горнорудного магната, на чьи деньги был основан: Корнелия Рутефорда Сноу[17].

В холле библиотеки висит портрет Корнелия. Стальные глаза, усы, бакенбарды, гордость.

Когда я вошел в читальный зал, за столиками никто не сидел. Единственный посетитель стоял у стойки, о чем-то беседовал с Лайонелом Дейвисом, старшим библиотекарем.

Подходя к стойке, я узнал посетителя. Его зеленые глаза блеснули, когда он увидел меня, он дружелюбно и чуть насмешливо улыбнулся, словно сказал Лайонелу: «Я думаю,

этот господин возьмет книгу о летающих тарелках».

Я знал Лайонела Дейвиса с детства. Книги были его жизнью, точно так же, как выпечка — моей. У него было доброе сердце и энциклопедические знания, от истории Древнего Египта до крутого детектива.

И внешность у него была словно у доброго кузнеца или прямодушного викария из романа Диккенса. Я очень хорошо знал его лицо, но такое выражение видел впервые.

Он вроде бы широко улыбался, но до глаз улыбка эта не доходила. А тик в левом уголке рта предполагал, что его истинное настроение отражают именно глаза, а не улыбка.

Если бы я и понял, что на лице Лайонела написано предупреждение, то все равно не смог бы ничего сделать, чтобы спасти его или себя. К тому моменту, как я вошел в читальный зал, симпатичный молодой человек с белоснежными зубами уже определился со своими дальнейшими действиями.

Начал с того, что выстрелил Лайонелу Дейвису в голову.

Глава 7

Грохот выстрела оказался не таким громким, как я ожидал.

Почему-то я сразу подумал о том, что в кино используют не настоящие, а холостые патроны и звук, соответственно, накладывают на «картинку» уже после съемок.

И я чуть не огляделся в поисках камер, съемочной группы. Стрелявший был красив, как кинозвезда, выстрел прозвучал негромко, ни у кого не могло быть никаких причин убивать такого милейшего человека, как Лайонел Дейвис, из этого следовало, что увиденное мною — часть некоего сценария, а отснятый фильм выйдет на экраны где-нибудь летом следующего года.

— Сколько мух ты проглатываешь ежедневно, стоя с отвисшей челюстью? — спросил убийца. — Ты хоть когда-нибудь закрываешь рот?

Похоже, я его забавлял, про Лайонела он уже забыл, словно убийство библиотекарей давно вошло у него в привычку и он не видел в этом ничего необычного. Об угрызениях совести я уж не говорю.

Я услышал свой голос, звенящий от злости:

— Что он вам сделал?

— Кто?

Хотя вы можете подумать, что недоумение, прозвучавшее в его голосе, было картинным, эдакой бравадой, посредством которой он хотел произвести на меня впечатление собственной жестокостью, уверяю вас, ничего такого не было и в помине. Я сразу понял, что он не связывает мой вопрос с человеком, которого только что убил.

Слово «безумный» характеризовало этого красавца далеко не полностью, но могло послужить отправной точкой для создания его словесного портрета.

Удивленный тем, что страха в моем голосе нет, а вот злости определенно прибавляется, я уточнил:

— Лайонела. Он был хороший человек. Добрый.

— А-а, ты про этого.

— Лайонела Дейвиса. У него были имя и фамилия, знаете ли. А также жизнь, друзья, он был личностью.

Недоумения на лице незнакомца прибавилось, улыбка как-то потускнела.

— Но ведь он был всего лишь библиотекарь?

— Ты — свихнувшийся сукин сын.

Улыбка застыла, лицо побледнело, даже закаменело, вдруг превратившись в гипсовую маску смерти. Он поднял пистолет, нацелил его мне в грудь и со всей серьезностью заявил:

— Не смей оскорблять мою мать.

Обида, которую вызвали мои слова, столь не вязалась с безразличием, выраженным к жертве, что я нашел ситуацию крайне забавной. Но если бы с моих губ сорвался смешок, этот незнакомец точно меня бы пристрелил.

Глядя на наставленный на меня пистолет, я почувствовал, как страх входит в чертоги

моего сознания, но не отдал ему ключи от всех комнат.

Чуть раньше, на улице, мысль о снайпере парализовала меня. Теперь я понимал, что боялся вовсе не снайпера, засевшего то ли на крыше, то ли в окне верхнего этажа. Я пришел в ужас, потому что не знал, снайпер ли действительно ловит меня в перекрестье оптического прицела или смертельная угроза исходит откуда-то еще. Если опасность только чувствуется, но нет возможности определить, откуда она исходит, тогда начинаешь бояться всех и вся. Мир становится враждебным от горизонта до горизонта.

Страх перед неизвестным едва ли не самый сильный из страхов, и устоять перед ним зачастую невозможно.

А вот теперь я идентифицировал своего врага. И хотя он мог быть социопатом, способным на любую жестокость, я почувствовал некоторое облегчение, потому что теперь знал его в лицо. Бесчисленные угрозы, которые наводняли мое воображение, растаяли как дым, замещенные одной реальной опасностью.

Его закаменевшее лицо смягчилось. Он опустил пистолет.

Нас разделяли пятнадцать футов, так что я не решался броситься на него. Только повторил:

— Так что он тебе сделал?

Белозубый улыбнулся и пожал плечами.

— Я не пристрелил бы его, если бы не вошел ты.

К распирающей меня злости прибавилась душевная боль, вызванная смертью Лайонела. Голос мой задрожал от горя, не от страха.

— Что ты такое говоришь?

— Одному мне с двумя заложниками не справиться. Он был здесь один. Его помощник заболел. Других читателей в этот момент в библиотеке не было. Он собирался запереть двери... и тут появился ты.

— Только не говори, что я несу ответственность за его смерть.

— О, нет, нет, — заверил он меня, словно его заботили мои чувства. — Твоей вины в этом нет. Такое случается, тут уж ничего не поделаешь.

— Такое случается. — повторил я, в моем голосе звучало изумление. Я и представить не мог, что можно с такой небрежностью говорить об убийстве.

— Я мог бы застрелить тебя, — заметил он, — но, уже повстречавшись с тобой на улице, решил, что ты — более интересная компания, чем старый, занудный библиотекарь.

— А зачем тебе заложник?

— На случай, если возникнут осложнения.

— Какие осложнения?

— Ты увидишь.

Пиджак спортивного покроя сидел на нем достаточно свободно. Из внутреннего кармана он достал наручники.

— Сейчас я брошу их тебе.

— Мне они не нужны.

Он улыбнулся.

— Ты у нас шутник. Поймай их. Защелкни одно кольцо на правой руке. Потом ложись на пол, руки заведи за спину, чтобы я мог закончить работу.

Когда он бросил наручники, я отошел в сторону. Они ударились об один из столиков для чтения, свалились па пол.

Он вновь навел на меня пистолет.

И хотя такое случилось со мной уже во второй раз, легче мне от этого не стало.

Я никогда не держал в руках стрелкового оружия, о самой стрельбе даже не говорю. В моей профессии более всего на оружие тянет нож для резки торта. Возможно, скалка. Но мы, пекари, не носим скалку в плечевой кобуре, а потому в подобных жизненных ситуациях оказываемся совершенно беззащитными.

— Подними наручники, здоровяк.

Здоровяк. А ведь он не уступал мне ни ростом, ни комплекцией.

— Подними их, а не то я сделаю из тебя второго Лайонела и подожду, пока в библиотеку зайдет еще один заложник.

Я использовал горе и злость, вызванные убийством Лайонела, для подавления страха. Страх мог подчинить меня себе, лишит всего человеческого, но тут я осознал, что бесстрашие может стать причиной моей смерти.

Мудро признав собственную трусость, я наклонился, поднял наручники, защелкнул одно стальное кольцо на правом запястье.

Незнакомец схватил связку ключей со стойки библиотекаря.

— Пока не ложись. Стой, где стоишь, чтобы я видел тебя, пока буду запираť дверь.

Он уже миновал половину пути между стойкой и портретом Корнелия Рутефорда Сноу, когда дверь открылась. Вошла молодая женщина (я ее видел впервые) с несколькими книгами в руках.

Она была красивее апельсинового торта с шоколадной глазурью, украшенного засахаренной апельсиновой цедрой и вишнями.

Я не мог допустить, чтобы этот псих застрелил ее на моих глазах, только не такое очаровательное создание.

Глава 8

Она была красивее шоколадного суфле со взбитыми сливками, которое подают в вазочке от Лиможа на блюде от Лиможа на серебряном подносе при свечах.

Дверь захлопнулась у нее за спиной, она сделала несколько шагов, прежде чем поняла, что попала в необычную ситуацию. Она не могла видеть труп, его скрывала стойка, но заметила наручники на моем правом запястье.

И заговорила потрясающе хрипловатым голосом. Эффект только усиливался от того, что к убийце она обратилась театральным шепотом:

— Это пистолет?

— А что, не похоже?

— Ну, это может быть игрушка. Или действительно настоящий пистолет?

Псих указал пистолетом на меня.

— Хочешь посмотреть, как я его застрелю?

Я почувствовал, что перестал быть самым ценным из заложников.

— Пожалуй, это уже перебор.

— Мне нужен только один заложник.

— Тем не менее, — ее апломб просто потряс меня. — ты мог бы выстрелить в потолок.

Киллер улыбнулся молодой женщине, так же обаятельно, как совсем недавно, на улице, улыбался мне. Пожалуй, на этот раз улыбка получилась даже еще более теплой и восхитительной.

— Почему ты говоришь шепотом?

— Мы же в библиотеке. — прошептала она.

— Обычные правила отменены.

— Ты — библиотекарь?

— Я? Библиотекарь? Нет. Если уж на то пошло...

— Тогда у тебя нет права отменять действующие правила, — она чуть возвысила голос.

— Вот что дает мне это право, — заявил он и выстрелил в потолок.

Она посмотрела на окна. Улица виднелась лишь сквозь зазоры между наполовину закрытыми жалюзи. Когда перевела взгляд на меня, я понял, что выстрел, вернее его громкость, разочаровал ее. Стены, уставленные книгами, глушили звук. Если бы выстрел слышали снаружи, то подумали бы, что кто-то кашлянул.

Не подав вида, что легкость, с которой киллер пускал в ход оружие, напугала ее, девушка спросила:

— Можно, я положу куда-нибудь эти книги? Они тяжелые.

Киллер пистолетом указал на один из столиков:

— Туда.

Пока женщина клала книги на столик, киллер прошел к двери и запер ее, не спуская с нас глаз.

— Я не собираюсь критиковать ваши действия, вновь заговорила женщина, — и уверена, в своем деле вы разбираетесь лучше меня, но вы ошибаетесь, заявляя, что вам нужен только один заложник.

Она была так прекрасна, что при других обстоятельствах могла заставить любого парня возжелать ее. Однако теперь меня куда больше интересовали ее слова, а не фигура, ее дерзость, а не фантастически красивое лицо.

Маньяк, безусловно, также не остался равнодушным к ее прелестям. Судя по выражению его лица, чувствовалась, что женщина очаровала его. И улыбка киллера становилась все шире.

Когда он заговорил, в голосе не слышалось ни резкости, ни сарказма:

— У тебя есть теория насчет заложников или как?

Она покачала головой.

— Теории нет, лишь практическое наблюдение — Если дело дойдет до столкновения с полицией, как ты собираешься убеждать копов, что можешь убить человека, что не блефуешь?

— И как? — спросили мы одновременно.

— Тебе не удастся заставить их поверить. Одними словами сомнений не рассеять. Поэтому они попытаются добраться до тебя, а в результате и ты, и заложник, скорее всего, погибнете.

— Убеждать я умею очень даже неплохо, — он говорил таким тоном, будто собирался уговорить ее прийти к нему на свидание.

— Будь я копом, никогда бы тебе не поверила. Слишком уж ты смазлив. — Она повернулась ко мне. — Он слишком смазлив, не так ли?

Я едва не ответил, что не так уж он, по моему разумению, и смазлив. Так что вы теперь понимаете, что в ее присутствии голова просто перестает соображать.

— А вот если у тебя два заложника, — продолжила она, не дождавшись моего ответа, — ты можешь убить одного и таким образом доказать, что твоя угроза — не пустые слова. Вот после этого второй станет действительно надежным шитом. Ни один коп не решится испытывать тебя на прочность дважды.

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее.

— Ну, ты даешь, — сказал наконец он. Понятное дело, логика ее рассуждений произвела на него должное впечатление.

— Все просто, — она указала на книги, которые положила на столик. — Я читаю и думаю, ничего больше.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лорри.

— Лорри?

— Лорри Линн Хикс. А тебя?

Он уже открыл рот, почти сказал свое имя, но улыбнулся и передумал.

— Я — человек-тайна.

— И, судя по всему, прибыл сюда с каким-то заданием.

— Я уже убил библиотекаря, — сообщил он с таким видом, будто убийство возвышало его в ее глазах.

— Этого я и боялась, — вздохнула она.

Я откашлялся.

— Меня зовут Джеймс.

— Привет, Джимми. — И, хотя она улыбалась, в ее глазах я прочитал безмерную грусть. Возможно, она уже прикинула, кому из двух заложников суждено умереть первым.

— Встань рядом с ним, — приказал маньяк.

Лорри подошла ко мне. Пахла она так же хорошо, как выглядела: чистотой, свежестью, лимоном.

— Пристегнись к нему.

Когда она закрепила второе кольцо наручников на запястье левой руки, связав таким образом наши судьбы, я почувствовал, что должен сказать ей что-нибудь успокаивающее. Чтобы хоть чуть-чуть разогнать грусть, которую увидел в ее глазах.

— Ты пахнешь, как лимоны.

— Я весь день готовила лимонный мармелад. Вечером хотела снять пробу, с оладьями.

— Я сварю горячий шоколад с корицей, — пообещал я. — Им и отметим наше освобождение, вместе с твоими оладьями и мармеладом.

Конечно же, она оценила мою уверенность в том, что мы выживем, но полностью тревога и грусть из ее глаз не ушли.

Маньяк взглянул на часы.

— Все это заняло больше времени. Мне нужно много чего просмотреть, прежде чем начнутся взрывы.

Глава 9

Все наши «вчера» аккуратно лежали на полках, желтели и становились более хрупкими под библиотекой, в бумажных катакомбах.

Киллер знал, что более ста лет годовые подшивки «Сноу каунти газетт» занимали свое место в подвале, на два этажа ниже городской площади. В городе эти подшивки называли «бесценным архивом нашей истории». В этом морге обрели вечность подробности благотворительных продаж выпечки герлскаутами, страсти, кипевшие на выборах школьных советов, битвы, связанные с решением хозяев кафе «Пончики» расширить свое заведение, вытеснив бакалейную лавку.

Все подшивки начиная с 1950 года любой желающий мог просмотреть на микроплёнке. Если же кому-то хотелось копнуть глубже, приходилось заполнять бланк-требование на конкретный номер газеты, который потом и просматривался в присутствии библиотечного работника.

Конечно, на того, кто без всякой на то причины пристреливал библиотекарей, стандартные правила не распространялись. Маньяк рылся в архиве и приносил добычу на столик для чтения. С пожелтевшими газетными подшивками он обращался безо всякого почтения, словно имел дело с последним номером «Ю-эс-эй тудей».

Меня и Лорри Линн Хикс он усадил на пару стульев к противоположному концу большой комнаты, где и работал. Мы находились слишком далеко, чтобы понять, какие именно статьи «Газетт» его заинтересовали.

Мы сидели под бетонным сводчатым потолком. Комната освещалась двумя рядами покрытых толстым слоем пыли ламп, яркость которых могла устроить только тех, кто жил на заре эпохи электричества и хорошо помнил, какой свет давали масляные лампы и газовые рожки.

Еще одними наручниками наш тюремщик прикрепил цепь между кольцами, охватывающими наши запястья, к перекладине одного из стульев, на которых мы сидели.

Поскольку не все архивные материалы хранились в той комнате, изредка он уходил в соседние, оставляя нас вдвоем. Его отсутствие не давало нам шанса на побег. Скованные одной цепью и таща за собой стул, мы не могли ни развить большую скорость, ни двигаться бесшумно.

— У меня в сумочке есть пилка для ногтей, — прошептала Лорри.

Я посмотрел на ее руку, пристегнутую к моей. Сильная, но изящная кисть. Длинные тонкие пальцы.

— Ногти у тебя отлично смотрятся.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. И цвет лака мне нравится. Такой же, как бывает у засахаренной вишни.

— Он называется «Glacage de Fromboise»[18].

— Неправильное название. Малина, с которой я работал, никогда не имела такого оттенка.

— Ты работаешь с малиной?

— Я — пекарь, собираюсь стать кондитером.

— Ты выглядишь куда более грозным, чем кондитер, — в ее голосе слышалось разочарование.

— Ну, я великоват для своего размера.

— Как так?

— И у пекарей обычно сильные руки.

— Нет, — она покачала головой, — все дело в твоих глазах. Есть в них что-то такое, вселяющее опаску.

Да, юношеская мечта вдруг стала явью: красавица говорит тебе, что твои глаза вселяют страх.

— Взгляд у тебя прямой, сами глаза синие, но есть в них что-то безумное.

Глаза безумца — опасные глаза, все так, но это не романтическая опасность. У Джеймса Бонда опасные глаза. У Чарльза Мэнсона — безумные. Чарльз Мэнсон, Осам бен Ладен, Злой Койот[19]... Женщины выстраивались в очередь, чтобы заполучить Джеймса Бонда, но у Злого Койота свидания постоянно обламывались.

— Я упомянула пилку для ногтей по той причине что она — металлическая, а конец у нее острый, так что ее можно использовать как оружие.

— Ага. — тупо ответил я. И, пожалуй, уже не мог утверждать, что ее красота — единственная причина моего внезапного поглупения. — Но он же забрал твою сумочку.

— Может, мне удастся ее вернуть.

Ее сумочка лежала на том самом столе, где киллер пролистывал старые подшивки «Сноу каунти газетт».

Когда он покинул бы помещение в следующий раз, мы, наверное, могли бы подняться, насколько позволяли наручники, приковавшие нас к стулу, чтобы вместе с ним добраться до сумочки. Но производимый нами шум наверняка привлек бы его внимание, и он вернулся бы до того, как мы успели бы реализовать задуманное.

Конечно, мы могли бы пересекать комнату медленно и осторожно, практически бесшумно, напоминая сиамских близнецов, лавирующих на минном поле, но в этом случае не успели бы добраться до сумочки до его возвращения.

Вероятно, мысли мои она читала с той же легкостью, с какой распознала безумие в моих глазах.

— Я имела в виду совсем другое. Подумала, если попрошусь в туалет по срочному женскому делу, он позволит мне взять сумочку.

Срочное женское дело.

Может, сказался шок от того, что предсказание деда реализовалось, может, из головы не выходил убитый библиотекарь, но я все думал и думал, что же означают эти три слова.

Почувствовав мое недоумение, чем совершенно меня не удивила, Лорри пояснила:

— Если я скажу, что у меня месячные и мне срочно нужно поменять тампон, я уверена, что он поведет себя как джентльмен и позволит взять с собой сумочку.

— Он — убийца, — напомнил я ей.

— Но он не кажется мне таким уж грубым убийцей.

— Он застрелил Лайонела Дейвиса в голову.

— Это не означает, что ему чужда галантность.

— Я бы не стал на это рассчитывать.

Она скорчила раздраженную гримаску, но все равно осталась чертовски красивой.

— Я очень надеюсь, что ты не законченный пессимист. Это уже чересчур — попасть в заложники к убийце библиотекаря, да еще оказаться прикованной к законченному пессимисту.

Я не собирался с ней спорить. Мне хотелось ей понравиться. Каждому парню хочется

понравиться красивой женщине. Тем не менее я не мог согласиться с такой характеристикой.

— Я не пессимист, а реалист.

Она вздохнула:

— Так говорят все пессимисты.

— Ты увидишь, — пообещал я. — Я не пессимист.

— А я — неустанная оптимистка, — сообщила она мне. — Ты знаешь, что такое «неустанная»?

— Пекарь и необразованный — это не синонимы, — заверил я ее. — Ты не единственная читательница и мыслительница в Сноу-Виллидж.

— Так что означает «неустанный»?

— Не знающий устали. Настойчивый, упорный.

— Именно, не знающий устали. Я не знающая устали оптимистка.

— Тогда тебя следовало назвать не Лорри, а Полианна[20].

В пятидесяти футах от нас киллер, ранее покинувший комнату, вернулся к столу, нагруженный пожелтевшими газетами.

Лорри не отрывала от него взгляда. В ее глазах читалась расчетливость хищницы.

— Выбрав удобный момент, — прошептала она, — я скажу, что у меня срочное женское дело и мне нужна сумочка.

— Пилке для ногтей, даже острой, с пистолетом не справиться, — запротестовал я.

— Снова ты за свое. Законченный пессимист. Таким нельзя быть даже пекарю. Если ожидать, что все торты подгорят, так и будет.

— Мои торты никогда не подгорают.

Она изогнула бровь.

— Это ты так говоришь.

— Ты думаешь, что сможешь ударить его в сердце и оно остановится, как часы, в которых лопнула пружина? — спросил я, подпустив в голос лишь малую толику сарказма, чтобы она не смогла уменьшить мои шансы добиться ее согласия пообедать со мной, если мы оба сможем пережить этот день.

— Ударить в сердце? Конечно же, нет. В крайнем случае бить нужно в шею, стремясь попасть в сонную артерию. А наилучший вариант — удар в глаз.

Выглядела она как мечта любого мужчины, а вот говорила что-то кошмарное.

Должно быть, у меня опять отвисла челюсть. А потом я пролепетал:

— Удар в глаз?

— Если вогнать пилку достаточно глубоко, то можно достать и до мозга, — она кивнула, показывая, что такой расклад полностью ее устраивает. — Он содрогнется, выронит пистолет, а если не выронит, то будет столь потрясен, что мы без труда завладеем его оружием.

— Господи, ты хочешь кратчайшим путем отправить нас на тот свет.

— Сколько же можно талдычить одно и то же!

— Послушай, — я попытался урезонить ее, — когда дойдет до дела, на такое тебе не хватит духа.

— Конечно же, хватит, речь ведь пойдет о спасении моей жизни.

Встревоженный ее спокойной уверенностью, я гнул свое:

— В последний момент ты дашь задний ход.

— Напрасно ты так думаешь.

— Ты уже втыкала кому-нибудь в глаз пилку для ногтей?

— Нет. Но ясно представляю себе, как я это сделаю.

Вот тут я уже не смог сдержать сарказма:

— Ты у нас кто, профессиональный убийца?

Она нахмурилась.

— Говори тише. Я учу людей танцевать.

— И втыкание пилки в глаз — один из балетных элементов?

— Разумеется, нет, глупый. Я учу не балету. Танцам. Фокстрот, вальс, румба, танго, ча-ча-ча, свинг и так далее.

Вот так со мной всегда: появляется возможность поближе познакомиться с красивой женщиной, и тут же выясняется, что она учит танцам, тогда как я — увалень.

— Ты дашь задний ход, — настаивал я, — и ты промахнешься, а потом он нас застрелит.

— Даже если я промахнусь, а я не промахнусь, будь уверен, но даже если я промахнусь, он нас не застрелит. Ты что, не слушал его? Ему нужны заложники.

Я с ней не согласился.

— Ему не нужны заложники, которые пытаются воткнуть пилку для ногтей в его глаз.

Она закатила глаза, словно обращаясь к небесам над потолком.

— Господи, ну почему меня приковали не только к пессимисту, но и к трусу?!

— Я не трус. Всего лишь проявляю благоразумную осторожность.

— Так говорит каждый трус.

— Так говорит и каждый человек, проявляющий благоразумную осторожность, — ответил я, надеясь, что в голосе нет извиняющихся ноток.

В дальнем конце комнаты маньяк начал лупить кулаком по газете, которую читал. Потом двумя кулаками. Лупил и лупил, как ребенок в истерике.

Лицо у него перекошило, с губ срывались нечленораздельные звуки ярости, словно сознание неандертальца, записанное в генах, пыталось вырваться из цепей времени и ДНК.

Ярость в его голосе сменилась раздражением, потом горем, снова яростью. Он напоминал дикого зверя, который выл, оплакивая невосполнимую потерю.

Он резко отодвинул стул от стола, схватил пистолет. Выпустил все восемь пуль, оставшихся в обойме, в газету, которую читал.

Эхо каждого выстрела отражалось от сводчатого потолка, металось взад-вперед между металлическими шкафами. Я чувствовал, что оно заставляет вибрировать мои зубы.

Поскольку происходило все это двумя этажами даже поверхности земли, до улицы, скорее всего, не долетало ни звука.

Во все стороны полетели дубовые щепки и клочки пожелтевшей бумаги. Две пули отрикошетили от стола и упали на пол, некоторые клочки бумаги задымались. Резкий запах порохового дыма не смог полностью растворить в себе запах дерева, который источали свежие раны стола.

На какие-то мгновения, когда он продолжал и продолжал нажимать на спусковой крючок, я подумал, что он израсходовал все патроны. Но, разумеется, у него была запасная обойма, может, и несколько.

Перезаряжая пистолет, он определенно собирался выпустить в газету и следующие десять пуль. Однако, едва он загнал обойму в рукоятку, ярость киллера утихла. Он заплакал. Рыдания просто сотрясали его.

Все еще благоухая лимонами — и пороховой дым не мог перебить этот аромат, — Лорри Линн Хикс наклонилась ко мне и прошептала:

— Видишь? Он уязвим, у него есть слабые места.

Я задался вопросом: а может ли избыточный оптимизм классифицироваться как одна из форм безумия?

Заглянув в ее глаза, я увидел, как и прежде, страх, в котором она наотрез отказывалась признаться. Лорри мне подмигнула.

Ее упорное нежелание признать весь ужас нашего положения пугало меня, потому что я находил такое поведение иррациональным, и, однако, любил ее за это.

Но внезапно меня словно ударило обухом по голове: я вдруг понял, что в конце концов застрелят именно ее. А мне так хотелось, чтобы она осталась жива.

Но я отдавал себе отчет: если мое предчувствие окажется верным, какие бы попытки я ни предпринимал, мне не удастся изменить траекторию пули.

Глава 10

С мокрыми от слез щеками, с зелеными глазами, в которых не было места ни обычным человеческим чувствам, ни сомнениям, маньяк выглядел как пилигрим, который поднялся на вершину горы, зная, что его ждет и зачем он туда пришел.

Он отцепил нас от стула, но оставил скованными между собой.

— Вы оба — местные? — спросил он, когда мы поднялись.

После его неадекватного приступа ярости и последующего эмоционального взрыва мне с трудом верилось, что он намерен поболтать о пустяках. Скорее вопрос задавался неслучайно, пусть мы и не знали, с какой целью, а потому ответ мог привести к последствиям, которые мы не могли предугадать.

Из осторожности я предпочел промолчать, похоже, той же логикой руководствовалась и Лорри, потому что и она не произнесла ни слова.

Киллера, однако, такой расклад не устраивал.

— Так что скажешь, Джимми? Это библиотека округа, обычно в нее приходят люди, которые живут неподалеку. Ты живешь в городе или в его ближайших окрестностях?

Я не знал, какой ответ его больше устроит, но почувствовал, что молчанием смогу заработать пулю в лоб. Он же застрелил Лайонела Дейвиса за меньший проступок, вообще безо всякой на то причины.

— Я живу в Сноу-Виллидж, — ответил я.

— И как давно ты здесь живешь?

— Всю жизнь.

— Тебе тут нравится?

— В подвале библиотеки, в наручниках, нет, но в других местах — да.

Улыбался он на редкость обаятельно, а глаза у него сверкали так, словно в них вставили подвижные призмы, которые улавливали свет от многочисленных его источников. Конечно же, другого такого убийцы-маньяка на свете не было. Стоило ему склонить голову или улыбнуться, и у тебя возникало желание подружиться с ним.

— Забавный ты парень, Джимми.

— Я не собирался таким, быть, — ответил я, переминаясь с ноги на ногу, потом добавил: — Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я забавлял тебя.

— Несмотря на все, что мне пришлось пережить, у меня есть чувство юмора.

— Это заметно.

— А как насчет тебя? — спросил он Лорри.

— У меня тоже есть чувство юмора.

— Безусловно. Ты еще забавнее, чем Джимми.

— Возможно.

— Но я спрашиваю про другое, — уточнил он. — Ты живешь в городе?

Поскольку я уже ответил на этот вопрос утвердительно и меня не застрелили на месте, она решила сказать:

— Да. В двух кварталах отсюда.

— И прожила здесь всю жизнь?

— Нет. Только год.

Вот тут мне стало понятно, почему за двадцать лет я ни разу ее не увидел. В городке с населением в четырнадцать тысяч человек можно прожить всю жизнь и ни разу не поговорить с девятью из каждых десяти.

Но если бы я хоть раз, даже мельком, увидел ее лицо, то не смог бы его забыть. Я бы не мог спать, думая о том, кто она, куда пошла, как мне ее найти.

— Я выросла в Лос-Анджелесе, — продолжила Лорри. — Прожила там девятнадцать лет и поняла, что пора сваливать, если я не хочу окончательно сойти с ума.

— И тебе нравится в Сноу-Виллидж?

— Пока нравилось. Милый городок.

Все еще улыбаясь, все еще поблескивая глазами, все еще обаятельный, без тени безумия на лице, он тем не менее возразил:

— Сноу-Виллидж — город зла.

— Конечно, зло здесь тоже есть, но некоторые части города очень даже хорошие.

— Например, ресторан «У Морелли», — вставил я.

— В «Альбе» сказочно готовят курицу, — добавила Лорри. — И «Бижу» — потрясающее место.

— Это же надо, назвать кинотеатр «Бижу»! [21] — воскликнул я, обрадованный тем, что наши вкусы в этом вопросе совпадали.

— Вся эта лепнина в стиле арт-деко. И попкорн они готовят с настоящим маслом.

— Мне еще нравится Центральный квадратный парк, — добавил я.

Маньяк не согласился:

— Нет, это отвратительное место. Я посидел там некоторое время, наблюдая, как птицы гадят на памятник Корнелия Рутефорда Сноу.

— И что в этом плохого? — удивилась Лорри. — Если он был и вполнину таким самодовольным, каким его изображает памятник, птицы все делают правильно.

— Я же не говорю, что птицы отвратительные, хотя, возможно, это и так, — маньяк продолжал лучезарно улыбаться. — Я говорю, что сам парк — отвратительное место. Земля, на которой он разбит, пропитана злом, вся земля, на которой стоит город, пропитана злом.

Я хотел продолжить разговор с Лорри о том, что нам нравится в городе, выяснить, в чем еще сходятся наши взгляды, и не сомневался, что и ей хотелось того же, но мы оба чувствовали, что должны слушать этого улыбающегося парня, потому что в руке он держал пистолет.

— А почему? — спросила Лорри. — Город построили на древнем индейском кладбище... или что?

Он покачал головой:

— Нет, нет. Земля когда-то была хорошей, но ее испортили плохими делами, которые творили злые люди.

— К счастью, я не владею недвижимостью, — заметила Лорри. — Только арендую ее.

— Я живу с родителями, — признался я, словно надеялся, что сей факт показывает, что я никоим образом не связан с пропитанной злом землей.

— Пришел час расплаты, — изрек он.

И, словно желая подчеркнуть весомость его угрозы, с одной из потолочных ламп на серебряной нити спустился паук. Шевелящаяся, бесформенная, восьминогая тень, размером с тарелку для супа, легла на пол между нами и маньяком.

— Стремление отвечать злу злом приводит к тому, что в проигрыше оказываются все, — указала Лорри.

— Я не отвечаю злу злом, — возразил он, не сердито, но с раздражением. — Я отвечаю злу восстановлением справедливости.

— Что ж, это совсем другое дело, — согласилась Лорри.

— На твоём месте, — сказал я маньяку, — я бы задумался, а уверен ли я, что мои деяния — справедливость, а не просто большее зло. По мнению моей мамы, дьявол прекрасно знает, как нас убедить в том, что мы поступаем правильно, когда на самом деле мы выполняем его, дьявола, работу.

— Похоже, твоя мама — женщина заботливая.

— Конечно, — ответил я, чувствуя, что между нами устанавливается контакт. — Когда я подрастал, она даже гладила мне носки. .-

После этого откровения Лорри бросила на меня скептически-тревожный взгляд.

Подумав, что она может принять меня за чудаковатого парня или, того хуже, за маменькиного сынка, я торопливо добавил:

— С семнадцати лет я все глажу сам. И никогда не гладил носки.

Выражение лица Лорри не изменилось.

— Я не хочу сказать, что моя мать до сих пор гладит мне носки, — поспешил я заверить ее. — Больше никто не гладит мне носки. Только идиоты гладят носки.

Лорри нахмурилась.

— Но я не хочу сказать, что моя мать — идиотка, — уточнил я. — Она — чудесная женщина. Она не идиотка, только очень заботливая. Я хочу сказать, что идиоты — другие люди, которые гладят свои носки.

И тут же я понял, что своими умозаключениями загнал себя в угол.

— Если кто-то из вас гладит носки, я не хотел сказать, что вы — идиоты. Я уверен, вы просто очень заботливые, как моя мать.

Теперь и на лице маньяка появилось то же выражение, что и на лице Лорри, и они оба смотрели на меня так, будто я только что спустился по трапу из летающей тарелки.

Лорри, как мне показалось, внезапно сильно огорчила мысль о том, что она скована со мной одной цепью, а вот маньяк, похоже, вдруг подумал, что, в конце концов, одного заложника для его целей вполне достаточно.

Спускающийся паук все еще висел над нашими головами, но тень от него стала меньше, с тарелку для салата.

К моему удивлению, глаза киллера увлажнились.

— Это так трогательно... носки. Очень мило.

А вот в Лорри моя история о носках сентиментальную струнку не задела. Она, прищурившись, продолжала смотреть на меня.

— Ты — счастливчик, Джимми, — продолжил маньяк.

— Да, — согласился я, хотя мне повезло только в одном: меня приковали к Лорри Линн Хикс, а не к какому-то алкоголику, да и то едва ли кто в сложившейся ситуации позавидовал бы моему счастью.

— Иметь заботливую мать, — проворковал маньяк. — Каково это?

— Хорошо, — ответил я. — Очень хорошо, — но больше ничего не решился сказать, боялся, что продолжу нести чушь.

Паук, удлиняя нить, опустился уже на уровень наших макушек.

— Иметь заботливую мать, которая каждый вечер варит тебе какао, — в голосе киллера слышались мечтательные нотки, — подтыкает одеяло, целует в щечку, читает перед сном сказку...

Прежде чем я сам научился читать, мама обязательно читала мне перед сном, потому что в нашей семье книги уважали. Но еще чаще мне читала бабушка Ровена.

Иногда речь шла о Белоснежке и семи гномах. Все они умирали, то ли в результате несчастного случая, то ли от болезни, пока Белоснежка не оставалась одна-одинешенька, и никто не мог помочь ей в борьбе со злой королевой. Кстати, однажды в интерпретации бабушки на одного из гномов упал двухтонный сейф. Но это был сущий пустяк в сравнении с тем, что произошло с другим гномом, бедным Чихом. А когда бабушка читала мне сказку о Золушке, хрустальные башмачки рассыпались на острые осколки прямо на ногах бедняжки, а тыквенная карета слетала с дороги в глубокий овраг.

И только взрослым я узнал, что в прекрасных книгах Арнольда Лобела[22] о Жабе и Лягушке не было эпизодов, когда тому или иному главному герою кто-то из других обитателей болота откусывал лапку»

— У меня не было заботливой матери, — голос маньяка переполняли тоска и душевная боль. — Мое детство было холодным, суровым, лишенным ласки.

События приняли неожиданный оборот: страх, что меня застрелят, отступил на второй план. Перед нами замаячила куда более страшная перспектива: выслушивать рассказ маньяка о его трудном детстве. О том, как его били проволочными вешалками для пальто. До шести лет заставляли носить девчачью одежду. Отправляли спать без миски овсяной каши.

Меня похитили, заковали в наручники, держали под дулом пистолета, и все для того, чтобы я выслушал этот жалостливый рассказ? С тем же успехом я мог остаться дома и смотреть дневные ток-шоу,

К счастью, он прикусил губу, расправил плечи и заявил:

— Вспоминать прошлое — пустая трата времени. Что было, то прошло.

К несчастью, влагу в глазах, вызванную жалостью к себе, сменил не веселый, обаятельный блеск, а фанатичный огонь.

Паук тем временем продолжал спуск. Оказался на уровне наших лиц, испугался их вида и в страхе застыл.

Должно быть, представив себя виноградарем, снимающим ягоду с грозди, маньяк зажал толстого паука между большим и указательным пальцем, раздавил, а потом поднес то, что осталось, к носу, чтобы насладиться запахом.

Я надеялся, что он не предложит мне понюхать останки паука. Обоняние у меня сильно развитое, и это одна из причин, по которой я пошел в пекари.

К счастью, он не собирался делиться с нами этим мерзким запахом.

К несчастью, поднес пальцы ко рту и аккуратно слизал кашицу, в которую превратился паук. Наслаждался этим странным фруктом, похоже, решил, что он недостаточно зрелый, и вытер пальцы о рукав пиджака.

Перед нами стоял выпускник Университета Ганнибала Лектера, готовый занять место менеджера в мотеле «Бейтс»[23].

Шоу с обнюхиванием и поеданием раздавленного паука устраивалось не для нас. Маньяк действовал рефлексивно, так обычные люди отгоняют мух.

И теперь, не отдавая себе отчета в том, какое впечатление произвели на нас его весьма необычные вкусовые пристрастия, он сказал:

— И вообще, время разговоров осталось в прошлом. Пришло время действовать, восстанавливать справедливость.

— И как же он собирается восстанавливать справедливость? — задалась вопросом Лорри. Вслух. И в голосе, которым произносились эти слова, от присущего ей оптимизма не осталось и следа.

А маньяк, несмотря на баритон взрослого, вдруг заговорил словно обиженный мальчишка:

— Я собираюсь много чего взорвать, убить массу людей и заставить город пожалеть о своем существовании.

— Честолюбивый замысел, — указала Лорри.

— Я готовился к этому всю жизнь.

Я внезапно переменял сложившееся у меня мнение на прямо противоположное.

— Если уж на то пошло, я бы действительно хотел послушать о вешалках для пальто.

— Каких вешалках? — переспросил он.

Прежде чем я успел ответить и, скорее всего, получить пулю между глаз, вмешалась Лорри:

— Слушай, я могу взять сумочку?

Он нахмурился.

— Зачем она тебе?

— По срочному женскому делу.

Я не мог поверить, что она пойдет на такое. Нет, я понимал, что не сумел ее переубедить, но полагал, что мой доводы заставили ее одуматься.

— По женскому срочному делу? — повторил маньяк. — Это ты о чем?

— Ты знаешь, — игриво ответила она.

Для парня, который мог притягивать женщин точно так же, как мощный магнит притягивает крупинки железного порошка, он проявил в этом вопросе вопиющее невежество.

— Откуда мне знать?

— Бывает раз в месяц.

Он по-прежнему ничего не понимал.

— На середине?

Теперь его уже не поняла Лорри.

— На середине?

— Сейчас середина месяца, — напомнил он. — Пятнадцатое сентября. И что?

— У меня месячные, — объяснила она.

Он тупо смотрел на нее.

— Менструация, — ей определенно хотелось обойтись без этого слова.

Его лоб разгладился. Он понял.

— Ага. Женское срочное дело.

— Да. Совершенно верно. Аллилуйя! Теперь я могу взять сумочку?

— Зачем?

Если бы она добралась до пилки для ногтей, то с радостью вогнала бы ее ему в глаз.

— Мне нужен тампон.

— Ты говоришь, что в сумочке у тебя тампон?

— Да.

— И он нужен тебе прямо сейчас, ты не можешь ждать?

— Да, совершенно не могу ждать, — подтвердила Лорри. Решила сыграть на его сострадании, которого он не выказал, убивая библиотекаря выстрелом в голову. Но Лорри полагала, что сострадание это у маньяка все-таки есть, поскольку пока с нами он вел себя достаточно мягко. — Я сожалею, но мне без него не обойтись.

Если в женских делах он соображал плохо, то замыслы в стиле Макиавелли разгадывал шутя.

— Что у тебя в сумочке, пистолет?

Признавая, что попалась, Лорри пожала плечами.

— Пистолета нет. Только металлическая пилка для ногтей.

— И что ты собиралась сделать... вонзить ее мне в сонную артерию?

— Если бы не попала в глаз, то да.

Он поднял пистолет, целясь в нее. Я предположил, что, пристрелив Лорри, он не остановится и разберется со мной. Я же видел, что он сделал с газетами.

— Мне следовало убить тебя прямо сейчас, — враждебности в голосе, однако, не слышалось.

— Следовало, — согласилась она. — Я бы убила, окажись на твоем месте.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Ну ты даешь.

— Стараюсь, — и Лорри улыбнулась в ответ.

Мои губы тоже растянулись, открывая зуб за зубом, но с большим трудом. И причиняя боль. Тревога то никуда не делась.

— Долгие годы я готовил этот день, — сказал маньяк. — Я знал, что испытаю удовлетворенность, возможно, даже восторг, но и представить себе не мог, что все будет так забавно.

— Успех вечеринки зависит от гостей, которых ты на нее приглашаешь, — вставила Лорри.

Псих-убийца обдумывал ее слова, словно она процитировала один из сложных философских постулатов Шопенгауэра. Кивнул без тени улыбки, провел языком по зубам, верхним и нижним, словно пробуя на вкус ее слова, наконец ответил:

— Верно. До чего же верно.

Тут до меня дошло, что я не участвую в разговоре. А мне не хотелось, чтобы он пришел к выводу, что вечеринка вдвоем может быть куда забавнее вечеринки втроем.

И я уже открыл рот, наверняка чтобы ляпнуть какую-нибудь глупость вроде фразы о вешалках для пальто, фразы, после которой я мог бы получить пулю в живот, когда подвал вдруг наполнил грохот. Кинг-Конг молотил кулаками по массивной стене, которая отделяла его половину острова от второй, где жили нервные туземцы.

Маньяк, услышав грохот, просиял.

— Это Носач и Кучерявый. Они вам понравятся. Они привезли взрывчатку.

Глава 11

Как выяснилось, Корнелий Рутефорд Сноу питал слабость не только к архитектуре

викторианского периода, но и к таинственности, которая наполняла мелодрамы той эпохи. Сэр Артур Конан Дойл использовал тот же эффект, рассказывая о подвигах бессмертного Шерлока Холмса: скрытые двери, никому не ведомые комнаты, лестницы, ведущие из ниоткуда в никуда, потайные ходы.

Рука об руку, но только из-за наручников, быстро, но только из-за направленного нам в спины пистолета, Лорри и я прошли в тот конец комнаты, где маньяк так жестоко расстрелял старые газеты.

Стеллажи занимали всю стену, от пола до потолка. На полках, в больших папках, хранились периодические издания.

Маньяк осмотрел несколько полок, не только сверху, но и снизу, возможно, искал подшивку журнала «Лайф» за 1952 год, а может, надеясь наткнуться на еще одного жирного паука.

Нет, цель, разумеется, у него была другая. Он искал спрятанную кнопку. А когда нашел и нажал на нее, целая секция полок повернулась на шарнирах, открыв расположенную за ними нишу.

В глубине ниши каменная стена обрамляла дубовую, с железной окантовкой дверь. В те давние времена, когда Корнелий Рутефорд Сноу выделил деньги на строительство библиотеки, читателей, которые не сдавали книги вовремя, вероятно, ждало более серьезное наказание, чем ныне. Похоже, их сажали под замок и кормили перловкой, дабы они осознали свою вину и потом успевали прочитать новый роман Джейн Остин в отведенный для этого срок.

Маньяк трижды постучал в дверь, очевидно подавая ответный сигнал.

С другой стороны двери донеслись два удара.

Маньяк также ответил двумя, на что в дверь ударили один раз. То же самое сделал и маньяк.

Вся эта усложненная процедура обмена кодированными сигналами казалась мне совершенно бессмысленной, но маньяка ритуал этот страшно обрадовал. Сияющий, он повернулся к нам.

Однако его зубастая улыбка уже потеряла немалую толику своей обаятельности. Нет, конечно, он оставался очаровашкой, и хотелось, пусть разум и твердил об обратном, подружиться с ним, но глаза поневоле искали черные волосатые ошметки паука на губах и языке маньяка.

Через мгновение после последнего удара из-за двери донеслось гудение маленького высокооборотного электрического мотора. А потом раздался визг металла, вгрызающегося в металл.

Сверло с алмазным напылением разбиралось с замком. Вскоре пробило дверь насквозь, выплюнув на пол железные стружки.

Наш тюремщик возвысил голос, чтобы перекричать вой и скрежет работающей дрели, и доложил с мальчишеским энтузиазмом:

— Мы пытали члена Общества охраны исторических памятников Сноу-Виллидж, но не смогли узнать от него, где находятся ключи. Я уверен, он бы сказал, где ключи, если бы знал, но нам не повезло... и ему тоже... Пытали не того человека. Вот и пришлось прибегнуть к другим средствам.

Рука Лорри, с наручником на запястье, нашла мою руку, с другим наручником, и крепко сжала.

Как же мне хотелось, чтобы мы встретились при других обстоятельствах. Скажем, на городском пикнике или чаепитии.

Дрель выключили. Высверленный замок не выдержал крепкого удара каблуком и жалобно заскрежетал, когда дверь распахнулась нам навстречу.

За дверью, как мне показалось, находился плохо освещенный тоннель. Первым в нише появился угрюмый мужчина. Пересек ее, прошел в подвал. За ним последовал второй, такой же мрачный. Этот катил ручную тележку.

Первый из незнакомцев, лет пятидесяти, лысый, как бильярдный шар, зато с такими густыми черными бровями, что их хватило бы на пряжу для детского свитера, был в брюках цвета хаки и зеленой рубашке. Из плечевой кобуры торчала рукоятка то ли пистолета, то ли револьвера.

— Прекрасно, прекрасно. Вы прибыли точно в срок, Носач.

Я, конечно, не мог знать, то ли этого типа звали Боб Носач, то ли ему дали такое прозвище, но, пожалуй, поставил бы на второй вариант. Потому что нос у него был огромный. Когда-то прямой и гордый, нос этот мог считаться скорее достоинством, чем недостатком, но теперь он расплылся, и его покрыла сеточка лопнувших капилляров. Такой нос однозначно свидетельствовал о том, что его обладатель охоч до спиртного.

Из тоннеля Носач вышел трезвым, но мрачным и подозрительным.

Посмотрел на меня, на Лорри, пробурчал:

— Кто эти сучка и Бигфут?[24]

— Заложники, — объяснил маньяк.

— На хрена нам заложники?

— Если что-то пойдет не так.

— Ты думаешь, что-то пойдет не так?

— Нет, — ответил маньяк, — но они меня веселят.

Второй незнакомец оставил ручную тележку, чтобы принять участие в дискуссии. Внешне он напоминал Арта Гарфункеля[25]: гладкое личико мальчика из церковного хора, вьющиеся мелким бесом волосы.

Поверх футболки он надел застегнутую на «молнию» нейлоновую ветровку, но сквозь нее проступала плечевая кобура и оружие в ней.

— Пойдет что-то не так или нет, но нам придется от них избавиться, — указал певчий.

— Естественно, — кивнул маньяк.

— Это безобразие, пустить в расход такую сучку, не попользовавшись ею, — продолжил певчий.

У меня по спине побежал холодок. Так небрежно говорить о нашем убийстве, об изнасиловании Лорри!

Ее рука сжала мою с такой силой, что пальцы пронзила боль.

— Выброси ее из головы, Кучерявый, — ответил маньяк. — Этому не бывать.

В том, что Кучерявый — прозвище, сомнений быть не могло. Как еще могли прозвать человека с такими волосами?

— А почему я должен выбросить ее из головы? — не сдавался Кучерявый. — Она принадлежит тебе?

— Она никому не принадлежит, — в голосе нашего тюремщика послышалось раздражение. — Мы пришли сюда не для того, чтобы подбирать телку. Если мы начнем отвлекаться от главного, то провалим операцию.

Я почувствовал, что должен вмешаться, сказать, что им придется иметь дело со мной, если они попытаются подступиться к Лорри. Но, по правде говоря, вооруженные и безумные, они бы разобрались со мной так же легко, как нагретый нож разбирается с маслом.

Перспектива умереть огорчила меня не столь сильно, как осознание, что мне не удастся защитить девушку.

Я еще не стал шеф-кондитером, но для себя, в мыслях, разумеется, я всегда был героем... или мог стать им в кризисной ситуации. Ребенком я часто представлял себе, как выпекаю шоколадное суфле, достойное королей, и одновременно сражалось со злобными прихвостнями Дарта Вейдера.

Теперь же кризис наступил в реальности. Дарт Вейдер и в подметки не годился этим жаждущим крови безумцам, а его лучевым сейбером они могли ковыряться в зубах.

— Пойдет что-то не так или нет, — повторил Кучерявый, — мы должны их уделать.

— Мы это уже обговорили, — нетерпеливо фыркнул маньяк.

— Потому что они видели наши лица, — гнул свое Кучерявый. — Вот почему их нужно

шлепнуть.

— Я понимаю, — заверил его маньяк.

Глаза у Кучерявого были цвета бренди. Они побледнели, когда он поставил еще одно условие:

— Когда будем с ними кончать, я хочу, чтобы сучку отдали мне.

Уделать, кончить, шлепнуть, пустить в расход. Этот парень проявлял чудеса выдумки в поисках синонимов глагола «убить».

Может быть, сие означало, что он отправил на тот свет очень много людей и находил скучным обсуждение убийства. Таким образом, использование синонимов поддерживало его интерес к теме. А может, он был всего лишь фэном киллера, надувал щеки, сыпал всякими словечками, а когда доходило до дела, нырял в кусты.

Тем не менее, учитывая, что Кучерявый в одной компании с безумцем, который беспричинно пристреливал библиотекарей и не видел разницы между пауками и конфетами, я решил, что не стоит выяснять, убийца ли Кучерявый или всего лишь хвастун.

— Ты сможешь ее шлепнуть, когда надобность в заложниках отпадет, — пообещал маньяк Кучерявому. — Не вижу в этом проблемы.

— Слушай, ты сможешь шлепнуть их обоих, — подал голос Носач. — Мне без разницы.

— Спасибо, — кивнул Кучерявый. — Я тебе очень признателен.

— De nada[26], — отмахнулся Носач.

Маньяк подвел нас к двум другим деревянным стульям. И хотя теперь был не один, все равно вторыми наручниками закрепил цепь, которая соединяла стальные кольца на наших запястьях, к перекладине.

Носач и Кучерявый принялись разгружать ручную тележку. Они привезли как минимум сотню килограммовых брикетов какого-то серого вещества, завернутых в полупрозрачную, промасленную бумагу.

Я не эксперт по взрывчатым веществам, вообще никогда не имел с ними дела, но догадался, что брикеты — та самая взрывчатка, о которой упоминал маньяк.

Носач и Кучерявый, если не считать прически, были очень похожи: коренастые, с толстой шеей, но подвижные. Они напоминали мне Бигл[27]-бойз.

В комиксах про Скруджа Макдака, которые я так любил в детстве, несколько братьев-преступников постоянно строили планы проникновения в денежные закрома дядюшки Скруджа, где он плавал в океане золотых монет и иногда изменял его конфигурацию бульдозером. Эти преступники изображались с плоскими лицами, круглыми плечами, грудью колесом. Похожие на собак, они, однако, стояли на задних конечностях, как люди, но вместо рук у них были лапы, и рубашки были полосатыми, как тюремные робы.

Хотя Носач и Кучерявый не афишировали одеждой свою уголовную сущность, фигурой они напоминали преступников из тех комиксов. Бигл-бойз, впрочем, были посимпатичней Носача и не вызывали такого ужаса, как Кучерявый.

Парочка эта работала быстро, не зная устали. Преступная деятельность, похоже, доставляла им несказанную радость.

Пока сообщники маньяка раскладывали брикеты взрывчатки по подвалу, как в этой комнате, так и в других, он сам сидел за столом, на котором раньше просматривал газеты. Только теперь он синхронизировал часовые механизмы более десятка детонаторов.

Склонился над столом, целиком поглощенный этим важным делом. Зажал зубами кончик языка. Черные волосы падали на лоб, и он то и дело отбрасывал их, чтобы они не закрывали глаза.

Чем-то он напоминал двенадцатилетнего мальчишку, собирающего пластмассовую модель нацистского истребителя.

Лорри и я сидели достаточно далеко от него, поэтому могли переговариваться шепотом, не опасаясь, что он нас услышит.

Она наклонилась ко мне.

— Если мы останемся одни с Кучерявым, я собираюсь сказать ему, что у меня срочное женское дело.

Попав в руки не одного, а трех психов, послушав, как эти ублюдки обсуждают нашу экзекуцию с таким видом, словно решают, кому выносить мусор, лично я бы крепко подумал, прежде чем решаться на подобные действия. По моему разумению, даже неисправимый оптимист не мог надеяться, что они принесут желаемый результат. Но для Лорри Линн три психа означали две дополнительные возможности продать кому-то сказочку о срочном женском деле, добраться до пилки для ногтей и с ее помощью вырваться на свободу.

— Ты только добьешься того, что нас убьют, — вновь предупредил я ее.

— Чушь. Они все равно нас убьют. Или ты их не слушал?

— Но твоими стараниями нас убьют раньше, — прошептал я.

И куда подевался мальчишка, готовый ввязаться в межгалактическую войну? Неужто он по-прежнему жил во мне?

Лорри не могла вытащить руку из стального кольца наручников, но смогла вырвать ее из моей руки. И посмотрела на свою так, словно хотела ее вымыть. В карболке.

Когда дело доходит до романтических походов, я, конечно, могу похвастаться некоторыми успехами, но не вправе считать себя реинкарнацией Рудольфо Валентино[28]. Мне не нужна записная книжка в черной кожаной обложке, чтобы заносить в нее телефонные номера всех женщин, которые стали моими. Мне не нужна даже страничка в этой книжке. Хватит маленького бумажного прямоугольника. Скажем, с клейкой полоской на обратной стороне. Вроде тех, что приклеивают к холодильнику с напоминанием: «КУПИТЬ МОРКОВИ К ОБЕДУ».

А вот тут Купидон поразил меня в самое сердце (аккурат в тот момент, когда меня приковали к самой прекрасной женщине в мире), но я не мог этим воспользоваться, не мог обаять и завоевать ее сердце по одной глупой причине: мне хотелось выжить.

— Мы подождем, пока нам представится возможность вырваться, и обязательно ею воспользуемся, — заверил я Лорри. — Но это должно быть что-то более весомое, чем «срочное женское дело».

— Например?

— Что-то такое, что даст нам шанс.

— Что именно?

— Что-то. Я не знаю. Но что-то.

— Мы не можем просто сидеть и ждать.

— Очень даже можем.

— Мы дождемся только того, что нас убьют.

— Нет. — Я сделал вид, будто анализирую ситуацию, что-то выискиваю, а не просто надеюсь на чудо. — Я жду возможности, которая позволит нам взять верх.

— Ты дождешься только нашей смерти, — предрекла она.

Тут уж я позволил себе поддеть Лорри:

— И что случилось с неустанной оптимисткой?

— Ты ее задушил.

И столько презрения было в этом голосе, что кровь бросилась мне в лицо.

Глава 12

Сидя двумя этажами ниже улиц, по которым бродили злые люди, и окруженные пропитанной злом землей Сноу-Виллидж, мы наблюдали, как Носач, Кучерявый и безымянный маньяк раскладывают брикеты взрывчатки и подсоединяют детонаторы с таймерами к зарядам.

Вы можете подумать, что ужас, который мы испытывали, нарастал с каждой минутой. Так вот, на основе собственного опыта я могу утверждать: если ужас достигает пика, долгое время его выдерживать нет никакой возможности.

Если чудовищную беду можно назвать болезнью, ужас — ее симптом. Как и любой симптом, он не может постоянно проявляться одинаково, то есть проявление его то

усиливается, то ослабевает. Скажем, при гриппе человек не блюет целый день и его не несет от рассвета до заката.

Это, возможно, тошнотворная аналогия, но очень даже образная и понятная. Я могу только порадоваться тому, что она не пришла мне в голову, когда я сидел, прикованный к Лорри. Мне так хотелось вновь наладить с ней отношения и положить конец этому давящему молчанию, что я бы, конечно, озвучил эту аналогию лишь для того, чтобы хоть что-то сказать.

Но вскоре выяснилось, что Лорри не из тех, кто долго дуется и копит в себе-злобу. Не прошло и двух минут, как она заговорила, а мы вновь стали друзьями и заговорщиками.

— Кучерявый — слабое звено, — шепнула она.

Я полюбил хрипотцу в ее голосе, но мне так хотелось, чтобы она сказала что-нибудь дельное.

В этот самый момент Кучерявый закреплял пластиковую взрывчатку у основания колонны, поддерживающей потолок. С пластитом он обращался так же непринужденно, как ребенок — с пластилином.

— Мне он не кажется слабым звеном, но ты, возможно, права, — я хотел избежать очередной конфронтации.

— Поверь мне, он — слабое звено.

Работая со взрывчаткой обеими руками, Кучерявый держал детонатор во рту.

— Ты знаешь, почему он — слабое звено? — не унималась Лорри.

— Мне не терпится услышать.

— Я ему нравлюсь.

Я досчитал до пяти, прежде чем ответить, для того чтобы по интонациям моего голоса она не подумала, будто я с ней спорю.

— Он хочет тебя убить.

— До того.

— Что до того?

— До того, как он спросил этого улыбчивого красавчика, сможет ли он меня убить, он совершенно ясно выразил романтический интерес.

На этот раз я досчитал до семи.

— Насколько я помню, — опять же я надеялся, что говорю лишенным эмоций голосом, — он хотел тебя изнасиловать.

— Кого не находят привлекательной, не насилуют.

— Как раз насилуют. Такое случается постоянно.

— Может, ты бы и изнасиловал, — ответила она, — но не большинство мужчин.

— Изнасилование — это не секс, — объяснил я. — Власть.

Она хмуро глянула на меня.

— Почему тебе так трудно поверить, что Кучерявый находит меня милашкой?

Я смог ответить, лишь досчитав до десяти.

— Ты — милашка. Ты даже больше чем милашка. Ты — потрясающе красивая женщина. Но Кучерявый не из тех, кто способен влюбиться.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Кучерявый может только ненавидеть.

— Нет, я про другое.

— В смысле?

— Милашка, больше чем милашка, потрясающе красивая женщина.

— Ты — самая ослепительная красавица, с какой мне доводилось встретиться. Но ты должна...

— Это так приятно. Но я не в восторге от своей внешности, хотя комплименты мне нравятся, как и

любой другой девушке. Тем не менее я предпочитаю правду. К примеру, знаю, что мой нос далек от идеала.

Носач появился из соседней комнаты, склонился над груженной взрывчаткой ручной тележкой, напоминая тролля, раздумывающего над тем, достаточно ли шалфея и масла в ребенке, который в этот самый момент запекается в духовке.

С зажатым в зубах детонатором, Кучерявый высморкался в руку, потом вытер ее о рукав. Маньяк подготавливал последние детонаторы. Заметив, что я смотрю на него, помахал рукой.

— У меня заостренный нос.

— Хорошо, может, и заостренный, — согласился я, не желая с ней спорить, — но он заострен идеально.

— И у меня проблема с зубами.

Мне ужасно хотелось схватить ее восхитительно полные губки, раздвинуть их, внимательно один за другим изучить все зубы, словно у скаковой лошади, а потом заявить, что никаких изъянов нет.

Вместо этого я улынулся и ответил спокойным голосом:

— С твоими зубами все в порядке. Они белые и ровные, безупречные, как жемчужины.

— В этом все и дело. Они не выглядят настоящими. Люди думают, что у меня вставные зубы.

— Никому в голову не может прийти мысль, что у такой молодой женщины могут быть вставные зубы.

— Шилсон Строуберри.

Как я ни напрягал свои мозги, не мог понять, о ком она говорит.

— Кто такая Шилсон Строуберри?

— Моя подруга, моего возраста, организует прыгательные туры.

— Прыгательные туры?

— Собирает группы тех, кто хочет прыгнуть с моста или откуда-нибудь еще, и возит их по миру.

— Я и представить себе не мог, что можно заработать на жизнь прыгательными турами.

— Дела у нее идут очень хорошо, — заверила меня Лорри. — Только мне не хочется думать, во что со всеми этими прыжками превратятся через десять лет ее груди.

Я не нашелся, что на это и сказать. Гордился тем, что мне удалось так долго поддерживать разговор, несмотря на его неожиданные повороты. И решил, что заслужил короткую передышку.

А Лорри продолжила, не переводя дыхания:

— Шилсон потеряла все свои зубы.

Я заинтересовался:

— Как ей это удалось? Неудачно приземлилась?

— Нет, ее работа тут ни при чем. Упала с мотоцикла, ее потащило по асфальту, перевернуло, ударило лицом о береговой устой моста.

От сочувствия мои зубы так завибрировали, что какое-то время я не мог произнести ни слова.

— Челюсть ей восстановили, но вытащили все зубы, которые не сломались при аварии. Потом поставили имплантаты. Теперь она может грызть ими грецкие орехи.

— Учитывая, что она — твоя подруга, — я говорил совершенно искренне, — хотелось бы знать, что случилось с береговым устоем.

— Практически ничего. Им пришлось смывать кровь. От нескольких камней что-то откололось, появилась маленькая трещина.

Ее лицо оставалось совершенно бесхитростным. Глаза не отрывались от моих. Если она меня и разыгрывала, то не подавала виду.

— Я хочу познакомить тебя с моими родителями.

— Ну-ну. У кого-то что-то с головой.

Моргнув, не очень понимая, о чем она, я огляделся, словно выходя из транса. Напрочь забыл про Носача, Кучерявого и улыбающегося маньяка.

Хотя на ручной тележке еще оставалась добрая половина брикетов, Носач выкатил ее через комнату и нишу в тоннель, по которому пришел с Кучерявым.

Синхронизировав последний таймер, безымянный маньяк протянул его Кучерявому вместе с ключом от наручников и наказал:

— Когда все закончишь, приведи крошку и быка с собой.

Быка! Маньяк был со мной одной комплекции, но, я уверен, не сравнивал себя с быком.

И вслед за Носачом ценитель пюре из пауков скрылся в тоннеле.

Мы остались наедине с Кучерявым. И чувствовали себя как наедине с Сатаной в садомазохистском крыле ада.

Лорри выждала минуту-другую, чтобы дать парочке психов отойти достаточно далеко, потом подала голос:

— Эй, мистер Кучерявый!

— Не надо, — взмолился я.

Кучерявый в этот момент находился в дальнем конце комнаты и устанавливал детонатор в последний заряд, который закрепил на другой колонне. Он вроде бы и не услышал Лорри.

— Даже если он и думает, что ты — милашка, он из таких, кто с радостью изнасилуется тобой и после твоей смерти, не только до, и как это нам поможет?

— Некрофил? Разве можно сказать такое о человеке?

— Он не человек. Он — морлок. — Она просияла.

— Герберт Уэллс. «Машина времени». Ты действительно начитанный. Конечно, ты мог посмотреть и фильм.

— Кучерявый — не человек. Он — Грендель.

— «Беовулф»[29], — она назвала произведение, в котором обитало чудовище, именуемое Грендель.

— Он — Том Рипли.

— Это психопат из нескольких романов Патриции Хайсмит[30].

— Пяти романов. Том Рипли — тот же Ганнибал Лектер, появившийся за тридцать лет до того, как кто-то услышал про Ганнибала.

Когда наш Грендель приблизился, я ожидал, что Лорри тут же скажет ему о срочном женском деле. Она улыбнулась ему, похлопала ресницами, но предпочла промолчать.

Кучерявый как-то странно втянул губы и вроде бы что-то катал языком, отстегивая наручники, которые соединяли цепь между первой парой с перекладиной стула.

Когда мы поднялись, по-прежнему скованные одной цепью, Лорри дернула головой, чтобы растрепать волосы. А потом свободной рукой расстегнула верхнюю пуговичку на блузке, чтобы обнажить изящную шею.

Она определенно навлекала на нас неприятности.

Хотела выглядеть более соблазнительной перед тем, как объявить о своем срочном женском деле.

Соблазнять Кучерявого было столь же бесполезно, что и пытаться успокоить поцелуем изготавившуюся к прыжку разъяренную змею. Я не сомневался, что он раскусит замысел Лорри быстрее безымянного маньяка и так разозлится, что вонзит пилку для ногтей ей в глаз.

Вероятно, моя начитанность и приведенные мною аналогии между Кучерявым и различными вымышленными монстрами заставили Лорри придержать язык. Она посмотрела на меня, по-прежнему не решаясь раскрыть рта.

И прежде чем она таки заговорила, Кучерявый выплюнул на ладонь тот предмет, что катал языком. Шарообразный, серый, блестящий от слюны.

Этот зловещий шар, возможно, был не из пластита, но я в этом сомневался.

Возможно, Кучерявому нравилось держать во рту несколько унций взрывчатки, такой мощной, что при детонации эти унции вдребезги разнесли бы ему голову.

А может, это был некий ритуал, обещавший удачу. Дуют же на кости перед тем, как бросить их на стол.

А может, ему просто нравился вкус пластита. Некоторым же нравится вкус

раздавленных пауков.

Не сказав ни слова о сером шарике, он прилепил его к стулу, на котором я только что сидел.

— Пошли отсюда. Быстро!

По пути к нише, упрятанной за книжными полками, мы прошли мимо стола, на котором стояла сумочка Лорри.

Она небрежно подхватила ее. Идущий позади Кучерявый возражений не высказал.

Глава 13

Ширина тоннеля составляла примерно восемь футов. Вертикальные стены и полукруглый потолок облицевали известняковыми блоками, пол выложили прямоугольными каменными плитами.

Освещался коридор толстыми желтыми свечами, воткнутыми в бронзовые стаканы. Под воздействием движущегося воздуха язычки пламени пребывали в непрерывном движении, устраивая на потолке и стенах пляску света и теней.

Потайной ход уходил вдаль. Там, где горели свечи, темноту разрывали светлые пятна.

Меня бы несколько не удивило, если бы нам встретился Эдгар Аллан По, но мы его не увидели. Куда-то подевались и Носач с безымянным маньяком.

В холодном, но не влажном воздухе не чувствовалось ни плесени, ни гниения, до моих ноздрей долетали только запахи известняка и расплавленного свечного воска. Я ожидал столкнуться с летучими мышами, крысами, тараканами, загадочными существами, населяющими подземелья, но на тот момент компанию нам составлял один лишь Кучерявый.

Мы осторожно прошли по тоннелю десять или , пятнадцать футов, когда он крикнул:

— Остановитесь на минутку!

Пока мы ждали, он поставил на место секцию стеллажей, развернув ее на шарнирах, потом закрыл дубовую, окантованную железом дверь, отделявшую нишу от коридора. Возможно, старался обезопасить себя и остальных на тот случай, если в библиотеке взрыв произойдет раньше намеченного срока: взрывная волна в узком коридоре размазала бы по стенкам все живое.

Пока Кучерявый поворачивал секцию стеллажей и закрывал дверь, Лорри расстегнула «молнию» сумочки, порылась в ней, нашла пилку для ногтей.

К ее изумлению, свободной левой рукой я вырвал у нее пилку.

Она думала, что я тут же ее выброшу, а когда я этого не сделал, попросила:

— Отдай.

— Я вытащил этот Эскалибур из камня, и только у меня есть право воспользоваться им, — прошептал я, очень надеясь, что моя начитанность очарует ее и заставит согласиться с принятым мною решением.

Она посмотрела на меня так, словно собралась ударить. И я подозревал, что удар у нее хорошо поставлен.

Присоединившись к нам, Кучерявый двинулся дальше, похоже, несколько не сомневаясь в том, что от нас ждать неприятностей не приходится.

— Пошли, пошли, и не думайте, что у меня нет глаз на затылке.

Возможно, они и были. На его родной планете у всех была еще одна пара глаз на затылке.

— Где мы? — спросил я, когда мы двинулись следом.

— Сейчас идем под Центральным квадратным парком.

— Я про тоннель. Откуда он взялся?

— Какая разница, откуда он взялся? — Наверное, Кучерявый очень нервничал, потому что такой простой вопрос вызвал у него приступ ярости. — Главное, что он есть, безмозглый болван!

Оскорбление я пропустил мимо ушей.

— Когда его прорыли? Кто?

— В 1800-х, до того, как построили все остальное. По прямому указанию Корнелия

Сноу, этого жадного, с загребущими руками мерзавца.

— Зачем?

— Чтобы он мог тайком передвигаться по городу.

— Он что, был викторианским Бэтменом?

— Тоннели связывают четыре главных здания, которые он, эта капиталистическая акула, построил вокруг городской площади.

Во время этого разговора Лорри то и дело многозначительно поглядывала на меня, требуя, чтобы я, с Эскалибуром наперевес, незамедлительно атаковал Кучерявого.

Если уж говорить о волшебных мечах, то пилке для ногтей многого не хватало. Прежде всего, она целиком пряталась в моей руке, во-вторых, толщиной лезвие не могло сравниться даже с ножом. И наконец, острие не могло проткнуть кожу даже на моем большом пальце.

Если бы Лорри была в туфельках на шпильке, а не в белых теннисных туфлях, я бы предпочел напасть на Кучерявого с одной из таких туфель.

Так что в ответ на ее отчаянные взгляды я мимикой показал ей: не стоит проявлять нетерпение, торопиться здесь нельзя, и она должна дать мне время, чтобы выбрать наилучший момент для решающей атаки.

— Так... какие четыре главных здания связаны тоннелями? — спросил я Кучерявого, пока мы шли в колеблющемся свете свечей.

Он их перечислил сочащимся злобой голосом:

— Его особняк, этот дворец, заставленный дорогим хламом. Его библиотека, этот храм декадентской так называемой западной литературы. Его здание суда, гнездо продажных судей, которые ради него угнетают народ. И банк, где обкрадывают бедных и обманывают вдов.

— Ему принадлежал его же собственный банк? — переспросил я. — Как круто.

— Здесь ему принадлежало практически все и даже больше, — прошипел Кучерявый. — Этому алчущему крови, со злобным сердцем псу. Если бы сотня людей разделила между собой его деньги, они стали бы слишком богатыми, чтобы позволить им жить. Как бы мне хотелось перенестись в ту эпоху. Я бы отрезал этой империалистической свинье голову и поиграл бы ею в футбол.

Даже в тусклом свете свечей я увидел, что лицо у Лорри покраснело и она едва сдерживает (кто-то мог бы сказать, что собирается устроить истерику) раздражение. Не нужно быть специалистом по человеческой мимике, чтобы истолковать послание, написанное на ее лице: «Давай, Джимми, давай, давай! Заколи мерзавца, заколи! Давай же!»

Но я решил, что лучше подождать.

Она, должно быть, страшно сожалела о том, что у нее на ногах не туфельки на шпильке. Тогда бы она точно сняла их и каблуками «нарисовала» бы славную татуировку на моей голове.

Еще через несколько секунд мы подошли к пересечению с другим тоннелем. По нему дул устойчивый ветерок. Справа и слева большие толстые желтые свечи местами разгоняли темноту.

Мне следовало бы раньше понять, что тоннели пересекаются аккуратно под городской площадью, поскольку четыре здания, упомянутые Кучерявым, располагались в различных кварталах, с севера, юга, запада и востока от парка.

Конечно же, подземное сооружение произвело на меня должное впечатление. Глядя направо, налево, вперед и назад, я вспоминал каменные коридоры из старых фильмов про мумию и, несмотря на грозящую опасность, почувствовал трепет восторга, словно сам стал участником похода к неведомому.

— Сюда, — бросил Кучерявый и повернул налево.

Прежде чем мы последовали за ним, Лорри поставила сумочку на пол. Поближе к стене, в тени, в том тоннеле, что вел к библиотеке.

Если бы безымянный улыбчивый маньяк увидел ее с сумочкой, то, конечно же, забил бы тревогу и принялся обыскивать нас в поисках оружия, при условии что пилка для ногтей

могла считаться таковым.

Лорри, похоже, не хотелось расставаться с сумочкой. Несомненно, сумочку она воспринимала как арсенал самодельного оружия. К примеру, расческа могла сойти за дубинку, которой мы могли бы избить Кучерявого. А дезодорант в баллончике — за перечный газ.

Когда мы вновь двинулись следом за нашим проводником, я спросил:

— Почему свечи?

Кучерявого каждый мой новый вопрос все больше выводил из себя.

— Чтобы видеть в темноте, идиот.

— Но света-то они дают мало.

— Это все, что у них было в 1870-х, свечи и масляные лампы, дебил.

Вновь Лорри начала подавать мне сигналы, корча жуткие гримасы и выкатывая глаза, что пришло время заколоть его.

Кучерявый, кстати, так достал меня, что я, пусть рассудок и убеждал меня, что это не вариант, уже был готов наброситься на него с пилкой в руке.

— Да, но мы-то не в 1870-х, — напомнил я, пытаюсь сохранить хладнокровие. — Вы могли использовать ручные фонарики, фонари на аккумуляторах, что-то еще из современных автономных осветительных приборов.

— Думаешь, такое не приходило нам в голову, безмозглый шакал? Но тогда атмосфера не соответствовала бы духу времени.

Какое-то время мы шагали молча, но потом я не удержался от очередного вопроса:

— А почему атмосфера должна соответствовать духу времени?

— Так хочет босс.

Я предположил, что босс — безымянный маньяк, если только не было мистера Босса, с которым мы еще не успели познакомиться.

В какой-то период, значительно позже создания самого тоннеля, последние десять футов коридора отгородили стеной из железобетона.

Сейчас часть стены разбили, арматурные стержни вырезали ацетиленовым резаком. Груда обломков лежала у стены.

Следом за Кучерявым мы нырнули в дыру в стене, очутились в последней части коридора. Его перегородивала еще одна стена, с дубовой, окантованной железом дверью. Дверь эту распахнули до нашего прихода.

За нею нас встретило ярко освещенное помещение с облицованными известняковыми плитами стенами, каменным полом и мощными колоннами, которые поддерживали потолок. Две каменные лестницы с коваными перилами вели к дверям из нержавеющей стали в противоположных стенах. Если бы не двери из нержавейки, создавалось полное ощущение, что мы попали в некий оккультный храм.

Половина помещения пустовала. Вторую занимали ряды выкрашенных в зеленый цвет металлических шкафов.

Носач и убийца библиотекарей стояли у ручной тележки, на которой лежали оставшиеся брикеты взрывчатки, что-то обсуждали тихими голосами.

Безымянный маньяк, как только мы миновали дубовую дверь, направился к нам, широко улыбаясь, словно увидел давних знакомых. Обвел рукой помещение.

— Впечатляет, не правда ли? Здесь хранятся архивы этого заведения за весь исторический период его существования.

— Какого заведения? — спросил я.

— Мы под банком.

— Чтоб мне сдохнуть! — воскликнула Лорри. — Вы хотите его ограбить, не так ли?

Он пожал плечами.

— А для чего еще нужны банки?

Бигл-бойз уже прикрепляли брикеты взрывчатки к двум колоннам.

Глава 14

Страшно довольный собой маньяк указал на какой-то массивный агрегат в углу комнаты:

— Знаете, что это такое?

— Машина времени? — предположила Лорри.

Поскольку в моей семье любили и понимали шутку, я по достоинству оценил вопрос юной мисс Хикс.

И хотя она заинтриговала маньяка, он не всегда мог танцевать с ней так же хорошо, как и я, разумеется, метафорически. Его зеленые глаза блеснули, на лице отразилось легкое недоумение.

— Как эта штукавина может быть машиной времени?

— Учитывая фантастический прогресс науки, — без запинки ответила она, — все эти космические «челноки», томографы, трансплантацию сердца, компьютеризированные тостеры, сотовые телефоны и помаду, которая не оставляет пятен... Вы понимаете, рано или поздно машина времени обязательно должна появиться, а если вдруг она уже появилась, почему не предположить, что ее хранят именно здесь?

Несколько мгновений маньяк пристально смотрел на Лорри, потом перевел взгляд на агрегат в углу, словно задался вопросом: а правильно ли он определил назначение этого агрегата? Вдруг перед ним действительно машина времени?

Произнеси такую тираду я, он бы решил, что я или чокнутый, или насмехаюсь над ним. А потом, рассердившись или обидевшись, пристрелил бы меня.

Но красавица, с другой стороны, имеет право говорить все, что придет ей в голову, и мужчины будут на полном серьезе осмысливать ее слова.

Ее бесхитростное лицо, честные глаза, искренняя улыбка не позволяли мне определиться с приведенной ею аргументацией в пользу существования машины времени (да и со многими другими ее аргументами). Не мог я сказать, то ли она говорит от чистого сердца, то ли веселится от души.

Большинство людей не веселились, попадая в заложники и находясь под угрозой смерти, исходящей от таких, как Кучерявый. Но я подозревал, что Лорри Линн Хикс очень даже способна на такое.

Мне просто не терпелось познакомить ее с родителями и бабушкой.

Многие люди совсем не развлекаются, даже когда приходят на вечеринку, чтобы поразвлечься. И все потому, что у них нет чувства юмора. Все заявляют, что чувство юмора у них есть, но некоторые просто лгут, а многие сами себя обманывают.

Этим объясняется успех большинства комедийных телевизионных сериалов и кинокомедий. Юмора в этих шоу нет ни грана, но тысячи людей будут смеяться до колик, потому что на эти шоу загодя наклеен ярлык: «СМЕШНО». И настроившаяся на смех публика знает, что нужно смеяться, поскольку именно этого от нее и ждут.

Эта часть индустрии развлечений обслуживает некую лишенную юмора общность людей, точно так же, как изготовитель протезов обслуживает тех, кто, к своему несчастью, лишился руки или ноги. И их работа, возможно, даже более важная, чем раздача еды бедным.

Моя семья всегда настаивала на том, что юмор уместен не только в самые светлые периоды жизни, но и в тяжелые времена, даже перед лицом трагедии или потери (хотя в данный момент они наверняка не находили места от волнения, гадая, где я нахожусь). Может, мы унаследовали какой-то ген веселости, особо чувствительный к юмору. А может, причина — в избытке сахара, который мы потребляем в столь любимой нами выпечке.

— Нет, — ответил безымянный маньяк. — Это не машина времени. Это автономный генератор банка.

— Жаль, — вздохнула Лорри. — Лучше бы здесь стояла машина времени.

Задумчиво глядя на генератор, маньяк кивнул:

— Да, я тебя понимаю.

— Так вы вывели из строя автономный генератор, — вопросительные интонации в моем голосе отсутствовали.

Мое заявление вернуло его в реальность, оторвало от мыслей о путешествиях во времени.

— Как ты узнал?

Я указал:

— По деталям, что валяются на полу.

— Быстро ты соображаешь, — в его голосе слышалось восхищение.

— С такой работой, как у меня, по-другому и быть не может.

Он не стал спрашивать, какая у меня работа. За последние десять лет мне удалось выяснить, что психопаты обычно поглощены собой.

— Банк закрылся час тому назад, — он явно гордился своим планом и радовался представившейся возможности поделиться им с нами. — Кассиры сдали деньги и разошлись по домам. Десять минут тому назад опечатали хранилище. По установившемуся порядку, управляющий и двое охранников ушли последними.

— Вы заминировали силовой трансформатор, подающий электроэнергию к зданиям на городской площади, — догадалась Лорри. — А когда централизованная подача электроэнергии прекратится, автономный генератор не включится и хранилище останется без охранной сигнализации.

— Быстро вы соображаете, — в голосе маньяка слышалось одобрение. — Интересно, почему? Сами хотели ограбить банк?

— Не в этой реинкарнации, — ответила Лорри. — Но это совсем другая история.

Маньяк указал на дальнюю лестницу:

— Она ведет в верхний подвал под зданием банка, где они занимаются наличностью, считают деньги, раскладывают купюры по номиналу, связывают в пачки, принимают мешки с деньгами, которые поступают в банк, укладывают деньги в другие мешки, которые надобно отправить из банка. Парадная дверь в хранилище также находится там.

— А есть еще дверь черного хода? — недоверие, прозвучавшее в моем вопросе, позабавило маньяка.

Он улыбнулся, кивнул и указал на ближнюю лестницу:

— Дверь на верхней площадке прямиком ведет в хранилище.

Конечно же, такое могло происходить только в воображаемом мире, рожденном фантазиями маньяка, но никак не в привычной мне реальности.

Изумление, написанное на моем лице, несомненно, порадовало маньяка.

— Корнелий Сноу был единственным акционером банка, когда строил его. И, естественно, превыше всего ставил собственные удобства.

— Ты говоришь о возможности воровства? — спросила Лорри с таким видом, что положительный ответ ее бы очень порадовал.

— Ни в коем разе, — заверил ее маньяк. — С какой стороны ни посмотри, Корнелий Сноу был честным человеком, принимающим близко к сердцу проблемы других.

— Ненасытная, жадная свинья, — не согласился с ним Кучерявый, устанавливая очередной заряд.

— У него не было нужды воровать деньги из банка, потому что на восемьдесят процентов это были его деньги.

Кучерявого не интересовали факты, только эмоции:

— Я бы освежевал его и скормил собакам.

— В 1870-х годах не существовало даже зачатков того сложного законодательства, в рамках которого теперь приходится работать банкам.

— Да только собакам хватило бы ума не есть этого сочащегося ядом мерзавца, — добавил Кучерявый.

— Как только двадцатый век вступил в свои права, простой мир начал сдавать позиции,

— Умирающие от голода крысы и те не стали бы жрать этого жадного подонка, даже если бы его тело намазали свиным жиром, — подвел итог Кучерявый.

— После смерти Корнелия, который основную часть своего наследства оставил

благотворительному фонду, эту часть тоннеля, ведущего к подземному входу в банк, перегородили железобетонной стеной.

Я вспомнил дыру в стене, через которую мы прошли. Бигл-бойз времени даром не теряли.

— Дверь на верхней площадке этой лестницы не используется, — продолжил безымянный маньяк — Дубовую дверь заменили стальной в 1930-х, затем заварили ее. И с другой стороны нас ждет еще одна железобетонная стена. Но мы сможем пробиться сквозь нее где-то за два часа, после того как будет отключена охранная сигнализация.

— Я удивлена, что это помещение не оборудовано сигнализацией, — заметила Лорри. — Хотя, если бы здесь хранилась настоящая машина времени, сигнализацию обязательно бы поставили.

— Никто не видел в этом необходимости. Банк не такой уж большой, чтобы кто-нибудь решил его ограбить. А кроме того, после 1902 года, когда подземный тоннель перегородили стеной, подойти к хранилищу с этой стороны уже не представлялось возможным. По просьбе службы безопасности банка благотворительный фонд, ставший владельцем дворца Сноу, засекретил информацию о подземных тоннелях Корнелия. Их видели лишь несколько человек из общества охраны памятников старины, но лишь после того, как дали подписку о неразглашении.

Раньше он упомянул о том, что они пытали одного из членов этого самого общества, который, несомненно, уже умер, как и библиотekarь. Какие бы жесткие условия ни придумывал адвокат, составляя договор о неразглашении, всегда находились способы заставить человека его нарушить.

Не могу сказать, что все эти откровения поразили меня как громом, но, разумеется, произвели сильное впечатление. Я родился и вырос в Сноу-Виллидж, любил этот маленький, живописный городок, думал, что достаточно хорошо знаю его историю, но не слышал даже намеков на существование подземных тоннелей под городской площадью.

Когда я поделился своим изумлением с маньяком, теплое поблескивание его глаз кристаллизовалось в ледяной отсвет, который мне уже доводилось видеть в глазах Киллера, бесшерстной кошки, и Эрла, молочной змеи.

— Ты не можешь досконально знать город, если любишь его, — объяснил он. — Когда ты его любишь, тебя очаровывает внешний вид. Чтобы досконально узнать город, его нужно ненавидеть, ненавидеть всей душой. У тебя должно возникнуть неудержимое желание вызнать самые постыдные секреты города и использовать их против него, найти все раковые опухоли и подкармливать их, пока метастазы не распространятся по всему городу. Ты должен жить ради того дня, когда город исчезнет с лица земли, до последнего камня и доски.

Я предположил, что в прошлом в нашей маленькой туристической Мекке с ним случилось что-то плохое. И речь шла не о том, что в отеле его поселили в обычный номер, хотя он бронировал люкс, или он не смог купить дневной билет на подъемник в один из зимних уик-эндов. Нет, происшествие было куда серьезнее.

— Но ведь, по большому счету, дело-то не в ненависти или восстановлении справедливости. — Лично мне эта тирада Лорри показалась рискованной. — Все сводится к ограблению банка. То есть все к тем же деньгам.

Кровь залила лицо маньяка, от подбородка до линии волос на лбу, от уха до уха. Улыбка схлопнулась. Губы превратились в тонкую полоску.

— Деньги меня не интересуют, — слова с трудом прорывались сквозь плотно сжатые губы.

— За дверью, которую вы собираетесь вскрыть, не продуктовый рынок, где можно разжиться разве что морковью да фасолью, — указала Лорри. — Вы грабите банк.

— Я уничтожаю банк, чтобы уничтожить город.

— Деньги, деньги, деньги, — настаивала Лорри.

— Это месть. Городу давно уже пора воздать по заслугам. И для меня это — восстановление справедливости.

— А для меня — нет. — Кучерявый оторвался от взрывчатки, чтобы принять более активное участие в разговоре. — Я пришел сюда за деньгами, потому что богатство — не просто богатство, но корни, стебель и цветок власти, а власть освобождает власть имущих и подавляет власти лишенных, поэтому власть нужно подрывать, те, кого угнетают, должны встать на место угнетателей.

Я не стал рыться в памяти, чтобы понять, где я все о уже слышал. Боялся, что такая попытка приведет к перегрузке мозга. Прямо-таки Карл Маркс, переработанный Эбботтом и Костелло[31].

Поняв по выражению наших лиц, что смысл вышесказанного до нас не дошел, Кучерявый перефразировал свою главную мысль:

— Часть денег этой грязной свиньи принадлежит мне и многим другим людям, которых он эксплуатировал, чтобы получить их.

— Послушайте, может, хватит нести чушь? — предложила Лорри Кучерявому. — Корнелий Сноу не эксплуатировал вас. Он умер задолго до того, как вы появились на свет.

Она вошла в раж, оскорбляла тех, кто мог, да и хотел, нас убить.

Я дернул закованной в наручник рукой, чтобы напомнить, что пули, которые ее стараниями могут вот-вот полететь в нашу сторону, достанутся не только ей, но и мне.

Вьющиеся мелким бесом волосы Кучерявого, казалось, закаменели, и теперь он напоминал уже не Арта Гарфункеля, а невесту Франкенштейна.

— Наши действия здесь — это политическое заявление.

В этот момент к ним присоединился и Носач, самый флегматичный из всех троих. Все эти рассуждения о мести и политике так разозлили его, что густые брови, казалось, ожили и шевелились, как две толстенные гусеницы.

— Наличные! — рявкнул он. — Наличные, и ничего больше. Я здесь для того, чтобы хапнуть денег и убежать. Не будь банка, я бы в этом не участвовал, на все остальное мне наплевать, и если вы, парни, тотчас же не заткнетесь и не займетесь делом, я уйду, а с остальным вы будете разбираться сами.

Вероятно, без Носача обойтись они не могли, поскольку его угроза произвела должное впечатление на партнеров.

Их ярость, однако, никуда не делась. Выглядели они как бойцовые псы, которых не спускают с цепи. Глаза горели жадной насилья, утолить которую они могли лишь в бою.

Как же мне хотелось дать им что-то из выпечки, скажем, немецкий пряник или хрустящее шотландское песочное печенье. А может, шоколадное с орехом пекан. Поэт Уильям Конгрив как-то написал: «Музыке под силу успокоить злобного зверя», но я подозреваю, что хорошая сдоба справится с этим еще лучше.

Понимая, что одной угрозы недостаточно для обеспечения конструктивной коллективной работы, Носач бросил кость идее фикс каждого, начав с Кучерявого:

— Часы идут, а мы должны еще много чего успеть. Вот о чем я толкую. И если мы доведем работу до конца, она станет твоим политическим заявлением, которое обязательно будет услышано, не сомневайся.

Кучерявый прикусил нижнюю губу, в манере нашего молодого президента. С неохотой кивнул зеленоглазому маньяку Носач сказал другое:

— Ты все это спланировал, потому что хотел отомстить за смерть своей матери. Так давай доведем работу до конца, и тем самым ты восстановишь справедливость.

Глаза убийцы библиотекарей затуманились, как и чуть раньше, когда он узнал от меня, что моя мать когда-то гладила мне носки.

— Я нашел номера газеты, в которых описывалась эта история, — признался он Носачу.

— Наверное, читать было очень тяжело, — посочувствовал Носач.

— Мне казалось, что у меня из груди вырывают сердце. Я едва... едва заставил себя прочитать все, — от волнения у него сел голос. — А потом я разозлился.

— Понятное дело, — кивнул Носач. — У каждого из нас только одна мать.

— Дело не в том, что ее убили. Меня разозлила ложь, Носач. Практически все, что

написали в газете, ложь.

Глянув на часы, Носач пожал плечами:

— А чего ты, собственно, ожидаешь от газет?

— Все они — капиталистические прихвостни, — заметил Кучерявый.

— Они написали, что моя мать умерла в родах, а мой отец в ярости застрелил врача, как будто в этом был какой-то смысл.

Безымянный маньяк был примерно моего возраста. То есть мы могли родиться в один день... час... минуту. Если он унаследовал красоту и зеленые глаза от матери...

Потрясенный, не отдавая себе отчета в том, что делаю, я спросил:

— Панчинелло?

Носач нахмурился, и его глаза скрылись в тени густых бровей.

Кучерявый сунул руку под ветровку, ухватившись за рукоятку пистолета или револьвера, торчащую из плечевой кобуры.

Маньяк, убивший библиотекаря и расстрелявший газеты, отступил на шаг, потрясенный тем, что я знаю его имя.

— Панчинелло Бизо? — уточнил я.

Глава 15

Три клоуна установили последние брикеты взрывчатки и синхронизированные детонаторы.

Все они были клоунами, пусть и без костюмов. Носач, Кучерявый: сценические прозвища, которые прекрасно уживались с туфлями 58-го размера, мешковатыми штанами, оранжевыми париками. Возможно, Панчинелло использовал свое имя и на манеже, а может, там его звали Загогулиной или Хлопушкой.

Однако как на манеже, так и здесь, под землей, ему более всего подходило другое прозвище: Чокнутый.

Лорри и я сидели на каменном полу, привалившись спинами к зеленым металлическим шкафам, в которых хранилась банковская документация первых ста лет его деятельности. Судя по работе клоунов, зданию предстояло взлететь на воздух за семьдесят восемь лет до своего двухсотлетия.

Настроение у меня было препаршивое.

Ужаса, который парализует волю, я не испытывал, но наше будущее представлялось мне в самом мрачном свете.

Я не только тревожился, но и злился на судьбу, которая, по моему разумению, обошлась со мной несправедливо. Путь потомственной семьи глубоко порядочных, добросердечных пекарей просто не мог второй раз пересечься с представителями семьи Бизо. Прямо-таки история с Уинстоном Черчиллем, который выиграл Вторую мировую войну, а неделей позже в соседний дом вселится женщина с двадцатью шестью кошками, сумасшедшая сестра Гитлера.

Да, конечно, аналогия не слишком уместная, может, даже вообще неуместная, но она достаточно точно отражала мои чувства. Меня подставили, сделали жертвой, зашвырнули в какой-то безумный мир.

Я не только тревожился, не только злился на судьбу, но и ощущал какую-то неопределенную решимость. Неопределенную, потому что решимость обычно требует четких рамок, в которых человек должен действовать, но я не знал, какими должны быть эти рамки, не знал, что должен делать, когда придет пора действовать, и как.

Мне хотелось откинуть голову назад, уставиться в потолок и выть от раздражения. Удерживало меня только одно: я опасался, что Носач, Кучерявый и Панчинелло, стоит мне закричать, последуют моему примеру, да еще будут дудеть в трубу, дуть в свисток, сжимать надувные резиновые шары, издавая звуки пердежа.

До этого момента я никогда не страдал арлекино-фобией, то есть боязнью клоунов. Бесчисленное число раз я слышал историю о ночи моего рождения, историю об убийце из цирка, не выпускающем изо рта сигарету, но никогда раньше действия Конрада Бизо не

вызывали у меня страха перед любыми клоунами.

И вот менее чем за два часа свихнувшийся сынок добился того, что оказалось не под силу папаше. Я наблюдал, как он и два его помощника, собратья по клоунскому цеху, управляют со взрывчаткой, и все они казались мне чужими (вроде инопланетян в «Похитителях тел»), пришельцами, выдающими себя за людей, но на самом деле отличающимися от них, как небо от земли.

Как я и отметил выше, настроение у меня было препаршивое.

Тот самый ген веселости, свойственный семье Ток, по-прежнему функционировал. Я прекрасно осознавал абсурдность ситуации, в которой мы оказались, но смеяться мне совершенно не хотелось.

Безумие — это не зло, но зло всегда безумно. Зло никогда не бывает веселым, а вот с безумием такое иногда случается. Нам необходимо смеяться иррациональностью зла, потому что этим мы отрицаем власть зла над нами, уменьшаем его воздействие на мир, принижаем его привлекательность для некоторых из нас.

Но в подвале банка я не смог ни отрицать, ни уменьшать, ни принижать. Сидел, обиженный судьбой, встревоженный, злой, и даже Лорри Линн Хикс при всей своей красоте не могла поднять мне настроение.

Как вы можете себе представить, у нее было много вопросов. Обычно я с удовольствием пересказываю историю, связанную с моим рождением, но в этот раз я предпочел бы помолчать. Тем не менее она вытащила из меня часть истории, связанную с Конрадом Бизо. Не давала мне покоя, пока не получила желаемое.

А вот о предсказаниях моего деда я не упомянул. Если бы затронул эту тему, почти наверняка рассказал бы ей о том, что произошло со мной в газетном морге под библиотекой. О том, что и мне открылось будущее, и в этом будущем, пусть и без особых подробностей, ее убивали.

Я не видел особого смысла в том, чтобы вселять в нее тревогу, учитывая, что мое внезапно обретенное на какой-то миг шестое чувство могло дать осечку и никто бы не убил Лорри, а ее смерть, которая мне привиделась, была всего лишь плодом моего разыгравшегося воображения.

Закончив минирование помещения, трое клоунов расставили по полу газовые фонари, чтобы зажечь их после того, как вырубится электричество. На всю комнату фонарей не хватило, освещенной осталась бы только та ее часть, где они собирались взламывать дверь, ведущую в хранилище. Мы с Лорри сидели чуть в стороне, поэтому оказались бы в темноте.

Выслушав мою историю, Лорри какое-то время молчала, а потом спросила:

— Все клоуны такие злые?

— Среди моих знакомых не так уж много клоунов.

— Ты знаешь этих троих. И Конрада Бизо.

— Я не встречался с Конрадом Бизо. Наши пути разошлись, едва я родился.

— Все равно, ты с ним встречался. Получается, что из четырех клоунов все четверо злые. Я в шоке. Все равно что встретить настоящего Санта-Клауса и выяснить, что он — алкоголик. Эта штуковина все еще у тебя?

— Что? — переспросил я.

— Штуковина.

— Ты про пилку для ногтей?

— Да, если ты хочешь так ее называть.

— Это и есть пилка для ногтей.

— Как скажешь. Когда ты намерен действовать?

— Когда придет время, — ответил я.

— Будем надеяться, что это произойдет до того, как нас разнесет на куски, а не после.

Из пяти фонарей один они поставили у подножия лестницы, ведущей к двери в хранилище, второй — посередине, третий — на верхней площадке, рядом с дверью.

Панчинелло откинул крышки двух больших чемоданов и достал из них инструменты,

маски сварщика, еще какие-то непонятные мне предметы.

Носач и Кучерявый затащили на верхнюю площадку лестницы баллон с ацетиленом.

— Что это за имя — Панчинелло? — спросила Лорри.

— Отец назвал его в честь знаменитого клоуна. Ты знаешь, Панч и Джуди.

— Панч и Джуди — марионетки[32].

— Да, — кивнул я, — но Панч еще и клоун.

— Я этого не знала.

— Он носит шутовской колпак.

— Я думала, Панч — продавец автомобилей.

— С чего ты это взяла?

— Почему-то так решила.

— Представление «Панч и Джуди» показывали в девятнадцатом веке, может, и в восемнадцатом. Тогда автомобилей не было.

— Слушай, да кому захочется заниматься одним и тем же двести лет? Тогда, до появления автомобилей, он, возможно, изготавливал свечи или был кузнецом.

Лорри — волшебница. Зачаровывает тебя, и тебе уже хочется смотреть на мир ее глазами.

Вот почему я услышал, что говорю о Панче так, как будто он был таким же реальным, как Лорри или я сам:

— Он не изготавливал свечи и не был кузнецом. Это не он. Не подходил он для такой работы. А кроме того, носил шутовской колпак.

— Колпак ничего не доказывает. Он мог быть кузнецом и оттягиваться, надевая на голову шутовской колпак. — Она нахмурилась. — Он всегда выходил из себя и бил Джуди, не так ли? Получается, пять.

— Чего пять?

— Пять злых клоунов — и ни одного счастливого.

— Если уж на то пошло, Джуди тоже всегда молотила его.

— Она — клоунесса?

— Не знаю. Возможно.

— Ну, если Панч — ее муж, то получается, что она клоунесса по мужу. Значит, их уже шесть, и все злые. Это открытие.

Где-то в городе взорвался трансформатор. Должно быть, он находился под землей, потому приглушенный грохот взрыва донесся до нас сквозь стены подвала.

Мгновенно погасли электрические лампы. Часть комнаты осветили газовые фонари, мы с Лорри остались в темноте.

Глава 16

На просторной верхней площадке лестницы Носач и Кучерявый стояли в масках сварщика, асбестовых перчатках и огнестойких фартуках, закрывавших все тело. Ацетиленовым резак Носач вырезал стальную дверь по периметру.

Улыбаясь, качая головой, Панчинелло опустился на колено передо мной и Лорри.

— Ты действительно Джимми Ток?

— Джеймс, — поправил его я.

— Сын Руди Тока.

— Совершенно верно.

— Мой отец говорит, что Руди Ток спас ему жизнь.

— Мой отец удивится, услышав об этом.

— Что ж, Руди Ток — скромный человек и очень смелый, — заявил Панчинелло. — Но когда эта липовая медсестра, с отравленным кинжалом в руке, проскользнула за спину великого Конрада Бизо, моего отца, он бы погиб, если бы твой отец не застрелил ее.

Я промолчал, поскольку от изумления у меня отнялся язык, а Лорри сказала:

— Этой части истории я не слышала.

Панчинелло повернулся ко мне.

— Ты ей не рассказывал?

— Он такой же скромный, как его отец, — заверила маньяка Лорри. И добавила, под распространяющийся по комнате запах раскаленной и плавящейся стали: — Так что там насчет липовой медсестры?

Панчинелло сел перед нами, скрестив ноги перед собой.

— Ее заслали в больницу, чтобы убить великого Конрада Бизо, мою мать и меня.

— Кто заслал? — спросила Лорри.

Даже в густом сумраке я увидел, как лицо маньяка перекосило от ненависти. Ответил он, сжав зубы:

— Виргилио Вивасементе.

Из-за того, что он говорил, не раскрывая рта (и мешал шум ацетиленового резака), имя и фамилия показались мне несвязным набором звуков.

Вероятно, и у Лорри сложилось примерно такое же впечатление, потому что она воскликнула: «Gesundheit!»[33]

— Проклятые воздушные гимнасты, — процедил Панчинелло. — Всемирно известные «Летающие Вивасементе». Перелетающие с трапеции на трапецию, канатоходцы, высокооплачиваемые цирковые примадонны. А самый наглый, самый мерзкий, самый захваленный из них — Виргилио, патриарх, отец моей матери. Виргилио Вивасементе.

— Ну хватит, хватит, — попыталась остановить его Лорри. — Нельзя так говорить о собственном деде.

Панчинелло даже подпрыгнул от негодования.

— Я отказываю ему в праве быть моим дедом. Не нужен мне такой дед. Я не желаю иметь ничего общего с этой старой кучей дерьма!

— Может, зря ты так, — Лорри покачала головой. — Лично я дала бы ему еще один шанс.

Панчинелло наклонился к ней. Уж очень ему хотелось все объяснить.

— Когда моя мать вышла замуж за моего отца, ее семья была в шоке, в ярости. Летающая Вивасементе вышла замуж за клоуна! Для них воздушные гимнасты не просто цирковая элита, но полубоги, а клоуны — низшая форма жизни, отбросы.

— Может, другие циркачи больше любили бы клоунов, если бы те были не такими злыми, — предположила Лорри.

Маньяк ее, похоже, и не услышал, продолжая выдвигать обвинения против семьи своей матери.

— Когда мама вышла замуж за великого Конрада Бизо, воздушные гимнасты сначала стыдили ее, потом презирали, наконец отлучили от семьи. И все потому, что она вышла замуж по любви, за человека, которого они считали недостойным себя. Она перестала быть для них дочерью, они более не хотели ее знать!

— Давайте разберемся! — встряла Лорри. — Они все работали в одном цирке, твоя мать жила на клоунской окраине с твоим отцом, тогда как семья Вивасементе — в самой зажиточной части лагеря. Они постоянно находились вместе и при этом порознь. Естественно, возникала определенная напряженность.

— Вы и представить себе не можете, как это было! Перед каждым представлением Вивасементе молились, чтобы великий Бизо сломал себе позвоночник и остался парализованным на всю жизнь, когда его выстреливали из пушки, и перед каждым представлением мой отец молился, чтобы вся семейка Вивасементе попадала с трапеций и падала прямо на манеже, корчась в мучениях.

Лорри повернулась ко мне:

— Хотелось бы увидеть лицо Иисуса, когда он читал их электронные письма.

Панчинелло продолжил, набрав полную грудь воздуха:

— В ту ночь, когда я родился, здесь, в Сноу-Виллидж, Виргилио нанял женщину-убийцу, которая проникла в больницу, переодевшись медсестрой.

— Он так быстро смог найти наемного убийцу? — удивилась Лорри.

Голос Панчинелло дрожал от ненависти.

— Виргилио Вивасементе — это мерзкая тварь, которая называет себя человеком... У него обширные связи, он сидит в центре паутины зла. Дергает за ниточку, и преступники всего мира чувствуют идущие от него вибрации и немедленно откликаются. Он напыщенный шарлатан и идиот... но также ядовитая многоножка, быстрая и злобная, невероятно опасная. Он все устроил так, чтобы нас убили в то самое время, когда он и его семья были на манеже... это железное алиби.

Далее последовала история ночи моего рождения в изложении сочащегося злобой клоуна.

Для Панчинелло эта история заменяла материнское молоко и любовь. Он слышал ее тысячи раз, воспитываясь в атмосфере паранойальных фантазий и ненависти, и поверил в нее, как идолопоклонники когда-то верили в великую силу и божественность золотых отливок и кусков камня.

— И в комнате ожидания для отцов, когда нанятая Вивасементе убийца прокралась за спину моего отца. Руди Ток, вошедший в дверь в тот самый момент, увидел злодейку, выхватил пистолет и застрелил ее, прежде чем она успела выполнить приказ Виргилио.

Бедная Лоис Хансон, молодая и ответственная, убитая обезумевшим клоуном, стараниями того же клоуна превратилась из медсестры в некий гибрид ниндзя и убивающего детей агента короля Ирода.

Лорри похлопала меня по колену, выводя из транса изумления, потом спросила:

— Так у твоего отца был пистолет? Я думала, что он — обычный кондитер.

— Тогда он еще был пекарем, — ответил я.

— Вау! И что он носит с собой теперь, когда его перевели в кондитеры? Автомат?

Желая рассказать трагическую историю до конца, Панчинелло прервал наш диалог:

— Спасенный Руди Током, мой отец понял, что моя мать и я тоже в опасности. Он поспешил в родильное отделение, нашел операционную, где рожала мать, и ворвался в нее в тот самый момент, когда врач душил меня... меня, невинного новорожденного!

— Так под личиной врача скрывался другой киллер? — спросила Лорри.

— Нет. Макдональд был настоящим врачом, но он продался Виргилио Вивасементе, этот червь из кишок сифилитического хорька.

— Хорьки могут болеть сифилисом? — изумилась Лорри.

Маньяк счел вопрос риторическим и оставил без ответа.

— Доктору Макдональду заплатили огромную сумму, целое состояние, чтобы все выглядело так, будто моя мать умерла в родах, а я родился мертворожденным. Виргилио, чтобы ему в эту самую ночь низвергнуться в ад, не желал допустить, чтобы патрицианская кровь Вивасементе смешалась с плебейской кровью великого Конрада Бизо, а потому приговорил к смерти мою мать и меня.

— Какой гнусный тип. — Интонации голоса Лорри не оставляли сомнений в том, что она поверила каждому слову.

— А что я говорил! — воскликнул Панчинелло. — Он хуже вздувшегося прыща на заднице Сатаны.

— Да уж, что может быть хуже, — согласилась Лорри.

— Конрад Бизо застрелил доктора Макдональда, когда тот пытался задушить меня. Но моя мать, моя красавица-мать, уже была мертва.

— Кошмарный случай, — вставил я, понимая, что нельзя указывать на многочисленные нестыковки в этой версии истории давно минувших дней. Такая попытка привела бы к тому, что меня незамедлительно зачислили бы в прихвостни главного воздушного гимнаста.

— Но Виргилио Вивасементе, это отродье ведьминоного сортира...

— Классное сравнение, — ввернула Лорри.

— ...это ожившая собачья блевотина, знал, как подкупить этот город, как скрыть правду. Он заплатил и полиции, и местным журналистам. В итоге в официальной версии, изложенной в «Газетт», не нашлось места правде. Все, что там написано, — ложь, от первой

до последней строчки.

Я попытался изобразить сочувствие:

— Так легко увидеть ложь, когда знаешь правду.

Он энергично кивнул.

— Руди Тока, должно быть, раздражала необходимость хранить молчание все эти годы.

— Отец не брат денег от Виргилио, — поспешил заверить его я, из опасения, что потом он не поленится пересечь город, чтобы всадить по пуле в отца, маму и Ровену. — Ни цента.

— Нет, нет, разумеется, нет, — кивнул Панчинелло. — Будь уверен, я в этом несколько не сомневался. Из того, что я знаю по рассказам Конрада Бизо, моего отца. Руди Ток — честнейший и храбрейший человек. Мне известно, что они вынуждали его хранить молчание.

Я уже достаточно хорошо понимал психологию Панчинелло: за правду он мог принять только самые дикие преувеличения и совершенно невероятную ложь.

— Много лет они избивают отца раз в неделю.

— Какой же это отвратительный город.

— Но его молчания они добиваются не только этим, — добавил я. — Они угрожают убить мою бабушку Ровену, если он заговорит.

— Ее они тоже избивают, — поддакнула Лорри.

Уж не знаю, пыталась ли она помочь или, наоборот, вставляла палки в колеса.

— Но ее они избили только один раз, — уточнил я.

— Вышибли ей все зубы, — внесла существенное уточнение Лорри.

— Только два зуба, — я тут же поправил ее, опасаясь, что нас поймут на лжи.

— Они оторвали ей ухо.

— Не ухо, — возразил я. — Сорвали с нее шляпку.

— Я думала, ты говорил про ухо.

— Нет, шляпку, — мой тон однозначно указывал: не нужно перегибать палку. — Они сорвали с нее шляпку и потоптались на ней.

Панчинелло закрыл лицо руками, которые приглушили его голос.

— Сорвать со старушки шляпку! Бедная старушка! Бедная шляпка! Мы все пострадали от рук этих монстров!

Прежде чем Лорри успела сказать, что наймиты Виргилио отрубили у бабушки Ровены большие пальцы на руках, я спросил:

— И где твой отец провел последние двадцать лет?

Маньяк опустил руки.

— В бегах, нигде не останавливаясь, на два шага опережая закон, на один — частных детективов Вивасемента. Он растил меня в самых разных местах. Ему пришлось отказаться от карьеры. Великому Конраду Бизо пришлось выступать в маленьких цирках, на карнавалах, презентациях, развлекать детишек в детских садах. Жить под фальшивыми прозвищами... Улыбчивый, Хохотун, Балабол, Сладенький.

— Сладенький? — переспросила Лорри.

Панчинелло покраснел.

— Какое-то время он работал клоуном в стрип-клубе. Как его это унижало! Люди, которые ходят в такие места, не способны оценить талант. Их интересуют только буфера да ягодицы.

— Филистимляне, — посочувствовал я.

— Скорбящий по моей матери, в отчаянии, постоянно тревожась из-за того, что агент Вивасемента может в любой момент обнаружить его местонахождение, он был прекрасным отцом, делал для меня все возможное в сложившихся обстоятельствах, хотя Конрад Бизо лишился способности любить, когда потерял мою мать.

— По этой истории Голливуд создал бы роскошную, вышибающую слезу мелодраму, — заметила Лорри.

Панчинелло кивнул.

— Мой отец думает, что его роль должен сыграть Чарльз Бронсон.
— Абсолютный король вышибающих слезу мелодрам, — покивала Лорри.
— Мое детство было холодным, лишенным любви, но я не стал бы окрашивать его только в черный цвет. Например, к тому времени, когда мне исполнилось десять лет, я, готовясь выследить и уничтожить Виргилио Вивасемента, знал очень и очень много о стрелковом оружии, ножах, ядах.

— У других десятилетних в головах нет ничего путного, — заявила Лорри. — Только бейсбол, видеоигры да «Покемоны».

— Я не видел от него любви, но, по крайней мере, он уберег меня от злобного и мстительного Виргилио... и научил меня всему, что умел сам, а ведь именно благодаря своему мастерству он стал клоуном-легендой.

По комнате разнесся грохот.

Носач и Кучерявый ацетиленом вырезали стальную дверь, и она вывалилась на верхнюю лестничную площадку.

— Мне пора браться за дело, — Панчинелло встал. Его злость и ненависть разом исчезли, словно кто-то передвинул рычажок реостата, лицо осветила теплая улыбка. — Но ты не волнуйся, Джимми. Когда все будет закончено, я защищу тебя. Я знаю, мы можем тебе доверять, ты нас не выдашь. С сыном Руди Тока ничего плохого не случится.

— А как же я? — спросила Лорри.

— Тебя придется убить, — без запинки ответил он, улыбка поблекла, лицо превратилось в маску, из глаз исчезло сострадание.

Хотя все зло безумно и иной раз безумие может казаться забавным с безопасного расстояния, лишь некоторые безумцы обладают чувством юмора. Если Панчинелло и был одним из них, то в данной фразе чувство это отсутствовало напрочь. Говорил он совершенно серьезно, и я верил, что он спасет меня, но убьет Лорри.

Он повернулся ко мне. И вновь настроение его переменялось. Из глаз исчез холод, лицо ожило. Теперь он светился благорасположением: обаятельная улыбка, дружелюбный взгляд.

— Лорри — моя невеста, — сказал я ему.

Улыбка стала шире, просто ослепляла.

— Фантастика! Вы составите идеальную пару.

Уверенности, что он меня понял, не было, поэтому я уточнил:

— Мы собирались пожениться в ноябре. Хотели бы, чтобы ты приехал на свадьбу, если такое возможно. Но свадьбы не будет, если вы ее убьете.

Улыбаясь, кивая, он обдумывал мои слова, а я ждал, затаив дыхание.

Наконец он заговорил:

— Я хочу только счастья сыну Руди Тока, который спас моего отца и меня. С Носачом и Кучерявым могут возникнуть сложности, но мы все уладим.

— Спасибо, — вырвалось у меня.

Он повернулся к нам спиной и зашагал к лестнице.

Лорри не хотела демонстрировать слабость, но не смогла подавить дрожь облегчения, от которой застучали зубы.

Когда Панчинелло отошел достаточно далеко, она шепнула мне на ухо:

— Давай договоримся сразу, пекарь. Я не назову нашего первенца ни Конрадом, ни Бизо.

Глава 17

Панчинелло махал кувалдой, сокрушая бетон. Как только открывался арматурный штырь, Носач перерезал его ацетиленовым резак. Кучерявый оттаскивал мусор вниз. Для клоунов работали они на удивление эффективно и слаженно.

Всякий раз, когда Панчинелло останавливался, чтобы передохнуть, и подпускал к стене Носача с его ацетиленовым резак, он отходил достаточно далеко, чтобы его не задела искры, летящие от арматурного штыря. И обязательно смотрел на часы.

Вероятно, они знали, сколько времени потребуется энергетической компании на

починку трансформатора, и не сомневались, что уложатся в отпущенный срок. Во всяком случае, они не нервничали. Да, мы имели дело с безумцами, но их безумие никоим образом не распространялось на разработанный ими план и его реализацию.

Мои часы были на левой руке, поэтому я мог смотреть на них, не тревожа Лорри, прикованную к моей правой руке.

Нет, она и не собиралась вздремнуть, пока мы сидели, привалившись спиной к зеленому металлическому шкафу. Ее глаза были широко раскрыты, а рот, полагаю, вас это не удивит, не закрывался.

— Как бы я хотела, чтобы мой отец был клоуном, — задумчиво изрекла она.

— Чего это тебе захотелось каждый день сталкиваться с такой злобой?

— Мой отец не был бы злым клоуном. Мой отец — добрый человек, просто безответственный.

— Дома бывал редко, так?

— Постоянно гонялся за торнадо.

— Почему? — решил спросить я.

— Он — ловец торнадо. Так он зарабатывает на жизнь, ездит по Среднему Западу на своем выдавшем виды «Субербане».

Происходило все это в 1994 году. Фильм «Смерч» вышел на экраны только в 1996-м. Я и представить себе не мог, что охота за торнадо может быть профессией.

Предположив, что она водит меня за нос, я решил ей подыграть:

— Хоть один он поймал?

— Десятки.

— И что он с ними делает?

— Естественно, продает.

— То есть, как только он его ловит, торнадо принадлежит ему? Он имеет право его продавать?

— Разумеется. Это же авторское право.

— Значит, он видит торнадо, преследует его, а когда подбирается достаточно близко...

— Они бесстрашные, — прервала меня Лорри. — Лезут прямо в него.

— Значит, он лезет прямо в торнадо, а потом... что? Он же не может заарканить[34] торнадо, как льва в саванне?

— Очень даже может. По существу, это одно и то же.

Теперь я уже точно знал, что меня разыгрывают.

Панчинелло ей бы тут же поверил.

— Твой отец продал бы его мне?

— Если бы у тебя были деньги, почему нет?

— Не думаю, что смог бы купить торнадо целиком. Они ведь дорогие.

— Все зависит от того, для чего ты хочешь его использовать.

— Думаю, мог бы пригрозить им Чикаго, потребовать десять миллионов, может, даже двадцать.

Во взгляде, которым она одарила меня, читалась жалость.

— Как будто я не слышала этой жалкой шутки миллион раз.

Я начал подозревать, что чего-то не понимаю.

— Извини. Просто хочется знать. Ничего больше.

— Прежде всего он интересуется, какое время видеопросмотра ты хочешь купить, минуту, две, десять...

Видео. Просмотр. Разумеется, он не заарканивал торнадо. Снимал на пленку. Я привык к ее странной манере разговора и не думал, что у произнесенных ею слов есть несколько значений, не только то, которое сразу приходило в голову.

— Если ты — ученый, — продолжала Лорри, — он берет с тебя по меньшей ставке, чем с телевидения или киностудии.

— Слушай, это действительно опасная работа.

— Да, но теперь у меня такое ощущение, что это детский лепет в сравнении с работой клоуна, — она вздохнула. — Мне просто хотелось, чтобы он подольше бывал дома, когда я была маленькой.

— Сезон торнадо длится не весь год.

— Нет, не весь. Но он также гоняется и за ураганами.

— Как я понимаю, он считает, что после торнадо готов к встрече с ними.

— Именно так он и считает. Когда один сезон заканчивается, второй только начинается, вот он и следит за метеопрогнозами на Атлантическом побережье.

С ручными фонариками Панчинелло и Кучерявый исчезли в проломе в стене. Носач остался, приглядывая за нами с верхней лестничной площадки.

— Раз генератор не включился после прекращения централизованной подачи электроэнергии, может, сигнал тревоги автоматически поступил по телефонной линии на полицейский участок и копы уже в банке? — предположила Лорри.

Откровенно говоря, я надеялся, что на этот раз она права в своем неиссякаемом оптимизме, но сказал другое:

— Эти парни наверняка учли и такой вариант. Они продумали все.

Она молчала. Я последовал ее примеру.

Подозреваю, думали мы об одном и том же: выполнит ли Панчинелло свое обещание отпустить нас?

Соучастники ограбления, конечно же, могли ему помешать. Оба, конечно, не были столь же безумны, как сын великого Конрада Бизо. У обоих была более приземленная мотивация. Носача толкала на преступление жадность. Кучерявого — жадность и зависть. Они не питали теплых чувств к сыну Руди Тока.

Тишина давила, как толща воды. И способствовала нарастанию тревоги.

Я чувствовал себя гораздо увереннее, когда говорил с Лорри, и попытался возобновить разговор:

— Меня удивляет, что твоя мать не путешествовала вместе с отцом. Будь я женщиной, а мой муж — ловцом торнадо, человеком, которого постоянно нет дома, я бы хотела быть рядом с ним.

— У мамы свой успешный бизнес. Ей эта работа нравится, а если бы она уехала из Лос-Анджелеса, ей бы пришлось от нее отказаться.

— И что она делает? — спросил я.

— Разводит змей.

— Час от часу не легче.

— Если твоя мать разводит змей, — добавила она, — это не так весело, как может показаться.

— Правда? Я-то думал, что как раз наоборот.

— И напрасно. Она разводит их дома. А змеи... они... с ними не так легко, как со щенками.

— Змею можно приучить ходить на горшок?

— Я не про физиологические надобности. Мать обучала их разным штучкам. Собаки любят учиться, а змеям это быстро надоедает. А когда змее становится скучно, она старается уползти, и некоторые из них двигаются очень быстро.

Панчинелло и Кучерявый вышли из хранилища на лестничную площадку, где их поджидал Носач. Они принесли какие-то коробки, поставили на пол, сняли с них крышки.

Носач издал победный вопль, когда увидел содержимое коробок. Все трое засмеялись и принялись молотить друг друга по спинам.

Я догадался, что в коробках лежало что-то более интересное, чем змеи или пирожные.

Глава 18

Они вынесли из хранилища шестнадцать коробок, спустили их вниз по лестнице, загрузили на ручную тележку, уже полностью освобожденную от взрывчатки. Коробки были из гофрированного картона, со съемными крышками, в такие при переезде обычно

упаковывают книги.

— Более трех миллионов наличными, — сообщил нам Панчинелло, когда предложил подняться на ноги и повел к ручной тележке.

Я вспомнил его слова: «Банк не такой уж большой, чтобы кто-нибудь решил его ограбить».

— Здесь не так много наличных, как в большинстве банков крупных городов, но не так уж и мало, — продолжил Панчинелло. — Этот банк — один из центров министерства финансов по сбору истертых банкнот. Все банки изымают истертые банкноты из обращения. Двенадцать округов каждую неделю присылают сюда изъятые банкноты и получают взамен новые, только что отпечатанные.

— Две трети денег в этих коробках — истертые банкноты, а треть — новые, — вставил Носач. — Значения это не имеет. Все обладают одинаковой покупательной способностью.

— Мы просто отсосали немного крови из капиталистической пиявки, — сказал Кучерявый. Метафора получилась слабенькой из-за физической усталости. Его выющиеся мелким бесом волосы, намокшие от пота, уже не торчали во все стороны.

Панчинелло взглянул на часы.

— Нужно побыстрее сматываться, чтобы нас не разнесло на куски вместе со зданиями.

Кучерявый и Носач покинули подвал банка первыми, один тащил за собой, а второй толкал ручную тележку. Лорри и я последовали за ними, Панчинелло замыкал колонну.

В потайных подземных тоннелях Корнелия Сноу половина толстых свечей уже сгорели чуть ли не до основания, так что света заметно убавилось. Тени накрывали все большую часть потолка и стен, с твердым намерением стереть последние световые пятна.

— Сегодня, — сказал Панчинелло, когда мы приблизились к перекрестку, где правый поворот привел бы нас обратно в библиотеку, — я наконец-то оправдаю ожидания отца, пусть раньше мне это не удавалось.

— Дорогой, нельзя так недооценивать себя, — повернулась к нему Лорри. — Ты же к десяти годам прекрасно разбирался в стрелковом оружии, ножах и ядах.

— Он этого не оценил. Ему хотелось, чтобы я стал клоуном, величайшим клоуном всех времен, звездой, но у меня нет такого таланта.

— Ты еще молод, — заверила его Лорри. — Успеешь многому научиться.

— Нет, он прав, — откликнулся Носач. — Такого таланта у мальчика нет. И это действительно трагедия. Его отец — сам Конрад Бизо, то есть он учился у лучшего из лучших, но не может даже как следует шлепнуться на зад. Я люблю тебя, Панч, но это правда.

— Я не обижаюсь, Носач. Давно уже это признал.

На перекрестке мы не повернули ни направо, ни налево. Теперь я уже сориентировался. Впереди лежал «Дворец Сноу», перед которым я припарковал свою «Шелби Z», по другую от банка сторону городской площади.

— Я выступал на манеже с Панчем, — заговорил Кучерявый, — когда он исполнял наши самые простые трюки, вроде «Нога в ведре» или «Мышь в штанах». Никто бы не смог их запороть...

— Но мне это удалось, — твердо заявил Панчинелло.

— Зрители над ним смеялись, — сообщил нам Носач.

— Разве им не положено смеяться над клоуном? — спросила Лорри.

— Смех не был добрым, — вздохнул Панчинелло.

— На самом деле, мисс, смех был злым, — уточнил Носач. — Зрители смеялись над ним, а не над его номером.

— Да разве можно заметить разницу? — удивилась Лорри.

— Да, леди, — ответил Кучерявый. — Если ты — клоун, то можно.

И пока мы шли под Центральным квадратным парком, я думал о том, как изменилось поведение этих двух мужчин. Враждебности поубавилось, они стали более разговорчивыми. Лорри теперь называли мисс или леди.

Может, три миллиона долларов улучшили им на строение. Может, Панчинелло переговорил с ними, объяснил, кто я такой, и теперь они считали нас не за ложниками, а, скажем, почетными клоунами.

А может, они намеревались отправить нас в расход через несколько минут и предпочитали стрелять в людей, с которыми у них установились теплые отношения. Стараясь поставить себя на место социопата, я спросил себя: «Действительно, какое это удовольствие — убивать совершенного незнакомца?»

Увлечшись самобичеванием, Панчинелло признался:

— Однажды вместо ноги в этом чертовом ведре у меня застряла голова.

— Звучит забавно, — заметила Лорри.

— В том, как он это сделал, не было ничего забавного, — заверил ее Носач.

— Зрители заулюлюкали, — Панчинелло покачал головой. — В тот вечер они прогнали меня с арены.

Таща за собой ручную тележку, которую сзади толкал Носач, Кучерявый сказал:

— Ты хороший парень, Панч. И это главное. Я бы гордился тобой, будь ты моим сыном.

— Спасибо, Кучерявый. Я тебе очень признателен.

— Да и что хорошего в том, что ты — клоун? — спрашивал Носач, похоже, самого себя. — Даже когда люди смеются вместе с тобой, они смеются над тобой. Вот и вся радость.

Тоннель уперся в еще одну массивную дубовую дверь, окантованную железом. За ней находился подпал «Дворца Сноу».

Трое мужчин достали мощные ручные фонарики. Яркие лучи пробежались по просторному помещению. Все поддерживающие потолок колонны уже заминировали, из брикетов взрывчатки торчали ранее установленные детонаторы.

Я предположил, что и четвертое главное здание на городской площади, в котором находился окружной суд, также подготовлено к взрыву. Маленькому тихому городку Сноу-Виллидж в самом ближайшем будущем предстояло попасть в срочные сообщения мировых информационных агентств, а потом на экраны телевизоров и страницы газет.

Пекари — народ любопытный, особенно если в рецепте что-то не сходится, вот я и спросил Панчинелло:

— Почему здесь электрические фонарики, а в тоннелях — свечи?

— Потому что такие тоннели могут освещаться только свечами, — ответил маньяк. — Я терпеть не могу фальши, которая в этом пластиковом, полиэфирном мире пытается проникнуть повсюду.

— Я не понимаю.

Он посмотрел на меня с жалостью.

— Ты не понимаешь, потому что ты — не артист.

Фраза эта ничего для меня не прояснила, но мы уже приближались к старинному грузовому лифту с широкими бронзовыми воротами вместо двери. Подъемному механизму, системе блоков и противовесов, хватило мощности, чтобы доставить из подвала на первый этаж ручную тележку с коробками, полными денег.

Мы преодолели четыре лестничных марша и попали на кухню, уже на первом этаже дворца. Лучи фонариков вырывали из темноты керамические поверхности разделочных столов, полированную медь кухонной посуды, матовые стеклянные панели дверок буфетов.

На одном из разделочных столов я заметил большую квадратную вставку из полированного гранита, идеальную поверхность для раскатки теста. Даже если Корнелий и был жадным, сосущим кровь эксплуататором, пожирающей младенцев свиньей, как охарактеризовал его Кучерявый, что-то в нем было и хорошего раз создал он своему кондитеру все необходимые условия для приготовления качественной выпечки.

— Посмотри, какая большущая плита, — Носач на правил луч фонарика на плиту.

— Наверное, на ней готовили настоящую еду, не гамбургеры с чипсами, — заметил Кучерявый.

— Потому что и плита настоящая, — кивнул Панчинелло.

Носач положил фонарь на один из разделочных столов, взялся за рукоятку, приводящую в движение подъемный механизм. Заскрипели тросы, тележка с коробками денег начала медленный подъем. По его завершении Кучерявый положил свой фонарь рядом с фонарем Носача, открыл бронзовые ворота и выкатил тележку с коробками на кухню.

Панчинелло выстрелил Носачу в грудь, Кучерявому—в спину, потом всадил в каждого, когда они, крича, корчились на полу, еще по две пули.

Глава 19

От неожиданности и жестокости этих убийств у Лорри, похоже, перехватило горло, но я, думаю, вскрикнул. Полной уверенности у меня нет. Потому крики жертв, пусть они и быстро оборвались, полностью перекрыли тот придушенный хрип, который мог вырваться из моей груди, но, возможно, и не вырвался.

Точно я знаю другое: меня едва не вырвало. Тошнота подкатила к горлу, но внезапно слюнные железы резко увеличили свою производительность, и поток горькой слюны не пустил вверх желудочную желчь.

Плотно сжав зубы, часто дыша носом, я шумно сглотнул, и охватившая меня злость свела на нет рвотный рефлекс.

Эти убийства испугали и разъярили меня даже больше, чем убийство Лайонела Дейвиса, нашего библиотекаря. Почему так случилось, я сказать не могу.

Я находился в непосредственной близости от этих жертв, а от Лайонела, когда тот, получив пулю в голову, свалился за стойку, довольно-таки далеко. Может, в этом и причина. Мне в нос ударил запах самой смерти, а не только слабый запах крови, смешанный с вонью: кто-то из клоунов, умирая, обделался.

А может, эти убийства так повлияли на меня, потому что убийца и обе его жертвы были сообщниками и незадолго до того, как Панчинелло открыл огонь, заверяли друг друга во взаимной любви и дружбе.

На этот раз жертвами стали низкие люди, тут двух мнений быть не могло, но таким же был и сам Панчинелло. А где еще можно чувствовать себя в безопасности, как не среди таких же, как ты?

Волки не убивают волков. Гадюки не кусают гадюк.

И только в человеческом обществе брат должен остерегаться брата.

Шесть пуль столь наглядно преподали мне этот урок, что я застыл как громом пораженный. Не мог вдохнуть, не мог пошевелиться.

Вытащив из рукоятки пистолета обойму с четырьмя оставшимися патронами и вставляя новую, Панчинелло неправильно истолковал нашу реакцию на случившееся. Он улыбался, довольный собой, полагая, что и мы довольны им в не меньшей степени.

— Я вас удивил, так? Готов спорить, вы думали, я уложу их, лишь когда мы загрузим деньги в микроавтобус, перед самым отъездом из города? Но вы можете мне поверить, я выбрал наиболее удобный момент.

Возможно, даже если бы мы с Лорри не вляпались в эту историю, он бы убил своих сообщников на этом самом месте. Три миллиона долларов — убедительный мотив для убийства.

— Это мой свадебный подарок, — говорил он с таким видом, будто преподнес нам тостер или чайный набор и ожидал в должный срок получить открытку со словами благодарности.

Назови мы его безумным или злым, продемонстрируй отвращение или гнев, вызванные его безжалостностью, мы бы, скорее всего, подписали себе смертный приговор, который маньяк тут же привел бы в исполнение. Когда пузырек с нитроглицерином балансирует на острие меча, не нужно усложнять ситуацию, пытаясь станцевать чечетку.

И хотя я понимал, что по нашему молчанию он может понять наши истинные чувства, я не знал, что и сказать, даже если бы не лишился дара речи.

Не в первый раз, и уж точно не в последний, спасла нас Лорри:

— Ты сочтешь адекватной нашу благодарность, если мы назовем нашего первого сына

Конрадом?

Я подумал, что он посчитает ее предложение чистым подхалимажем и обидится за столь явную попытку манипулировать им. Конечно же, я ошибся. Она сделала идеальный ход.

В свете фонарей я увидел, как глаза Панчинелло затуманились. Он прикусил нижнюю губу.

— Как это приятно. Вы такие добрые. Мой отец, великий Конрад Бизо, так обрадуется, узнав, что внука Руди Тока назвали в его честь.

На такой ответ Лорри отреагировала улыбкой, за право нарисовать которую Леонардо да Винчи, не колеблясь, отдал бы левую ногу.

— Тогда для полного счастья нам с Джимми будет не хватать только одного: твоего согласия стать крестным отцом нашего первенца.

Когда находишься в присутствии принца безумия, безопасность можно обрести, если такое вообще возможно, прикинувшись членом того же королевского семейства.

Панчинелло вновь прикусил губу, прежде чем ответить:

— Я понимаю обязанность, которая ляжет на меня. Я стану защитником маленького Конрада. Если кто-то попытается причинить ему вред, пусть пеняет на себя, потому что ему придется иметь дело со мной.

— Ты и представить себе не можешь, как покойно становится матери после таких слов, — промурлыкала Лорри.

Более не приказывая нам, скорее обращаясь за помощью к друзьям, он попросил подкатить ручную тележку к парадным дверям. Я толкал тележку, Лорри освещала путь фонарем.

Панчинелло следовал сзади, с фонарем в одной руке и пистолетом в другой.

Мне не хотелось оставлять его за спиной, но выбора не было. Попытайся я возразить, настроение его могло кардинально перемениться.

— Знаешь, в чем ирония судьбы? — спросил он.

— Да... я тревожился из-за того, что мне нужно зайти в химчистку.

К моей трактовке иронии судьбы он не проявил ни малейшего интереса.

— Ирония вот в чем. Клоун я никакой, зато без труда могу ходить по натянутой струне. И на трапеции чувствую себя как дома.

— Ты унаследовал талант матери, — Лорри сделала очевидный вывод.

— И тайком немного потренировался, — признал он, когда мы прошли из кухни через кладовую в большую столовую. — Если я бы смог потратить на эти тренировки хотя бы половину того времени, что ушло на клоунаду, то стал бы звездой.

— Ты молод, — напомнила Лорри. — Еще не поздно.

— Нет. Даже если бы я продал душу за такой шанс, то не смог бы стать одним из них, не смог бы стать воздушным гимнастом. Виргилио Вивасемента — живой бог воздушных гимнастов и знает их всех. Если бы я начал выступать, он бы услышал про мои успехи. Приехал бы, чтобы посмотреть на меня. Узнал бы во мне мою мать и приказал бы меня убить.

— Может, наоборот, раскрыл бы тебе объятья, — предположила Лорри.

— Никогда. Для него моя кровь замарана. Он приказал бы меня убить, расчленил, замариновал бы мои останки в бензине, сжег, помочился на золу, собрал мокрую золу в ведро, отвез на ферму и вывалил в навозохранилище.

— Может, ты преувеличиваешь его злодейство, — заметил я, когда узким коридором мы вышли в более широкий.

— Он такое уже делал, — заверил меня Панчинелло. — Он — зверь в образе человеческом. Заявляет, что ведет свой род от Калигулы, безумного императора Древнего Рима.

Повидав Панчинелло в деле, я не собирался оспаривать такое, на первый взгляд фантастическое, генеалогическое предположение.

Он вздохнул.

— Вот почему я решил посвятить себя мести. Воздать врагам моего отца по заслугам.

Из холла парадная лестница, украшенная гранитными скульптурами, вела на второй этаж. Стенные фрески и мозаики на полу изображали мифологические сцены.

Лучи фонарей создавали иллюзию движения, словно запечатленные на фресках и в мозаике фигуры жили в двухмерном мире точно так же, как мы — в трехмерном.

Голова у меня начала идти кругом, но причину следовало искать не в мельтешении световых лучей, а в отсроченной реакции на двойное убийство на кухне. Кроме того, не давало покоя собственное предчувствие. Я не забывал о том, что Лорри могли убить, и мне оставалось только гадать, а не здесь ли раздастся роковой выстрел.

Во рту у меня пересохло. Ладони вспотели. Мне хотелось съесть хороший эклер.

Лорри сжала мою правую руку. Ее тонкие пальцы были холодны как лед.

Подойдя к одному из окон, что находились по обе стороны парадных дверей, Панчинелло выключил фонарь, раздвинул тяжелую портьеру, оглядел ночь.

— На площади ни огонька.

Таймеры в подвале дворца вели неумолимый отсчет. Хотелось бы знать, сколько оставалось времени до того момента, когда дворец взлетит на воздух и погребет нас под обломками.

Словно прочитав мои мысли, Панчинелло вернул портьеру на место и повернулся к нам:

— У нас чуть больше семи минут, но это все.

Он включил фонарь, положил его на пол, достал из кармана пиджака ключ от наручников, подошел ко мне.

— Я хочу, чтобы ты скатил тележку по ступеням на тротуар и подкатил ее к заднему борту желтого микроавтобуса, который припаркован практически напротив парадных дверей.

— Конечно, нет проблем, — ответил я, скривился, услышав в собственном голосе нотки покорности. Но я, конечно же, не мог сказать: «Выкатывай ее сам, клоун».

Когда он размыкал стальное кольцо на моем запястье, я подумал о том, чтобы попытаться вырвать пистолет из его руки. Но что-то в его теле подсказывало мне, что он ждет от меня такой реакции и ответ будет жестким и эффективным.

Если Лорри было суждено умереть от пули, именно мои необдуманные действия могли привести к ее гибели. Поэтому я решил дожидаться более удобного момента и не предпринял попытки завладеть пистолетом.

Я ожидал, что Панчинелло освободит и Лорри, но вместо этого он ловко защелкнул освободившееся кольцо наручников на своем правом запястье и перекинул пистолет в левую руку. Судя по той уверенности, с которой он держал оружие, выходило, что обеими руками он владеет в равной степени.

Глава 20

Он приковал Лорри к себе.

Я видел, как это произошло, но мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать случившееся. Мне не хотелось верить, что наши надежды на выживание так внезапно и резко уменьшились.

Скованные одной цепью, мы с Лорри могли бы попытаться обрести свободу, оказавшись на улице. Теперь же она стала его заложницей не только для того, чтобы приструнить полицейских, если б они таки появились на горизонте. Тем, что ей никуда от него не деться, он и меня держал на коротком поводке.

Что же касается меня... Панчинелло уже решил, что может избавиться от меня, если события примут неуютный ему оборот.

Тот факт, что он приковал к себе Лорри, ставил под вопрос искренность обещаний, которые он дал нам. Так что теперь выстрелы могли загреть скорее раньше, чем позже.

Следовательно, ни Лорри, ни мне не следовало показывать, что его поведение кажется нам странным. Но для этого нам предстояло продемонстрировать наивность новорожденных.

Вот мы и улыбались, словно это были лучшие минуты в нашей жизни.

Улыбка Лорри напоминала улыбку участницы конкурса «Мисс Америка», когда ведущий задавал особенно каверзный вопрос: «Мисс Огайо, вы видите щенка и котенка, играющих на железнодорожном полотне. Поезд приближается, и у вас есть время спасти только одного из них. Кого бы вы обрекли на ужасную смерть, щенка или котенка?»

И мои губы растянулись, словно их подвесили к бельевой веревке и закрепили прищепками на концах. Пожалуй, широтой улыбки я тоже мог посоперничать с Мисс Огайо.

Я открыл одну из дверей и выкатил тележку на крыльцо.

Холодный, пахнувший хвоей воздух превратил пот на шее в ледяную пленку.

Луна еще не встала. Сквозь редкие разрывы в облаках до земли доходила лишь малая часть звездного света.

Ни одного огонька не светилось в парке, не горели уличные фонари. И здания вокруг площади стояли темные и молчаливые.

Огромные лиственницы, растущие между нами и мостовой, загораживали большую часть города, но сквозь ветви я видел желтые мигалки ремонтных грузовиков энергетической компании на Альпийской авеню, в полуквартале к северу от площади.

Панчинелло и Лорри вышли следом за мной на крыльцо.

Фонарь он оставил в доме. При столь слабом звездном свете я не мог разглядеть его лица.

Может, и хорошо, что не мог. Если бы разглядел, то прочел бы на нем то или иное безумное намерение и не знал бы, что же мне с этим делать.

Но я сожалел о том, что не вижу лица Лорри. Чувствовал только, что улыбка ее поблекла. Так же, как моя.

Десять ступеней отделяли крыльцо от тротуара. Выглядели они крутыми.

— Мне придется относить коробки в микроавтобус по одной или по две, — сказал я. — Дно тележки зацепится за ступени, и скатить ее не удастся.

— Не зацепится, — заверил он меня. — Для этого мы купили тележку с большими колесами. Она легко скатится вниз.

— Но...

— У нас осталось меньше шести минут, — предупредил он. — Смотри только, чтобы тележка не перевернулась, а не то деньги разлетятся по тротуару. Это будет... глупо.

Похоже, он опасался, что моя неуклюжесть может привести к тому, что я растянусь на тротуаре, тележка, перевернувшись, накроет меня и погребет под тремя миллионами долларов в новых и истертых банкнотах.

Я встал перед тележкой и потянул ее на себя, используя гравитацию в качестве тяги, а тело — тормоза, не позволяющего тележке набрать большую скорость.

И, как это ни странно, без происшествий добрался до тротуара.

Панчинелло и Лорри спустились следом за мной.

Я не знал, молиться ли мне о том, чтобы на улице появился случайный прохожий, или все-таки будет лучше, если наша компания останется в неизменном составе. У меня были веские основания полагать, что Панчинелло без малейшего колебания убьет любого, кто возникнет у него на пути.

Ну где, где этот точно направленный, падающий с верхнего этажа сейф? Когда он особенно нужен, его, естественно, нет и в помине!

Я покатил тележку в заднему борту микроавтобуса.

Всего в восьми футах стояла моя «Дайтона Шелби Z». Отличная машина... но такая хрупкая.

— Дверцы не заперты, — следуя за мной, он остановился в шаге от бордюрного камня. — Поставь коробки в грузовой отсек. И поторопись.

Хотя я знал все о дрожжах и химическом процессе, посредством которого яйца превращаются в суфле, изучению взрывчатых веществ я уделял недостаточно времени. Но мог точно сказать, к каким последствиям приводит взрыв пластита.

Открывая задние дверцы, представил себе, как весь фронтон «Дворца Сноу» отделяется от остального здания и обрушивается на нас, накрывая тоннами кирпича и блоков известняка.

Перекладывая коробки с тележки в грузовой отсек микроавтобуса, я также представлял себе, как взрывная волна отрывает от каждого из нас конечность за конечностью.

Шесть коробок уже стояли в грузовом отсеке, восемь, десять...

Мысленным взором я видел, как на меня обрушивается град камней, кирпичей, горящих досок. Израненный, ослепленный, с горящими волосами, я мечусь по пустынной улице.

Спасибо тебе, бабушка Ровена.

Когда последняя коробка переключалась с тележки в кузов, Панчинелло сказал:

— Дверцы оставь открытыми. Мы поедем в грузовом отсеке. За руль сядешь ты.

По приезде в нужное ему место, после того, как я припарковал бы микроавтобус, он оказался бы позади меня, в идеальном положении для того, чтобы пустить мне пулю в затылок. Я знал, именно это он и сделает.

Судя по тому, как вел себя этот человек, нам предстояло найти для маленького Конрада другого крестного отца.

— Лови, — добавил он.

Осознав, что он собирается бросить мне ключи от микроавтобуса, я крикнул:

— Нет! Подожди. Если я их не поймаю, они могут провалиться в канализационную решетку, и тогда мы никуда не сможем уехать.

И действительно, между нами находилась канализационная решетка четыре на три фута. Зазоры между стержнями составляли никак не меньше дюйма. Когда я проходил по ней с очередной коробкой, до моих ноздрей долетал неприятный запах гнили.

Он протянул ключи, и, хотя не нацелил на меня пистолет, когда я приближался к нему, я- чувствовал, что он может застрелить меня, когда я протянул за ключами руку.

Вполне возможно, предчувствие беды возникло исключительно из-за того, что я приближался к нему с дурными намерениями. Потому что, когда моя левая рука брала ключи, правая, с зажатой в ней пилкой для ногтей, описав дугу, вошла в контакт с его промежностью. Пилка при этом глубоко вонзилась в его мужское хозяйство.

В темноте я не видел, как кровь отхлынула от его лица, но, можно сказать, услышал шум этого устремившегося вниз потока.

Удивив самого себя собственной безжалостностью, которую я никогда не проявлял (да и необходимости в этом не было) в кондитерском цеху, я вертанул пилку для ногтей вокруг ее оси.

Смутно вспомнил, что Джек проделал что-то подобное с великаном у основания фасолевого побега, да только он использовал вилы.

Отпустив пилку, я тут же попытался выхватить револьвер из левой руки Панчинелло.

Когда пилка вонзилась в него, воздух с ревом, и даже с криком, вырвался из его груди. Пилка осталась в теле, воздух весь вышел, а вот вновь набрать его в грудь сразу не получилось. Панчинелло хрипел, горло пережало от болевого шока, вот воздух и не мог попасть в легкие.

Я рассчитывал, что он выронит пистолет или хотя бы ослабит хватку, но его пальцы все с той же силой продолжали сжимать рукоятку.

Развернувшись, стараясь уйти с линии огня, Лорри свободной рукой ударила Панчинелло в лицо, ударила второй раз, третий, вкладывая в каждый удар всю силу.

Мы боролись за пистолет. Две моих руки пытались справиться с его одной. Полыхнула дульная вспышка, прогремел выстрел, пуля ударила в тротуар, осколки бетона полетели мне в лицо, в борта микроавтобуса, может, даже в мою драгоценную «Шелби Z».

Я почти выхватил у него пистолет, но ему удалось еще дважды нажать на спусковой крючок. И, несмотря на все то, что сделал мой отец для его отца, он таки всадил в меня две пули.

Глава 21

Если бы ногу мне отрубили топором, боль не могла быть сильнее.

В кино герой получает пулю, но продолжает идти вперед, во имя Бога, страны, ради спасения женщины.

Иногда пуля заставляет его поморщиться, но чаще только разжигает злость и толкает на большие подвиги.

Как я и упоминал раньше, с детства я всегда думал, что во мне есть геройский потенциал, только не было возможности проверить его наличие. Теперь я понял, что мне недостает как минимум одной важной составляющей этого самого потенциала: высокого порога болевой чувствительности.

Крича, я повалился на тротуар, скатился на мостовую, между микроавтобусом и «Шелби Z», канализационная решётка ударила мне по голове, а может, моя голова ударила по канализационной решетке.

Я пришел в ужас при мысли о том, что следующая пуля угодит мне в лицо, и только тут осознал, что пистолет у меня в руках.

Панчинелло, сунув руку между ног, попытался вытащить пилку для ногтей из промежности, но даже прикосновения к пилке хватило, чтобы он взвизгнул от боли, даже более жалостливо, чем свинья, увидевшая нож мясника. В агонии, он опустил на колени, а потом повалился на бок, потянув за собой Лорри.

Мы лежали, крича, Панчинелло и я, словно две девушки, только что нашедшие отрезанную голову в том фильме с Джейми Ли Кертис[35].

Я услышал, как Лорри выкрикивает мое имя и что то насчет времени.

Завеса боли не позволяла распознать, что именно она говорит, вероятно, я уже находился в полузабытии поэтому мне оставалось лишь гадать, а что именно она хотела мне сказать.

«Время не ждет. Время и река, как быстро они текут. Время уносит все».

Но даже в моем состоянии я понял, что она ведет речь не о философских аспектах времени. А когда я уловил нотки нетерпения в ее голосе, то до меня окончательно дошел смысл ее слов: «Время истекает. Бомбы!»

Боль в левой ноге так яростно жгла меня, что я удивлялся, не видя языков пламени, вырывающихся из плоти. Я также чувствовал, как в мясе что-то хрустело — возможно, осколки раздробленной кости. И двинуть ногой я, конечно же, не мог.

С одной стороны, я испытывал дикий ужас, а с другой — усталость, от которой тянуло в сон. Но боль не позволила бы мне заснуть. И постель — асфальт мостовой — была жестковата для полноценного сна. Опять же, от нее шел неприятный запах дегтя.

Я понял, что это смерть зовет меня в вечный сон, и собрал всю силу воли, чтобы воспротивиться ее зову.

Не предпринимая попытки подняться, волоча за собой раненую ногу, как Сизиф тащил камень, я взобрался на бордюрный камень, пополз по тротуару к Лорри.

Лежа на боку, с одной рукой за спиной, Панчинелло оставался прикованным к Лорри. Свободной рукой он все-таки вырвал пилку для ногтей из промежности, и тут же его вырвало, окатило фонтаном собственной блевотины.

Из этого я сделал вывод, что его самочувствие еще хуже, чем мое.

В последние несколько часов, впервые за двадцать прожитых лет, я поверил в реальность Зла. Поверил, что зло — не только необходимый антагонист в фильмах и книгах (плохиши и прочие злодеи и монстры), не только придирки родителей или социальная несправедливость. Нет, в этом мире действительно жило и существовало Зло. Оно очаровывает и завлекает, но не может стать твоим другом и постоянным спутником, если ты сам не приглашаешь его. Да, возможно, Панчинелло воспитывался злым человеком, да, его учили злу, но выбор, как жить, принадлежал ему и только ему.

Моя радость при виде его страданий, возможно, со стороны покажется недостойной, но я не верю, что чувство это можно расценивать как маленькое зло. Тогда (да и теперь тоже) я

воспринимал его как праведную удовлетворенность, вызванную наглядным доказательством того, что зло имеет цену, которую приходится платить тем, кто берет его в друзья, а вот сопротивление злу, пусть и обходится недешево, все-таки стоит меньше.

Вот такие глубокие философские рассуждения вызвал у меня вид блюющего Панчинелло.

Но пусть рвота и могла вызвать у него угрызения совести, ей было не под силу не только остановить, но и замедлить отсчет нескольких оставшихся до взрывов минут. Одна, две, может, чуть больше, и величественные здания, построенные на деньги Корнелия Рутефорда Сноу, превратятся в развалины.

— Дай мне, — Лорри протянула свободную руку.

— Что?

— Пистолет.

Я уже и думать забыл про то, что пистолет по-прежнему у меня.

— Зачем?

— Я не знаю, в каком кармане у него ключ от наручников.

У нас не было времени обыскивать все карманы брюк, рубашки, пиджака. С учетом блевотины, не было и желания.

Я так и не понял, как пистолет может заменить ключ. Боялся, что она ранит себя, поэтому решил не давать ей пистолет.

Но к тому моменту выяснилось, что она уже выхватила его из моей руки.

— Ты ведь его уже взяла, — язык у меня начал заплетаться.

— Лучше отвернись, — предупредила она. — Полетит шрапнель.

— Думаю, шрапнель мне понравится, — я не мог вспомнить значение этого слова.

Она уже возилась с пистолетом.

— Думаю, не так сильно я и ранен, как кажется, — сказал я ей. — Просто очень холодно.

— Это плохо. — В ее голосе слышалась тревога.

— Мне и раньше приходилось мерзнуть, — заверил я ее.

Панчинелло застонал, содрогнулся всем телом, вновь начал блевать.

— Разве мы выпивали? — спросил я.

— Отвернись, — повторила Лорри более резко.

— Не нужно говорить со мной таким тоном. Я тебя люблю.

— Да, мы всегда причиняем боль тем, кого любим. — Она схватила меня за волосы и отвернула лицо от наручников.

— Это грустно. — Естественно, я говорил про боль, которую мы причиняем любимым, а потом обнаружил, что лежу на тротуаре, должно быть, споткнулся и упал. Увалень, что с меня взять.

Гроыхнул выстрел, и я только потом сообразил, что она приставила дуло пистолета к цепочке, которая соединяла наручники, и освободилась от Панчинелло, после того как пуля эту цепочку перерубила.

— Вставай, — торопила она меня. — Пошли, пошли.

— Я буду лежать здесь, пока не протрезвею.

— Ты будешь лежать здесь, пока не умрешь.

— Нет, для этого придется лежать слишком долго.

Она уговаривала меня, ругала, командовала мною, дергала, толкала, и в результате я оказался на ногах, оперся на нее и двинулся вместе с ней сначала в зазор между моей «Шелби Z» и микроавтобусом, потом на улицу, подальше от двorca.

— Как твоя нога?

— Какая нога?

— Сильно болит?

— Мы же оставили ее на тротуаре.

— Ладно, ладно, обопрись на меня. Пошли.

- Мы идем в парк? — Язык мой едва шевелился.
- Совершенно верно.
- Пикник?
- Именно. И мы опаздываем, так что поторапливайся.

Я смотрел мимо Лорри, на шум приближающегося двигателя. Нас осветили фары. Сине-желтые мигалки на крыше указывали, что это или патрульная машина, или летающая тарелка.

Автомобиль остановился, двое мужчин выскочили из кабины в пятнадцати футах от нас. Один спросил: «Что тут происходит?»

— Этот человек ранен, — ответила им Лорри. И прежде чем я успел спросить ее, а кто тут ранен, добавила: — Нам нужна «Скорая помощь».

Копы осторожно двинулись к нам.

— Где стрелявший?

— На тротуаре. Он тоже ранен, и пистолета у него больше нет. — Когда полицейские двинулись к Панчинелло, Лорри крикнула: — Нет. Оставайтесь здесь. Здание сейчас взорвется.

Ее предостережение показалось мне, учитывая мое состояние, загадочным. Не отреагировали на него и копы. Поспешили к Панчинелло, который, лежал, частично освещенный фарами патрульного автомобиля.

Лорри же продолжала тащить меня к парку.

— Слишком холодно для пикника, — пробормотал я. — Слишком холодно.

— Мы разожжем костер. Главное, не останавливайся.

У меня стучали зубы, я начал заикаться:

— А там будет к-к-картофельный салат?

— Да. Сколько душе угодно.

— С-с-с с-с-солеными огурцами?

— Да, совершенно верно, двигайся, двигайся.

— Я ненавижу с-с-соленые огурцы.

— Там будет салат и со свежими.

Еще один бордюрный камень стал почти непреодолимой преградой. Хотелось повалиться на тротуар. Такой мягкий, приглашающий.

— С-с-слишком холодно для пикника и с-с-слиш-ком темно, — изрек я.

Через мгновение стало еще и слишком шумно.

Глава 22

Четыре взрыва, прогремевшие одновременно (во дворце, банке, библиотеке и суде), разогнали туман в моем мозгу. На какие-то моменты ко мне вернулось адекватное восприятие действительности.

Земля дрогнула, ели и сосны в парке закачались, сбрасывая сухие иголки, и, когда четыре здания начали медленно оседать, я вспомнил, что в меня всадили две пули, и мне это совершенно не понравилось.

Боль не вернулась вместе с воспоминаниями, и теперь мне хватило ума понять, что я совершенно не чувствую левую ногу, а это гораздо хуже той боли, которая из ноги растекалась по всему телу. Полное отсутствие чувствительности говорило о том, что вылечить ногу невозможно, она уже мертва, ампутирована, ее просто нет.

Обессиленный, я опустился на землю. Лорри помогла мне прилечь на траву, спиной к стволу клена. Грохот уже прекратился. Все, что могло взрываться, взорвалось, все, что могло рухнуть, рухнуло.

С воспоминаниями о том, как стреляли в меня, пришли воспоминания о трех убийствах, совершенных Панчинелло у меня на глазах. Эти кровавые образы мое воображение нарисовало даже более живыми, чем они были в реальности, возможно, потому, что в момент убийств, скажем, Носача и Кучерявого, меня очень отвлекали мысли о том, как спасти Лорри и самому остаться в живых. Вот я и не анализировал подробности этих отвратительных

убийств из опасения, что ужас меня парализует.

Вот и теперь, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой, я пытался подавить эти воспоминания, но они продолжали мучить меня. Всю мою жизнь я прожил в согласии со своим сознанием и воображением. Но теперь они вдруг начали потчевать меня залитыми кровью картинками.

А когда мне вдруг захотелось, чтобы поскорее вернулся туман, который, как выяснилось, ограждал меня от столь неприятных воспоминаний, он тут же вернулся огромной серой волной, притушив свет фар патрульного автомобиля, окутывая растущие в парке деревья.

Только это — был не туман — пыль.

Мощное облако пыли, поднявшееся над развалинами особняка Корнелия Сноу, накрыло нас. Пыль эта состояла из множества веществ самых различных цветов и запахов. Пластид превратил в пыль и блоки известняка, и кирпичи, и штукатурку.

Облако, которое на расстоянии казалось светлым, принесло с собой темноту, более черную, чем безлунная, беззвездная ночь. Я отлепился от ствола дерева, улегся на правый бок, закрыл глаза, поднял подол рубашки и уткнулся в него ртом и носом, чтобы использовать материю как фильтр и не задохнуться пылью.

Протянул руку, чтобы коснуться левой ноги, убедиться, что она все еще на месте. Рука вернулась липкой от теплой крови.

Как мне показалось, уже через мгновение пыль осела на кровь и образовала корочку на моей ладони.

Поначалу я подумал, что Лорри упала на траву рядом со мной, закрыв лицо руками, чтобы хоть как-то уберечься от удушающей пыли. Потом услышал ее голос над головой и понял, что она осталась на ногах звала на помощь, кашляла, чихала, снова звала:

— Помогите! Помогите! Человек ранен!

Я хотел дотянуться до нее, заставить лечь рядом, но не мог поднять руку. Меня охватила пугающая слабость.

А тут вернулся и успокаивающий туман, застлавший сознание. Тревожась за Лорри, я уже не хотел, чтобы туман этот отрывал меня от реальности, но сопротивляться ему не мог.

Перед мысленным взором замелькали отрывочные образы: потайные двери, освещенные свечами тоннели, мертвые лица, выстрелы в упор, клубки змей, торнадо, клоуны... Скоро я, наверное, впал в полубессознательное состояние и начал грезить, потому что видел себя воздушным гимнастом, шагающим по натянутой под самым куполом цирка проволоке, с шестом в руках, с помощью которого я удерживал равновесие. Медленно и осторожно я приближался к платформе, на которой меня ждала Лорри.

Когда оглянулся, чтобы проверить, сколько уже удалось пройти, увидел преследующего меня Панчинелло Бизо. Он тоже держал в руках балансировочный шест, но с острыми ножами, закрепленными на концах. Он улыбался, уверенный в себе, и шел по проволоке гораздо быстрее меня. А потом сказал: «Я мог бы стать звездой, Джимми Ток. Я мог бы стать звездой».

Иногда сознание возвращалось ко мне, и я понимал, что меня куда-то несут. Несут на носилках. В следующий раз очнулся уже в «Скорой помощи», покачивался на каталке, поскольку машина неслась на полной скорости.

Когда попытался открыть глаза и не смог, сказал себе, что ресницы склеились от слез и пыли. Я знал, что это ложь, но находил ее успокаивающей.

Наконец кто-то произнес: «Ногу нам не спасти».

Я не знал, говорил ли это человек в моем сне или настоящий врач, но я ответил голосом, каким говорил и мультфильме принц-лягушка: «Мне нужны обе ноги. Я — ловец торнадо».

А потом провалился в небытие, где сны были более реальными, чем настоящие сны, а в воздухе пахло вишневым тортом.

Глава 23

Шестью неделями позже Лорри Линн Хикс пришла к нам на обед.

Выглядела она как яблоки по-севильски. Никогда раньше я не уделял самой еде столь мало внимания, как на том обеде.

Свечи, горевшие в красных хрустальных подсвечниках, отбрасывали мягкие тени на шелк стеной обивки, рисовали круги на потолке из красного дерева.

Она сияла куда ярче свечей.

За закуской (краб, запеченный с кунжутом), мой отец сказал:

— Среди моих знакомых нет человека, мать которого разводила бы змей.

— Многие женщины берутся за это, потому что такое занятие кажется им забавным, — ответила Лорри, — но все гораздо сложнее, чем они думают. И со временем большинство прекращает этим заниматься.

— Но ведь это действительно забавно, — вставила моя мать.

— Да, конечно! И змеи куда лучше собак. Не лают, не царапают и не грызут мебель, а в доме уж точно не будет грызунов.

— Опять же, их не нужно выгуливать, — добавила мать.

— Если хочется, то, конечно, можно, но соседи пугаются. Мэдди, краб потрясающий.

— И как можно заработать на жизнь, разводя змей? — спросил отец.

— Мама получает деньги из трех основных источников. Во-первых, она поставляет змей на съемки различных теле- и кинофильмов. Так уж повелось, что практически во всех музыкальных видео используются змеи.

Моя мама улыбнулась.

— То есть она сдает им змей в аренду.

— На несколько часов, на день, на неделю? — любопытствовал мой отец.

— Обычно на день. Даже в фильмах, где змеи играют большую роль, они требуются на четыре, максимум пять дней.

— В наши дни фильмы только выигрывают, если в них снимают змей, — заявила бабушка Ровена. — Возьмите, к примеру, последний фильм Дастина Хоффмана[36].

— Люди, которые сдают змей в аренду на несколько часов, обычно имеют дурную репутацию, — очень серьезно заявила Лорри.

Меня это заинтриговало.

— Не слышал ни об одной компании, сдающей змей в аренду, которая имеет дурную репутацию.

— Они есть, будь уверен, — Лорри скорчила гримаску. — Очень склизкие компании. Могут сдать змею в аренду любому хоть на час, не задавая никаких вопросов.

Отец, мать и я недоуменно переглянулись, но бабушка Ровена знала, о чем речь:

— Для эротических целей.

— Ага, — отреагировал отец.

— Какая мерзость, — прокомментировала мать.

— Бабушка, иногда ты меня удивляешь, — признался я.

Лорри посчитала нужным внести ясность:

— Моя мать никогда не сдает змей в аренду индивидуумам.

— Когда я была ребенком, маленького Неда Ярнеда, соседского мальчишку, укусила гремучая змея, — вспомнила бабушка Ровена.

— Дикая змея или арендованная? — спросил отец.

— Дикая. Маленький Нед не умер, но у него началась гангрена. Ему сначала ампутировали большой и указательный пальцы, а потом всю кисть, до запястья.

— Джимми, дорогой, — мама повернулась ко мне, — я так рада, что тебе не пришлось отрезать ногу.

— Я тоже.

Отец поднял стакан с вином.

— Давайте выпьем за то, что наш Джимми не стал калекой.

После тоста бабушка Ровена добавила:

— Когда Маленький Нед вырос, он стал единственным одноруким олимпийским чемпионом по стрельбе из лука.

— Быть такого не может, — не поверила ей Лорри.

— Дорогая девочка, — ответила ей бабушка Ровена, — если ты думаешь, что в стрельбе из лука было много одноруких олимпийских чемпионов, тогда ты не очень хорошо разбираешься в спорте.

— Разумеется, золотую медаль он не выиграл, — уточнил отец.

— Да, медаль он получил серебряную, — признала бабушка. — Но наверняка выиграл бы «золото», будь у него оба глаза.

Лорри даже положила вилку на стол.

— Он был циклопом?

— Нет, — покачала головой моя мама, — у него было два глаза. Просто один не видел.

— Но ведь в стрельбе из лука очень важно трехмерное восприятие.

Явно гордясь другом детства, бабушка Ровена ответила:

— У Маленького Неда было кое-что получше трехмерного восприятия. Храбрость. Никто и ничто не могло остановить Маленького Неда.

Вновь взявшись за вилку, отправив в рот и проглотив последний кусочек краба, Лорри сказала:

— Хотелось бы знать, неужто Маленький Нед был еще и карликом?

— Такая странная, но в чем-то привлекательная идея, — откликнулась моя мама.

— А по моему разумению, только странная, — не согласилась с ней бабушка Ровена. — Когда Маленькому Неду исполнилось одиннадцать лет, он уже вымахал под шесть футов, а потом подрос еще на четыре дюйма, стал таким же здоровяком, как наш Джимми.

Что бы там ни думала моя бабушка, я на несколько дюймов ниже Маленького Неда. И вешу, скорее всего, значительно меньше, чем он, если, конечно, не сравнивать вес кисти. В этом у меня безусловное преимущество.

А если сравнивать вес двух моих ног, то левая весит больше правой, за счет двух металлических пластин с многочисленными винтами, которые теперь удерживают части бедренной кости, да еще одной стальной пластины на большой берцовой кости. С ногой также поработали специалисты сосудистой хирургии, но они не добавили ей ни унции веса.

К обеду, а он имел место быть в начале ноября, дренажные трубки уже убрали, отчего пахнуть я стал куда как лучше, но фибергласовый «гипс» еще оставался. Так что сидел я во главе стола, выставив ногу вбок, словно собирался пнуть бабушку Ровену.

Бабушка тоже доела краба, чмокнула губами, полагая, что любой в ее возрасте имеет на это полное право, и вернула разговор к матери Лорри:

— Ты говорила, что благодаря змеям у твоей матери три основных источника дохода.

Лорри промокнула восхитительно полные губы салфеткой.

— Она также доит гремучих змей.

— Да какой супермаркет будет продавать такой продукт?! — в ужасе воскликнул мой отец.

— Одно время с нами жила очень милая молочная змея, — сообщила Лорри моя мать. — Точнее, змей. Его звали Эрл, но я всегда думала, что кличка Бернард подошла бы ему гораздо больше.

— А я бы назвала его Ральфом, — высказала свое мнение бабушка Ровена.

— Эрл был самцом, — продолжила мама, — во всяком случае, мы так думали. А окажись он самкой, доили бы мы его? В конце концов, если корову не доить, для нее все заканчивается ужасно.

Вечер начался превосходно. Мое участие в разговоре не требовалось.

Я посмотрел на папу. Он мне улыбнулся. Я видел, что ему все это очень даже нравится.

— В действительности у молочной змеи нет молока, как и у гремучей, — объяснила Лорри. — Моя мать берет у них яд. Хватает змею за голову и массирует железы, которые этот яд вырабатывают. Яд проходит по зубам, которые у гремучих змей похожи на иглу для

шприца, и попадает в пробирку, где и накапливается.

Поскольку папа полагает столовую храмом, он редко ставит локти на стол. А тут поставил и положил под бородок на руку, словно приготовился слушать долгую историю.

— Так у вашей матери змеиное ранчо.

— Ранчо — это уже чересчур, Руди. Просто ферма А скорее огород, где выращивается только одна культура.

Бабушка удовлетворенно рыгнула, после чего спросила:

— А кому она продает яд? Убийцам... или этим пигмеям с духовыми трубками?

— Фармакологическим компаниям, которым нужен змеиный яд при производстве противоядий. И некоторых других лекарств.

— Вы упомянули про третий источник дохода, — напомнил Лорри мой отец.

— Моя мама еще и заклинатель змей, — в голосе Лорри слышалась искренняя любовь к матери. — Выступает с ними на вечеринках. Это потрясающее зрелище.

— Да кому захочется его смотреть? — удивился отец.

— Кому не захочется? — возразила мать, должно быть подумав о вечеринке по поводу очередной годовщины их свадьбы и дне рождения бабушки Ровены.

— Именно, — кивнула Лорри. — Куда ее только не приглашают! Корпоративные вечеринки, рождественские, бар-мицвы, как-то она выступала перед членами Ассоциации американских библиотекарей.

Мама и папа убрали тарелки для закуски. Подали куриный суп с кукурузой.

— Мне нравится кукуруза, — сказала бабушка Ровена, — но от нее у меня пучит живот и отходят газы. Раньше меня это тревожило, но теперь я могу ни о чем не волноваться. Привилегия преклонных лет.

Папа произнес очередной тост, подняв не стакан вина, а первую ложку супа.

— Будем надеяться, что на суде этот негодяй не сорвется с крючка. Будем надеяться, что его отправят на электрический стул.

Под негодяем, разумеется, понимался Панчинелло Бизо. На следующее утро назначили предварительные слушания, чтобы вынести окончательный вердикт о его психическом состоянии и решить, может ли он предстать перед судом или его следует сразу отправить в психиатрическую лечебницу.

Он убил Лайонела Дейвиса, Носача, Кучерявого и Байрона Меткалфа, председателя общества охраны исторических памятников, которого еще и пытал, чтобы получить информацию о доступе в тоннели под городской площадью.

Кроме того, при взрывах погибли два уборщика, которые работали в здании суда, и бездомный алкоголик, рывшийся в поисках сокровищ в мусорном контейнере за библиотекой. Погибла также и Марта Фей Джитер, пожилая вдова, квартира которой находилась в соседнем со зданием суда доме.

Восемь человеческих жизней — это много, однако, учитывая масштаб разрушений, следовало ожидать, что счет жертвам пойдет на десятки. Но обошлось, прежде всего потому, что эпицентры взрывов находились на два этажа ниже уровня земли, да и часть ударной волны ушла в подземные тоннели. Библиотека, дворец и банк, по существу, провалились вниз, в подвалы, словно их уничтожение организовал опытный подрывник, специалист по разрушению ветхих зданий, призванный следить за тем, чтобы не пострадали другие здания не идущие на снос.

Здание суда по большей части тоже провалилось в подвал, но колокольня упала на соседний дом, оборвав жизнь вдовы Джитер.

Вместе с ней погибли и две ее кошки. Для некоторых жителей Сноу-Виллидж их смерть стала куда большей потерей по сравнению с унесенными человеческими жизнями или разрушением архитектурных памятников.

Панчинелло выразил сожаление по поводу того, что погибло так мало людей. Он сказал полиции, что, будь у него вторая попытка, он добавил бы к пластику напалм, чтобы поднять огненную бурю, которая уничтожила бы соседние кварталы.

Часть улиц и парка провалилась в секретные подземные тоннели Корнелия Сноу. Один из таких провалов поглотил и мой прекрасный черный спортивный автомобиль с желтыми полосами на бортах.

Помните, я говорил, что мне еще не довелось встретить молодую женщину, которую я смог бы полюбить так же сильно, как «Дайтону Шелби Z», сошедшую с конвейера семью годами раньше? Странное дело, я совершенно не скорбел о потере автомобиля, ни минуты.

Хотя Лорри прекрасно смотрелась бы в «Шелби», ей бы еще больше подошел «Понтиак транс ам» модели 1986 года, не черный, а красный или серебристый, под цвет ее бурлящей души. Или кабриолет «Камаро IROC-Z», модели «Шевроле» 1988 года.

Возникшую передо мной проблему мог понять любой молодой пекарь, которому доверяли выпечку только хлеба и пирожков и платили соответственно. В мире хватало мужчин, которые, только взглянув на Лорри, ежедневно покупали бы ей по «Роллс-Ройсу». И далеко не все эти мужчины выглядели как тролли.

— Будем, — согласился я.

— Ты же не думаешь, что они отправят этого негодяя в какую-нибудь психиатрическую лечебницу и таким образом позволят уйти от заслуженного наказания? — спросил отец.

— Он сам этого не хочет, — ответил я. — По его словам, он точно знал, что делает. Хотел отомстить.

— По-своему, он сумасшедший, — вынесла свой вердикт Лорри. — Но он не хуже меня понимает, что правильно, а что — нет. Руди, суп фантастический, пусть от него и пучит живот.

Бабушка Ровена тут же нашлась что сказать:

— Гектор Санчес, который жил около Брайт-Фоллс, умер, потому что перднул.

Мой отец, конечно же, ее утверждению не поверил:

— Ровена, быть такого не может.

— Гектор работал на фабрике, где изготавливали масло для волос, — принялась вспоминать бабушка. — Волосы у него были прекрасные, а вот здравого смысла явно не хватало. Случилось это пятьдесят шесть лет тому назад, в тридцать восьмом, перед войной.

— Даже тогда такого быть не могло, — упорствовал отец.

— Ты тогда еще не родился, Мэдди тоже, поэтому не вам говорить мне, что подобное невозможно. Я все видела собственными глазами.

— Ты никогда об этом не рассказывала. — Отец подозревал, что история только-только выдумана, но пока не хотел напрямую обвинять бабушку. — Джимми, она когда-нибудь об этом рассказывала?

— Нет, — согласился я с отцом. — Помнится, бабушка рассказывала нам о Гарри Рамиресе, который обварился до смерти, но не о Гекторе Санчесе.

— Мэдди, ты помнишь, что слышала эту историю?

— Нет, дорогой, — признала моя мать, — но что это доказывает? Я уверена, она только сейчас выплыла из глубин памяти мамы.

— Если бы я увидел, как человек умер, потому что перднул, то не забыл бы этого до конца своих дней. — Отец повернулся к Лорри: — Извините, обычно за столом мы столь неаппетитные темы не затрагиваем.

— Вы не узнаете, что такое неаппетитная тема, пока не съедите купленные в супермаркете равиоли, слушая истории о змеиных стоматитах и запахе торнадо, который вобрал в себя содержимое станции переработки канализационных стоков, — откликнулась Лорри.

Бабушка Ровена перехватила инициативу:

— История о Гекторе Санчесе никогда не уходила у меня из памяти. Но только сегодня разговор так естественно коснулся этой темы.

— И чем занимался Гектор на фабрике, изготавливавшей масло для волос? — спросила моя мама.

— Если он, перднув, взорвался пятьдесят шесть лет тому назад, какая разница, что он

делал на этой фабрике? — резонно указал отец.

— Я уверена, для его семьи разница была, — твердо заявила бабушка Ровена. — Потому что за эту работу он получал деньги, на которые приобретались еда и все остальное. И потом, он не взорвался, перднув. Такое невозможно.

— Дело закрыто! — торжествующе воскликнул отец.

— Мне исполнился двадцать один год, и мой муж, Сэм, впервые взял меня с собой в таверну. Мы сидели в кабинке. А Гектор устроился на высоком стуле у стойки. Я заказала «Розовую белочку». Тебе нравятся «Розовые белочки», Лорри?

Лорри ответила, что да, а отец недовольно пробурчал:

— Ты просто сводишь меня с ума. Я уже вижу розовых белочек, бегающих по потолку.

— Гектор пил пиво с ломтиками лайма, сидя через стул от этого культуриста. Бицепсы у него были словно окорока, а от татуировок бросало в дрожь. Наименее агрессивным смотрелся скалящийся бульдог на левой руке.

— Ты про Гектора или про культуриста? — спросила моя мать.

— У Гектора татуировок не было, во всяком случае, на тех частях тела, которые не скрывала одежда. Но у него была ручная обезьянка, Панчо.

— Панчо тоже пил пиво? — уточнила мать.

— В таверну Гектор Панчо с собой не взял.

— И где была обезьянка?

— Дома, с семьей. Панчо не любил шум питейных заведений. Предпочитал семейный уют.

Мама похлопала папу по плечу:

— Такая обезьянка мне бы понравилась.

— И вот Гектор, сидя на высоком стуле у стойки, пускает большого «голубка»...

— Наконец-то, — вставил отец.

— ...и культурист выражает недовольство запахом. Гектор посылает его, вы понимаете куда, а...

— Этот Гектор был верзилой? — спросила Лорри.

— Пять футов семь дюймов роста, весил фунтов сто тридцать.

— Обезьянка могла бы достойно его заменить, — прокомментировала Лорри.

— Так этот культурист дважды бьет его в корпус, потом хватает за волосы и трижды прикладывает мордой об стойку. Гектор падает со стула, мертвый. А культурист заказывает еще стаканчик виски и просит добавить два желтка, чтобы повысить содержание протеина.

Мой отец широко улыбнулся.

— Так я был прав. Он умер не потому, что перднул. Его убил пьяный культурист.

— Если бы он не перднул, его бы не убили, — стояла на своем бабушка.

Доев суп, Лорри спросила:

— А как обварился Рамирес?

За супом последовало главное блюдо: жареная курица, фаршированная грецкими орехами и черносливом, полента[37] и зеленый горошек, а потом — салат из сельдерея.

Уже после полуночи отец прикатил из кухни тележку с десертами. Поначалу Лорри не могла выбрать между тортом с мандариновым кремом и гонуэзским тортом и взяла по кусочку и того, и другого. А потом стала брать с тележки все подряд, благо десертов хватало.

Расправившись с очередным пирожным, Лорри вдруг осознала, что за столом царит мертвая тишина. Когда подняла голову, увидела, что все, улыбаясь, смотрят на нее.

— Восхитительно, — сказала она.

Мы продолжали улыбаться.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — ответила моя мать. — Просто такое ощущение, что ты всегда сидела за этим столом.

Лорри отбыла в час ночи, слишком рано для семьи Ток, но поздно для нее. В девять утра ей предстояло учить танцам двух злых венгров.

Сердитые венгры — та еще история. Но я поберегу их для другой книги, если проживу достаточно долго, чтобы написать ее.

У входной двери (я добрался до нее на ходунках) Лорри поцеловала меня. И поцелуй этот стал бы идеальным завершением вечера... да только поцеловала она меня в щеку, и вся семья стояла в двух футах, наблюдая и улыбаясь, а бабушка еще и чмокала губами.

Потом она поцеловала мою бабушку, мать и отца, то есть ничем не выделив меня.

Правда, снова вернулась ко мне, еще раз поцеловала в щеку, отчего настроение у меня несколько улучшилось.

Когда Лорри унеслась из нашего дома на улицу, у меня возникло ощущение, что она забрала с собой большую часть кислорода, потому что в ее отсутствие у меня поначалу возникли проблемы с дыханием.

Отец в этот день ушел на работу позже обычного. Хотел проводить Лорри.

Когда уходил, сказал:

— Сынок, ни один уважающий себя пекарь не упустит такую девушку.

Пока мама и бабушка убрали со стола и загружали две посудомоечные машины, я сидел в кресле в гостиной, прижав затылком вышитого на чехле паука. Блаженствовал, с полным желудком и положив ногу на пуфик.

Попытался почитать детективный роман, один из пяти или шести, объединенных главным героем — детективом, страдающим нейрофиброматозом — болезнью, которую сделал знаменитой Человек-слон[38]. Ведя расследование, детектив мотался из одного конца Сан-Франциско в другой, всегда в капюшоне, который скрывал деформированные черты лица. Но я никак не мог «въехать» в сюжет.

Покончив с уборкой, бабушка устроилась на диване, принялась за вышивание. На этот раз решила запечатлеть на наволочке сороконожку.

Мама села за мольберт в своей нише и работала над портретом колли. Хозяин собаки хотел видеть ее в клетчатом шарфе на шее и в ковбойской шляпе.

С учетом особенностей моей жизни и под влиянием отменного обеда я, конечно же, задумался об эксцентричности. Если судить о членах семьи Ток по тому, что я о них написал, все они люди странные, необычные. Так оно и есть. И это одна из причин, по которым я всех их люблю.

Каждая семья эксцентрична по-своему, да и каждый человек тоже. Как и у членов семьи Ток, у всех есть свои странности.

Эксцентричность — это отклонение от ординарности, от того, что считается нормальным. В обществе посредством консенсуса мы договариваемся о том, что нормально, а что — нет, но этот консенсус — широкая река, а не узкая струна, по которой высоко над ареной идет канатоходец.

Но и при таком консенсусе, нормальной, во всех смыслах ординарной жизнью не живет никто. Мы, в конце концов, человеческие существа, каждый из нас уникален, таких отличий от себе подобных у других видов живности нет.

У нас есть инстинкты, но они нами не правят. Мы ощущаем притяжение толпы, у нас имеется стадное чувство, но мы сопротивляемся его воздействию... а когда сопротивление наше падает, мы тянем общество вниз, в кровавую трясины утопий, ведомые Гитлером, или Лениным, или Мао Цзэдуном. И результат нашего непротивления напоминает о том, что Бог дал нам индивидуальность, а отказ от нее ведет к катастрофе.

Переставая видеть в себе странности и смеяться над ними, мы становимся монстрами эгоцентризма. Каждая семья столь же эксцентрична, как и моя, но по-своему. Я это гарантирую. Признайте эту истину, и вы откроете сердце человечности.

Почитайте Диккенса. Он это знал.

Члены моей семьи хотят быть такими, какие они есть, не кем-то еще. Нет у них желания в чем-либо меняться, чтобы произвести впечатление на других.

Они находят смысл в вере как друг в друга, так и в маленькие чудеса повседневной жизни. Им не нужны идеологии или философские системы для того, чтобы определить, кто

же они такие. Для этого им достаточно жить, задействовав все органы чувств, надеяться и, при первой возможности, смеяться.

Практически с того самого момента, как я встретился с Лорри Линн Хикс в библиотеке, я понял: ей известно все, что знал Диккенс, независимо от того, читала она его книги или нет. Ее красота определялась не столько внешностью, как тем простым фактом, что она не автомат Фрейда и ни при каких обстоятельствах им не станет. Она не была ничьей жертвой, ее поступки мотивировались не тем, что другие ей сделали, не завистью, не убежденностью в собственном моральном превосходстве. Мотив у нее был только один: возможности, которые предоставляла ей жизнь.

Я отложил роман вместе с его главным героем, детективом, напоминающим Человека-слона, с кресла перебрался в ходунки. Их колесики мерно поскрипывали.

На кухне я закрыл за собой дверь и направился к телефонному аппарату на стене.

Какое-то время постоял, вытирая о рубашку мокрые от пота ладони. Дрожа всем телом. Никогда в жизни я так не нервничал, даже под дулом пистолета Панчинелло.

Меня охватила нерешительность альпиниста, который хочет покорить высочайшую вершину в рекордное время, знает, что навыки, мастерство и снаряжение позволят ему реализовать свою мечту, но боится, что природа и судьба могут ему в этом помешать. Но с другой стороны, не может он и отступить.

За эти шесть недель после ночи клоунов мы часто беседовали по телефону. Ее номер я давно уже выучил.

Набрал три цифры, повесил трубку.

Во рту у меня пересохло. Я добрался до буфета, достал стакан, взял курс на раковину. Налил себе холодной воды, пропустив ее через фильтр.

Потяжелев на восемь унций, но все равно с сухим ртом, вернулся к телефонному аппарату.

Набрал пять цифр, повесил трубку.

Не доверял своему голосу. Проверил его в деле:

— Привет, это Джимми.

Я и сам перестал называть себя Джеймсом. Когда понимаешь, что столкнулся с фундаментальным законом природы, оптимальный вариант — не пытаться его опровергнуть.

— Привет, это Джимми. Извини, если разбудил.

Голос дрожал и повысился как минимум на две октавы. Таким голосом я говорил лет в тринадцать.

Я откашлялся, предпринял еще одну попытку. Теперь мог сойти за пятнадцатилетнего.

Набрав шесть цифр, я уже поднял руку с трубкой, чтобы повесить ее. Затем в отчаянии нажал на кнопку с седьмой цифрой.

Лорри ответила на первом звонке, словно сидела у телефона.

— Привет, это Джимми. Извини, если разбудил.

— Я только пятнадцать минут как зашла. Еще не ложилась.

— Сегодня я так хорошо провел время.

— Я тоже. Просто влюбилась в твою семью.

— Послушай, такое не делают по телефону, но я не смогу заснуть, если не сделаю. Буду лежать без сна, волнуясь, что мое время истечет и я не использую свой шанс покорить вершину.

— Хорошо, — ответила она, — но если ты и дальше будешь говорить так же загадочно, я лучше буду все записывать, с надеждой в конце концов разобраться, о чем ты толкуешь. Продолжай, я уже взяла ручку и бумагу.

— Прежде всего, хочу сказать, что смотреть на меня особой радости нет.

— Кто так говорит?

— Зеркало, зеркало. И я — увалень.

— Все это лишь слова, а слова, как тебе известно, зачастую расходятся с действительностью.

— Я не смогу танцевать, пока с моей ноги не снимут пластины, которые соединяют обломки кости. Так что по части грациозности я могу конкурировать с чудовищем Франкенштейна.

— Тебе просто требуется хороший инструктор. Однажды я научила танцевать слепую пару.

— И потом, я пекарь, возможно, со временем получу должность шеф-кондитера, а это означает, что миллионером мне не стать никогда.

— Ты хочешь стать миллионером? — спросила она.

— Скорее нет, чем да. Все время буду волноваться о том, как бы не потерять деньги. Наверное, человеку необходимо стремление стать миллионером. Некоторые говорят, что мне для этого не хватает честолюбия.

— Кто?

— Что?

— Кто говорит, что тебе не хватает честолюбия?

— Наверное, все. И потом, я не люблю путешествовать. Большинство людей хотят повидать мир, а я — домосед. Думаю, что весь мир можно увидеть на одной квадратной миле, если знать, куда смотреть. Я никогда не поеду на поиски приключений в Китай или в Республику Тонга.

— Где находится Республика Тонга?

— Понятия не имею. Я никогда не увижу Республику Тонга. И, скорее всего, не побываю в Париже или Лондоне. Некоторые скажут, как это трагично.

— Кто?

Я же продолжал выкладывать собственные недостатки:

— Я совершенно лишен воображения.

— Насчет «совершенно» согласиться не могу.

— Некоторые так говорят.

— Опять ты про них.

— Про кого? — спросил я.

— Про некоторых.

— Мы живем на одном из самых знаменитых горнолыжных курортов страны, а я не катаюсь на лыжах. И никогда не хотел научиться.

— Это преступление?

— Говорит о недостатке авантюристичности.

— Некоторым авантюристичность абсолютно необходима.

— Только не мне. Все ходят в походы, бегают марафоны, качают мышцы. Это не мое. Я люблю книги, долгие обеды под хороший разговор, долгие прогулки, и тоже под разговор. Нельзя разговаривать, мчась по горному склону со скоростью пятьдесят миль в час. Нельзя разговаривать, если бежишь марафон. Некоторые считают, что я слишком много говорю.

— Они очень самоуверенны, не так ли?

— Кто?

— Некоторые. Тебя волнует, что думают о тебе другие люди, не члены твоей семьи?

— Пожалуй, что нет. И это странно, ты согласна? Я хочу сказать, только маньякам-социопатам наплевать, что думает о них кто-то еще.

— Ты полагаешь себя маньяком-социопатом? — спросила она.

— Похоже, могу им стать.

— Не думаю, что сможешь, — не согласилась она.

— Ты, наверное, права. Хороший маньяк-социопат должен иметь авантюрную жилку. Любить опасность, идти на риск, а во мне ничего этого нет. Я — зануда.

— И за этим ты мне и позвонил? Чтобы сказать, что ты зануда, болтун и неудавшийся социопат?

— Нет, это все преамбула.

— К чему?

— К тому, о чем мне не следовало спрашивать тебя по телефону, о чем следует спрашивать при встрече, глаза в глаза, о чем я, возможно, спрашиваю слишком рано, но я, так уж вышло, убедил себя в том, что должен спросить именно сегодня. Иначе поднимется ветер, начнется буря, я потеряю возможность покорить вершину... а теперь мой вопрос... Лорри Линн Хикс, ты пойдешь за меня? Станешь моей женой?

Я подумал, что ее молчание свидетельствует об изумлении, потом подумал, что все гораздо хуже, и наконец услышал:

— Я люблю кого-то другого.

Часть 3

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭТОТ МИР, ЭННИ ТОК

Глава 24

События 15 сентября 1994 года (в этот день превратилась в руины немалая часть городской площади) заставили меня со всей серьезностью отнестись к предсказаниям дедушки Джозефа. 4

Я пережил первый из моих пяти ужасных дней. Но выживание далось дорогой ценой.

Когда тебе чуть больше двадцати, нога у тебя набита металлом и ты иной раз прихрамываешь, все это может выглядеть даже романтично, если ты таскаешь в себе шрапнель, которая попала в тебя, когда ты служил в морской пехоте. А вот тем, что тебя подстрелили, когда ты пытался отнять пистолет у клоуна, особо не погордишься.

Даже если речь идет о клоуне-неудачнике и грабителе банков, человек этот все равно остается клоуном, так что ничего героического в твоём поступке не найдут. И мечтать об этом — абсурд.

Люди будут говорить: «Так ты, значит, отнял у него пистолет, но ему удалось сохранить бутылку с сельтерской?»

На протяжении восьми или десяти месяцев мы много размышляли над тем, как нам провести второй день из пяти, указанных в списке дедушки Джозефа, который отделяло от первого чуть больше трех лет: понедельник, 19 января 1998 года.

Что касается лично меня, так я купил пистолет калибра 9 мм. Я не питаю любви к оружию, но уж больно не хотелось и в этот день остаться совершенно беззащитным.

Я не хотел, чтобы мои ближайшие родственники подверглись угрозе, пытаюсь связать свои судьбы с моей. Тем не менее мама, папа и бабушка настаивали на том, что проведут со мной все двадцать четыре часа очередного ужасного дня.

Их главный аргумент сводился к тому, что Панчинелло Бизо не смог бы взять меня в заложники в библиотеке, если бы ему пришлось вместе со мной брать в заложники и их троих. Они полагали, что толпа обеспечила бы мне безопасность.

Я придерживался иного мнения: он бы просто пристрелил их всех, а меня все равно оставил бы в заложниках.

Контраргумент они приводили крайне слабый, но им всегда казалось, что он позволял им выиграть дебаты: «Ерунда! Чепуха! Чушь! Быть такого не может! Бред! Галиматья!»

В принципе, спорить с моей семьей бесполезно. Они — что могучая Миссисипи. Ты можешь только плыть по течению, пока в конце концов не окажешься в дельте. А уж там будешь дрейфовать, наслаждаясь солнечным светом и неторопливым движением воды.

За многими обедами, запивая их бесчисленным количеством чашечек кофе, мы обсуждали, стоит ли нам всем остаться под охраной четырех стен нашего дома, запереться на все замки и защищать родовое гнездо от всех клоунов и прочих агентов хаоса, которые могут появиться на пороге.

Мама полагала, что мы должны провести этот день в публичном месте, в окружении большого количества людей. Поскольку в Сноу-Виллидж толпа собиралась лишь в редкие дни и на короткое время, она предложила отправиться в Лас-Вегас и все двадцать четыре часа пробыть в одном из казино.

Папа предпочитал разбить лагерь посреди огромного поля, чтобы никто не смог приблизиться к нам незамеченным.

Бабушка предупреждала о падающих с неба метеоритах. Они могли размазать нас по земле и в чистом поле, и в собственном доме, и в Лас-Вегасе.

— В Лас-Вегасе ничего такого не случится, — настаивала мама, черпая убежденность в собственной правоте из кружки с кофе размером в половину ее головы. — Помните, там по-прежнему правит мафия. А значит, ситуация под контролем.

— Мафия! — воскликнул отец. — Мэдди, мафия не может контролировать метеориты!

— Я уверена, что они могут, — ответила моя мать. — Они очень решительные, безжалостные, умные ребята.

— Безусловно, — согласилась бабушка. — Я прочитала в одном журнале, что две тысячи лет тому назад на Сицилии приземлился космический корабль. Инопланетяне переспали с тамошними женщинами, вот почему сицилийцы такие крутые.

— И в каком глупом журнале ты об этом прочитала? — спросил отец.

— В «Ньюсуик», — ответила бабушка.

— Никогда не поверю, что «Ньюсуик» мог опубликовать такую чушь.

— Однако опубликовал, — заверила его бабушка.

— Ты прочитала об этом в одном из этих безумных таблоидов.

— В «Ньюсуик».

Слушая их спор, я с улыбкой дрейфовал в дельте.

Проходили дни, недели, месяцы, и всем не оставалось ничего другого, как признать очевидное: попытки изменить судьбу ни к чему не приведут.

Ситуация осложнялась тем, что мы забеременели.

Да, я понимаю, некоторые найдут странным, что мужчина говорит «мы», учитывая, что он разделяет наслаждение зачатия и родительскую радость, но счастливо избавлен от необходимости терпеть боль между первым и вторым. Прошлой весной моя жена — ось моей жизни — радостно объявила всей семье: «Мы беременны». После того как Лорри использовала множественное местоимение, я счел излишним менять его на личное.

Поскольку мы могли определить дату зачатия, наш семейный доктор назвал нам те сорок восемь часов, в течение которых вероятность рождения ребенка была максимальной: 18 или 19 января.

Мы сразу же решили, что наш первенец войдет в мир в тот самый день, о котором мой дед давным-давно предупредил отца: в понедельник, девятнадцатого.

Ставки внезапно поднялись так высоко, что мы захотели выйти из игры. Однако, когда играешь в покер с дьяволом, никто не встает из-за стола прежде, чем он.

И пусть мы все старались этого не показывать, мы так перепугались, что нам не требовалось слабительное. И по мере того, как время приближало нас ко встрече с неведомым, надежда и сила, которые мы с Лорри черпали в семье, обретали все большую важность.

Глава 25

Моя любимая жена может подшутить надо мной, сказав: «Я люблю кого-то другого», а потому и я подшутил над вами.

Помните: я учился рассказывать истории в семье, где ценят как само повествование, так и магический реализм жизни. Я знаю, как это делается. В чем-то могу показать себя увальнем, но, повествуя о своей жизни, постараюсь сделать все, чтобы не угодить головой в ведро, а когда дело дойдет до номера «Мышь в штанах», будьте уверены, я не провалюсь, зрители улюлюкать не станут.

Другими словами, не отвлекайтесь. Трагическое, при ближайшем рассмотрении, может оказаться комическим, а от комического на глазах могут навернуться слезы. Все как в жизни.

Итак, вернемся к той ноябрьской ночи 1994 года, когда я стоял на кухне родительского дома, привалившись к столу, чтобы уменьшить нагрузку на больную ногу, и объяснял Лорри, что смотреть на меня особой радости нет, что я болтливый зануда, лишенный авантюрной жилки. Я надеялся, что она тут же согласится стать моей женой. А она сказала: «Я люблю кого-то другого».

Я мог бы пожелать ей счастья и повесить трубку. Мог бы на скрипящих ходунках покинуть кухню, подняться к себе, найти убежище в кровати и задушить себя подушкой.

Сие означало, что я больше не увижу ее ни в этой жизни, ни в последующей, а на такое я пойти никак не мог.

Опять же, я еще не съел достаточного количества пирожных, чтобы соглашаться поменять этот мир на другой, в котором существование сахара теологами еще не доказано.

Стараясь изгнать дрожь из голоса, дабы показать, что я могу держать удар и нет у меня мыслей о самоубийстве, я переспросил:

— Кого-то другого?

— Он — пекарь, — ответила она. — Странно... не так ли?

Сноу-Виллидж значительно меньше Нью-Йорка. Если она любит другого пекаря, я его, конечно же, знал.

— Я наверняка с ним знаком.

— Безусловно. Он очень талантливый. Создает на кухне райские творения. Он — лучший.

Я не мог одновременно потерять любовь всей моей жизни и положенное мне по праву место в иерархии пекарей округа Сноу.

— Я уверен, он хороший парень, но в здешних местах все знают: после моего отца лучший пекарь — я, и разрыв между нами быстро сокращается.

— Так это он и есть.

— Кто?

— Тот, кого я люблю.

— Он сейчас рядом? Передай ему трубку!

— Зачем?

— Хочу выяснить, что он знает о приготовлении *pate sablee*[39].

— Это еще что? :

— Если он такой классный специалист, то должен знать. Послушай, Лорри, в мире полным-полно парней, которые заявляют, что могут быть пекарями при королевском дворе, но все они болтуны. Сейчас я выведу его на чистую воду. Передай ему трубку.

— Трубка уже у него. Этот странный другой Джимми, который принижал себя, говоря, какой он недалекий, туповатый, скучный, недостойный... надеюсь, он ушел навсегда.

— Ох!

— Мой Джимми не хвастун, — продолжала она, — но он знает себе цену. И мой Джимми никогда не остановится, пока не добьется того, чего хочет.

— Так ты выйдешь замуж за своего Джимми? — теперь дрожь в голосе меня уже несколько не волновала.

— Ты спас мне жизнь, не так ли?

— Но потом ты спасла меня.

— Разве мы можем не пожениться, положив столько сил на спасение друг друга? — спросила она.

Мы обвенчались за две недели до Рождества.

Мой отец был моим шафером.

Шилсон Строуберри прилетела с прыгательного тура из Новой Зеландии, чтобы быть подружкой невесты. Глядя на нее, я бы никогда не сказал, что она разбила лицо об устой моста.

Отец Лорри, Бейли, оторвался от погони за ураганами, чтобы передать дочь законному мужу. По прибытии выглядел он растрепанным, таким же смотрелся во взятом напрокат смокинге и уезжал растрепанным, в полном соответствии с выбранной профессией: попробуй не быть растрепанным, постоянно имея дело с сильным ветром.

Элайза Хикс, мать Лорри, красивая и обаятельная женщина, несколько разочаровала нас, потому что приехала без единой змеи.

За три последующих после нашей свадьбы года я стал шеф-кондитером по пирожным.

Лорри из инструктора бальных танцев переквалифицировалась в дизайнера веб-сайтов, чтобы работать в те же часы, что и пекари.

Мы купили дом. Средненький по всем меркам. Два этажа, две спальни, две ванны. Вполне достаточный для начала совместной жизни.

Мы простужались. Выздоровливали. Строили планы. Занимались любовью. У нас возникла проблема с енотами. Мы частенько играли в карты с мамой и папой.

И мы забеременели.

В полдень 12 января, в понедельник, Лорри проснулась после трех часов сна от болей в нижней части живота. Какое-то время полежала, считая схватки. Нерегулярные и редкие.

Поскольку оставалась ровно неделя до наиболее вероятной даты родов, она предположила, что у нее ложные роды.

То же самое случилось с ней и тремя днями раньше. Тогда мы поехали в больницу... и вернулись домой, по-прежнему с ребенком в ее чреве.

Схватки были достаточно болезненными, чтобы помешать ей снова заснуть. Осторожно, чтобы не разбудить меня, она выскользнула из кровати, приняла ванну, оделась, спустилась на кухню.

Проголодалась, несмотря на периодические боли в нижней части живота. Сев за кухонный стол, читая рекомендованный мною детектив, съела кусок шоколадно-вишневого торта, потом два куска kugelhopf[40]. В последующие несколько часов схватки не стали более болезненными или регулярными.

За окнами белые облака затеняли небо. Снег неторопливо падал на деревья, двор.

Поначалу Лорри не обратила особого внимания на снег. В обычном январе он идет чуть ли не каждый день.

Я проснулся в начале пятого, принял душ, побрился, спустился на кухню, когда день уступал место ранним зимним сумеркам.

Все еще за столом, дочитывая последнюю главу детектива, Лорри ответила на мой поцелуй, когда я наклонился к ней, лишь на мгновение оторвав взгляд от страницы книги.

— Эй, бог пирожных, отрежь мне кусок streusel[41].

Во время беременности она пристрастилась к выпечке, но больше всего ей нравился streusel с кофейной начинкой и различные разновидности kugelhopf.

— Ребенок родится со знанием немецкого, — предсказал я.

Прежде чем взять торт, я посмотрел в окно в двери черного хода и увидел, что на заднем крыльце снега насыпало аж шесть дюймов.

— Синоптики опять ошиблись, — заметил я. — На легкий снежок никак не похоже.

Увлеченная книгой, Лорри не заметила, как повалил снег.

— До чего красиво, — сказала она, взглянув в окно на белоснежную пелену. А через полминуты замерла на стуле. — Ах-ох.

Начав резать streusel, я подумал, что ах-ох относится к динамичной развязке книги, которую она читала.

Но потом она, сцепив зубы, застонала, а книга выпала у нее из рук.

Я повернулся и увидел, что она бледная, как снег за окнами.

— Что не так?

— Я подумала, опять ложные роды.

Я вернулся к столу.

— Когда это началось?

— Примерно в полдень.

— Пять часов тому назад ? И ты не разбудила меня?

— Болело лишь в нижней части живота, как в прошлый раз, — объяснила Лорри. — А теперь...

— Болит весь живот?

— Да.

— И спина тоже?

— Да.

Симптоматика однозначно указывала, что на этот раз роды настоящие.

Я замер, но лишь на секунду. Страх уступил место радостному волнению: мне предстояло стать отцом.

Страх остался бы со мной, если бы я знал, что наш дом находится под постоянным наблюдением, а высокочувствительный микрофон, установленный на кухне, только что передал наш разговор слушателю, который расположился в двухстах ярдах от дома.

Глава 26

Для женщины, рожающей впервые, начальная стадия родов в среднем длится двенадцать часов. Времени нам хватало. Больница в каких-то шести милях от нас.

— Я уложу вещи во внедорожник, — сказал я. — Ты дочитывай книгу.

— Дай мне кусок streusel.

— Можно ли есть на первом этапе родов?

— Что ты такое говоришь? Я умираю от голода. Буду есть, пока не рожу.

Дав Лорри отрезанный кусок streusel, я поднялся наверх, чтобы взять заранее собранную для нее сумку. Поднимался по лестнице осторожно, а спускался, останавливаясь на каждом шагу. Не тот был момент, чтобы упасть и сломать ногу.

После трех лет нашей совместной жизни я уже не был таким увальнем, как прежде. Похоже, позаимствовал у Лорри толику ее энергичности, грациозности, изящества.

Тем не менее и по пути в гараж я проявлял предельную осторожность, внимательно смотрел под ноги и облегченно вздохнул, поставив сумку в багажное отделение нашего «Форда Эксплорера».

У нас также был и «Понтиак транс эм» модели 1986 года. Ярко-красный, с черной отделкой салона. В нем Лорри смотрелась восхитительно.

Приподняв ворота гаража на несколько ярдов, обеспечив тем самым приток свежего воздуха, я завел двигатель «Эксплорера». Хотел, чтобы машина согрелась к тому моменту, когда в нее сядет Лорри.

После снегопада, который был четырьмя днями раньше, пусть и не такого сильного, как сегодня, я поставил на колеса цепи. А потом решил их не снимать.

И теперь этим очень гордился, потому, что отпала необходимость надевать их на колеса сейчас, тратя на это драгоценное время. Благодаря моей прозорливости поездка в больницу не предвещала никаких сложностей.

Под влиянием Лорри я постепенно стал неисправимым оптимистом. Что ж, в тот вечер мне пришлось расплачиваться за мой оптимизм.

В прихожей между гаражом и кухней я скинул туфли и надел лыжные ботинки. Снял с крючка на стене куртку с капюшоном, быстро натянул на себя.

Такую же куртку отнес на кухню для Лорри и нашел ее около холодильника. Она стонала.

— Боль усиливается, когда я двигаюсь, и чуть от пускает, когда я стою или сажусь.

— Тебе нужно только дойти до «Эксплорера». А в больнице тебя сразу уложат на каталку.

Усадив ее на переднее пассажирское сиденье и закрепив ремни безопасности, я вернулся в дом. Выключил все лампы. Через прихожую прошел в гараж, запер за собой дверь.

Про пистолет калибра 9 мм я не забыл. Просто подумал, что он мне не понадобится.

От второго из моих ужасных дней меня отделяла неделя. Поскольку с первым днем дедушка Джозеф попал в десятку, у меня не было оснований подозревать, что со вторым он ошибется или что из шести ужасных дней он назвал только пять.

Когда я сел за руль «Эксплорера», Лорри сказала:

— Я люблю тебя больше всех пирогов и кексов.

На что я тут же ответил:

— Я люблю тебя больше крем-брюле и лимонного торта.

— Ты любишь меня больше мангового заварного крема?

— В два раза.

— Я — счастливая женщина. — Когда ворота гаража пошли вверх, Лорри поморщилась от очередной схватки. — Думаю, это мальчик.

Ей сделали ультразвуковое сканирование, чтобы убедиться, что ребенок здоров, но мы не хотели заранее узнавать, какого он пола. Я обеими руками за современную технику, но при условии, что она не лишает человека одного из самых приятных сюрпризов.

Я выехал на подъездную дорожку и обнаружил, что к сильному снегопаду прибавился ветер. Не очень сильный, но достаточный, чтобы гнать снежные заряды сквозь лучи фар.

Наш дом расположен на Хоксбилл-роуд, двухполосном шоссе, которое связывает Сноу-Виллидж с горнолыжным курортом Снежный. Курорт, где мы с отцом работаем, находится в миле с небольшим к северу от нашего дома, окраина города — в пяти милях к югу.

Понятное дело, в тот момент шоссе пустовало. В такую погоду в путь, дальний и не очень, могли отправиться только дорожные бригады, занимающиеся расчисткой проезжей части, беспокойные души да беременные на сносях.

Вдоль Хоксбилл-роуд построено не так уж много домов. Шоссе проложено по гористой, малопригодной для жилья территории.

Конечно, более-менее подходящие для строительства участки встречаются. На одном из них и стоят шесть домов, четыре, включая наш, на западной стороне шоссе, два — на восточной.

С обитателями четырех домов у нас хорошие, дружеские отношения, а в пятом доме, построенном напротив нашего по другую сторону шоссе, жила Недра Ламм, на которую уже не одно десятилетие в городе показывали пальцем.

На лужайке перед домом Недры высились полдюжины восьмифутовых тотемов, которые она вырезала из стволов упавших деревьев и украсила оленьими рогами. Эти гротескные скульптуры смотрели рогами на шоссе, грозя страшными карами непрошеным гостям.

Недра Ламм была отшельницей с чувством юмора. Если кто и добирался до крыльца, то на коврике перед дверью вместо привычного «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» видел «ПОШЕЛ ВОН».

Сквозь пелену падающего снега я с трудом различал ее дом, бледный силуэт на еще более белом фоне.

Когда мы уже ехали по подъездной дорожке к шоссе, мое внимание привлекло движение на участке Недры Ламм. Из черной дыры открывшихся ворот гаражи выехал автомобиль, вроде бы большой пикап с потушенными фарами.

Но Недра последние тридцать восемь лет ездила ни «Плимуте Вейлиэнт» модели 1960 года, по моему разумению, самом уродливом, сработанном в Детройте автомобиле, который она поддерживала в идеальном состоянии, словно модель эта являла собой классику автомобильного дизайна.

Когда приближающийся автомобиль вырулил с подъездной дорожки на шоссе, я понял, что это черный «Хаммер», гражданский вариант военного «Хам-ви»[42]. Большой, быстрый, с приводом на все четыре колеса, «Хаммер» не свернул ни налево, ни направо, но, по-прежнему не зажигая фар, пересек шоссе и поехал прямо на нас.

— Что он делает? — удивилась Лорри.

Опасаясь столкновения, я нажал на педаль тормоза, остановил «Эксплорер».

Остановился и «Хаммер», чуть под углом, практически полностью перегородив подъездную дорожку.

Дверца со стороны водителя открылась. Из кабины вышел мужчина. С винтовкой.

Глава 27

Высокий, широкоплечий, в дубленке, которая только увеличивала его и без того внушительные габариты, в шерстяной вязаной шапочке, закрывающей уши и низко надвинутой на лоб.

Ничего другого я не заметил, потому что смотрел на винтовку, именно винтовку, с

рожком-магазином, а не охотничье ружье, которую мужчина держал в руках. Встав перед «Хаммером», в каких-то пятнадцати футах от «Эксплорера», он поднял винтовку, с тем чтобы поугатить или убить.

Ординарный пекарь при таком развитии событий растерялся бы или впал в прострацию, я же, наоборот, отреагировал мгновенно.

Мужчина еще поднимал винтовку, а моя правая нога уже придавила педаль газа. Он начал первым, не я, так что угрызения совести меня не мучили. Я просто хотел размазать его по переднему бамперу и радиаторной решетке «Хаммера».

Мгновенно осознав, что он может пустить мне пулю в лоб, но «Эксплорер» это не остановит, мужчина отбросил винтовку и вскарабкался на капот «Хаммера» с быстротой, заставляющей подумать о том, что среди его предков хватало обезьян.

Когда он потянулся к кронштейну для дополнительных фар, установленных над лобовым стеклом, возможно с тем, чтобы залезть на крышу, я резко вывернул руль вправо, чтобы избежать теперь уже бесполезного столкновения. Бампер «Эксплорера» чиркнул по «Хаммеру», оскорбленный металл возмущенно заскрежетал, в снежной пелене на мгновение сверкнули искры, и мы рванулись дальше. Земля вокруг подъездной дорожки успела промерзнуть и твердостью не уступала асфальту. Так что проблем не возникло.

— Что это было? — спросила Лорри.

— Понятия не имею.

— Ты его знаешь?

— Не думаю. Но я не успел как следует рассмотреть его лицо.

— Я не хочу как следует рассматривать его лицо.

Под тяжестью снега ветви большущего гималайского кедра согнулись чуть ли не до земли. И вообще белое на белом различалось плохо. Лишь в последний момент я успел вывернуть руль влево и разминуться со стволом.

Я думал, «Эксплорер» занесет, но этого не произошло. Ветви заскребли по крыше, свалившимся с нее снегом завалило лобовое стекло, ослепив меня.

Скорее всего, как только мы проскочили мимо «Хаммера», стрелок скатился с капота и подхватил со снега винтовку. Но, наверное, я бы не услышал выстрела, даже если бы пули разнесли заднее стекло, пробили подголовник и застряли бы в моем черепе. Или в черепе Лорри.

Мое сердце сжалось в кулак и било в горло с такой силой, что мне с трудом удавалось дышать.

Я включил «дворники», и они достаточно быстро справились со снегом, вернув царящую за окном ночь. «Эксплорер» тряхнуло, когда он пересекал сливную канаву, которая тянулась вдоль обочины, а потом мы повернули направо и поехали на юг, к Сноу-Виллидж.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Следи за дорогой. Все у меня хорошо.

— Ребенок?

— Злитесь... кто-то хотел подстрелить его маму.

Повернувшись на пассажирском сиденье, насколько позволяли ремни безопасности и живот, Лорри посмотрела на наш дом.

Я видел в зеркала заднего обзора только пустынное шоссе да падающий снег, от которого отражались задние огни нашего автомобиля.

— Видишь что-нибудь?

— Он разворачивается.

— Мы его обгоним.

— А сможем?

Двигатель «Хаммера» мощнее, чем у «Эксплорера». А поскольку в «Хаммере» не сидела беременная женщина, стрелок мог рисковать и разгоняться до максимальной скорости.

— Позвони девятьсот одиннадцать, — сказал я.

Сотовый телефон, подключенный к прикуривателю, лежал в одном из углублений консоли.

Она взяла мобильник, включила, молча, лишь шевельнув губами, выругалась, дожидаясь, когда на экране начнет тускнеть логотип оператора.

В зеркале заднего обзора появились фары. На большей высоте от дороги, в сравнении с обычным внедорожником. Нас преследовал «Хаммер».

Лорри набрала 911. Подождала, послушала, разорвала связь, вновь набрала три цифры.

В 1998 году сотовая связь во многих сельских районах не была столь хороша, как сейчас, через какие-то семь лет. Да и снегопад мешал прохождению сигнала.

«Хаммер» доставал нас: расстояние сократилось уже до двадцати ярдов. Он напоминал грозного хищника, преследующего добычу.

Мне пришлось решать, что более рискованно для матери и младенца: гнать «Эксплорер» быстрее в столь отвратительную погоду или ждать, что будет после того, как «Хаммер» нас догонит.

Мы ехали уже со скоростью сорок миль в час, слишком быстро для таких погодных условий. Выпавший снег закрыл разметку. Я уже не мог точно сказать, где заканчивался асфальт и начиналась обочина.

По этой дороге я ездил достаточно часто, чтобы знать, где обочина с западной стороны широкая, а где — поуже. Рельсы ограждали шоссе там, где обочина обрывалась слишком уж круто, но хватало и неогороженных склонов, выскочив на который автомобиль переворачивался бы до самого низа. И для того, чтобы соскочить с дороги, иной раз требовалось всего ничего: съехать с асфальта на какие-то два фута.

Я ускорился до пятидесяти миль, превратив «Эксплорер» в корабль-призрак, несущийся сквозь густой туман, «Хаммер» начал отставать, пропадая в снежной пелене.

— Чертов телефон, — пробормотала Лорри.

— Все равно звони. Вдруг появится связь.

Внезапно «Эксплорер» начало болтать. С востока к Хоксбилл-роуд подступала гористая территория. К дороге поочередно выходили то хребты, пусть и невысокие, то долины. И если ветер дул в определенном направлении, то в этих долинах он усиливался и, вырываясь на шоссе, все с него сметал.

Автомобили с большой площадью бортов, скажем, трейлеры и дома на колесах, иногда просто сносило с шоссе, если они игнорировали предупреждения дорожной полиции. Нас, к счастью, эти порывы только трясли, создавая мне дополнительные проблемы. Мне со все большим трудом удавалось удерживать «Эксплорер» на, как я полагал, нашей полосе движения.

Я пытался придумать более удачную стратегию, чем такое вот отчаянное бегство, но куда там.

Лорри застонала громче, чем раньше, засосала воздух сквозь сцепленные зубы.

— Малыш, — сказала она нашему еще не родившемуся первенцу, — пожалуйста, не спеши. Постарайся появиться на свет вовремя.

Позади из белого мрака вновь возник «Хаммер», черный, огромный, словно автомобиль, в который вселился демон, из плохого фильма-ужастика.

Мы еще не проехали и мили. До окраины Сноу-Виллидж оставалось чуть больше четырех. Надетые на колеса цепи позвякивали на асфальте, с хрустом рвали наледь. Несмотря на цепи и привод на все четыре колеса, разгон свыше пятидесяти миль вел к катастрофе.

Фары «Хаммера» слепили меня, отражаясь от зеркал заднего обзора.

С телефоном у Лорри по-прежнему ничего не получалось. Она достаточно грубо отозвалась о нашем провайдере, но я, нужно отметить, полностью разделил ее чувства.

Впервые за воем двигателя «Эксплорера» я различил куда более мощный рев двигателя «Хаммера». Речь, конечно же, шла о машине, лишенной сознания, не способной в одиночку причинить зло, но рев этот нагонял страх.

Несмотря на опасности, вызванные превышением скорости, я не мог допустить, чтобы стрелок врезался в меня сзади. На покрытом снегом и льдом асфальте после такого удара я бы не смог удержать «Эксплорер» под контролем, мы бы закружились волчком на дороге, а то и слетели бы с нее.

Вот я и разогнал «Форд» до пятидесяти пяти миль. До шестидесяти. Когда мы добрались до очередного, уходящего вниз пологого участка шоссе, у меня создалось впечатление, что мы несемся по ледяному желобу для бобслея.

«Хаммер» поначалу отстал, но тут же принялся уверенно сокращать расстояние.

Во время таких сильных снегопадов помощники шерифов иногда выезжали на Хоксбилл-роуд на мощных «Субербанах», оснащенных грейдерными ножами, лебедками и с запасом кофе в термосах, в поисках автомобилистов, попавших в беду. Так что, при удаче, мы могли получить помощь прямо на шоссе, до приезда в город. Я взмолился Богу, прося его послать нам навстречу патрульную машину.

У нас за спиной вспыхнули фары «Хаммера», установленные на крыше. Они осветили «Эксплорер» так ярко, будто внезапно мы перенеслись на сцену.

Он не мог одновременно вести автомобиль и стрелять. И тем не менее волосы на моем затылке зашевелились.

Скалы вдоль западной стороны шоссе образовали мощный заслон для воющего ветра, который налетал с востока. Снег прибывало к этому заслону, укладывало в сугроб, толщина которого уменьшалась с удалением от западных скал, тем не менее сугроб расплзся практически на всю проезжую часть.

При таком сильном снегопаде все вокруг становилось обманчивым. Густой падающий снег не только слепил, но заставлял видеть то, чего не было. Белое неотлично на белом, вот мне и показалось, что я имею дело всего лишь с неровностью дороги, плавным утолщением асфальтового покрытия.

Мягкая стена высотой в три фута встретила нас до того, как я успел затормозить, и мы врезались в нее, сразу потеряв треть скорости.

Лорри вскрикнула, когда нас бросило вперед, и я надеялся, что основное усилие легло на плечевой ремень безопасности, а не на тот, что удерживал живот.

Как только мы оказались в сугробе, передние колеса принялись подминать снег под себя, стараясь вытащить автомобиль. Пусть и быстро теряя скорость, мы продвигались вперед, одно колесо прокручивалось, три подминали снег. И я уже думал, что мы выберемся, когда заглох двигатель.

Глава 28

Двигатель никогда не заглохнет, если ты наслаждаешься неспешной поездкой и у тебя достаточно времени, чтобы решить ту или иную дорожную проблему. Нет, двигатель глохнет именно в тот момент, когда ты сквозь буран везешь беременную жену в больницу, а неведомый тебе стрелок преследует тебя на внедорожнике размером с танк.

Это что-то да доказывает. Возможно, тот факт, что у жизни есть некий замысел, понять который никому не дано. Возможно, однозначно свидетельствует о существовании судьбы. А может быть, предупреждает: если твоя жена на сносях, жить в это время лучше у самой больницы.

Иной раз, когда я пишу о своей жизни, у меня возникает странное ощущение, что кто-то пишет мою жизнь, точно так же, как я пишу о ней.

Если Бог — автор, а вселенная — самый большой роман, когда-либо написанный, я, возможно, чувствую себя главным героем истории, но, как каждый мужчина и каждая женщина на земле, я — персонаж второго плана в одной из миллиардов побочных сюжетных линий. А вы знаете, что происходит с персонажами второго плана. Слишком часто их убивают в третьей главе или в десятой, а то и в тридцать пятой. Персонаж второго плана постоянно должен оглядываться и ждать, как бы с ним чего не случилось.

Когда я оглянулся, сидя на обочине Хоксбилл-роуд в автомобиле с заглохшим двигателем, то увидел, что «Хаммер» остановился в пятнадцати футах позади. Водитель

сразу из кабины не выскочил.

— Если мы выйдем из «Эксплорера», он нас пристрелит, — предрекла Лорри.

— Скорее всего.

Я повернул ключ зажигания, надавил на педаль газа. Стартер заскрежетал, но большего из двигателя выжать не удалось.

— Если мы останемся в кабине, он нас пристрелит.

— Скорее всего.

— Мы по уши в дерьме.

— Это точно, — согласился я.

«Хаммер» подъехал ближе. Фары на крыше теперь светили вверх «Эксплорера», на дорогу.

Из опасения, что я залью горючим цилиндры, я убрал руку с ключа зажигания.

— Я забыла сумочку, — вздохнула Лорри.

— Возвращаться за ней мы не будем.

— Я просто хочу сказать... на этот раз у меня нет даже пилки для ногтей.

Приближаясь, «Хаммер» одновременно объезжал нас, сдвинувшись на полосу встречного движения.

Я вновь взялся за ключ зажигания, уставился на руку, которая держала его, вновь попытался завести двигатель. Не решался поднять голову, и не потому, что вид «Хаммера» вселял ужас. Меня тревожили миллионы падающих снежинок. Я чувствовал, что и меня, как их, несет ветром, бросает из стороны в сторону и я, как и они, бессилен выбрать свой путь.

— Что он делает? — спросила Лорри.

Я не знал, что он делает, меня больше занимал ключ зажигания, и двигатель таки почти завелся.

— Джимми, вытащи нас отсюда.

«Не залей двигатель, — говорил я себе. — Не насилуй его. Пусть он сам найдет искру».

— Джимми!

Двигатель взревел.

«Хаммер» уже находился рядом с нами, но стоял не параллельно, а под углом в сорок пять градусов. Его передний бампер поблескивал в нескольких дюймах от моей дверцы, на высоте нижнего торца окна, так что выбраться из машины я не мог.

Вблизи «Хаммер» выглядел громадным, особенно на огромных шинах, которые точно добавляли автомобилю добрый фут высоты.

«Эксплорер» двинулся вперед, не быстро, но уверенно, вгрызаясь в сугроб, забираясь на него, но и «Хаммер» не остался на месте, еще больше сблизился с нами, потом навалился на нас. Заскрежетал вминаемый металл.

Имея ощутимое превосходство что в размерах, что в мощности двигателя, «Хаммер» начал прижимать «Эксплорер» к скалам, которые окаймляли западную обочину, пусть при этом оба автомобиля и продолжали двигаться вперед.

Я повернулся к боковому окну, посмотрел вверх, рассчитывая увидеть лицо мерзавца за лобовым стеклом, словно надеялся по его выражению определить, в чем причина происходящего, но не сложилось. Меня только ослепили фары, как по бокам радиаторной решетки, так и на крыше.

На одном из колес цепи оборвались, но еще держались на нем. Зато свободные концы бились об днище и подкрылки, издавая звуки, напоминающие автоматную стрельбу.

Я не мог таранить снежную стену и одновременно пытаться набрать скорость, чтобы оторваться от «Хаммера».

В этот самый момент резкое падение сопротивления подсказало мне, что сугроб пройден, и внезапно у меня вновь появилась надежда.

Но стрелок, который сидел выше меня, наверняка раньше увидел, что мы вот-вот преодолеем сугроб, и тут же придавил педаль газа. Так что «Хаммер» прибавил скорости

одновременно с нами и при этом усилил давление на мой борт.

Скалы, окаймляющие западную обочину, закончились, уступив место склону, ведущему к лесу.

Лорри сообщила плохую весть:

— Оградительного рельса нет.

«Эксплорер» сместился вправо достаточно далеко, чтобы уже оказаться на обочине. Если бы я и дальше пытался протиснуться мимо «Хаммера», чтобы вырваться на асфальт, нас бы все больше разворачивало против часовой стрелки, пока мы не покатались бы задом вниз по склону неизвестно куда. Не хотелось и думать о том, к чему это могло привести.

Лорри то ли пискнула, то ли всхлипнула. Или от сильной схватки, или от мысли о том, что нас ждет внизу, если «Хаммер» столкнет нас с дороги.

Я отпустил педаль газа. В полном соответствии с законами физики нас начало разворачивать по часовой стрелке.

Слишком поздно. Правое переднее колесо резко ушло вниз, и я понял, что мы на самом краю обочины. Поскольку «Хаммер» продолжал неумолимо давить на нас, «Эксплореру» не оставалось ничего другого, как свалиться с дороги боком и перекатываться по склону до самого низа.

Не могу сказать, чем я руководствовался, логикой или инстинктом, но резко вывернул руль вправо. Лорри могла подумать, что я принял самоубийственное решение, но я надеялся использовать непрекращающийся нажим «Хаммера» нам на пользу, вместо того чтобы бороться с ним. И действительно, нас стало еще сильнее разворачивать по часовой стрелке, пока перед нами не оказался длинный, засыпанный снегом склон, не пологий, но и не очень крутой, ведущий к лесу, который прятался в темноте, лучи фар доставали лишь до первых сосен.

Мы покатались вниз, но я тут же нажал на педаль газа, задержавшись в самой верхней части склона. Мы видели, куда собирались ехать, но мне совершенно не хотелось спускаться вниз.

Водитель «Хаммера» дал задний ход, отъехал, несомненно, с тем чтобы ударить нам в задний борт. Учитывая положение «Эксплорера», удар этот мог привести к тому, что нас развернуло бы боком и мы покатались бы по склону не на колесах, а переворачиваясь нова и снова.

Выбора у меня не было. Прежде чем он успел врезаться в нас сзади, я отпустил педаль тормоза.

— Держись, — сказал я Лорри.

Закон всемирного тяготения потащил нас вниз.

Глава 29

Чтобы увеличить расстояние между нами и стрелком, не оставалось ничего другого, как катиться по склону. Двигатель, работающий на холостых оборотах, и моя нога на педали тормоза не позволяли «Эксплореру» набрать слишком большую скорость.

Разорвавшаяся цепь слетела с колеса. Остальные пока держались. Я слышал только шум работающего двигателя да шуршание снега о днище автомобиля.

Вдоль этого участка дороги рос старый лес. Кроны огромных деревьев сплетались, образуя сплошной покров, поэтому снега на земле было совсем немного, дюймов двенадцать, а кое-где еще меньше. Соответственно, в таких лесах до земли доходило мало солнечного света, так что подлеска практически не было, а нижние ветви находились гораздо выше крыши «Эксплорера».

И расстояние между деревьями было куда больше, чем в молодом лесу, где соседи еще конкурировали друг с другом за место под солнцем. Здесь огромные старожилы забирали себе весь солнечный свет, так что молодые деревца, если им и удавалось вылезти из земли, тут же чахли и погибали.

Прямые толстые стволы высоченных сосен напоминали мне колонны, поддерживающие потолок кафедрального собора, хотя этот кафедральный собор никоим образом не согревал

душу, не говоря уже о теле.

Держа скорость под контролем, я мог лавировать между деревьями, и при удаче мы могли целыми и невредимыми добраться до самого дна долины. Там я собирался повернуть на север или на юг, в надежде найти дорогу, проложенную службой охраны лесов, и уж по ней выбраться к цивилизации.

Мы не смогли бы подняться по склону, по которому сейчас спускались. Внедорожник с приводом на четыре колеса справился бы со снегом и неровностями почвы, но большой угол наклона рано или поздно заставил бы нас признать свое поражение, частично и потому, что достаточно большая высота над уровнем моря оставляла двигатель на голодном кислородном пайке.

Наша надежда на спасение и выживание зависела от одного и единственного: сумеем ли мы достигнуть дна долины целыми и невредимыми. Пока «Эксплорер» оставался на ходу, мы четко знали, что еще не все потеряно.

Я так и не научился кататься на лыжах, но в сложившейся ситуации мне пришлось применять навыки слаломиста. Я вел «Эксплорер» зигзагом по лабиринту деревьев. Не решался резко выворачивать, как делаем лыжник, объезжая очередной флажок, понимая, что при этом можно перевернуть внедорожник. Оптимальным вариантом были широкие дуги, но при этом решения приходилось принимать быстро, потому что на пути попадались все новые и новые препятствия. При чем решения эти касались не только текущего маршрута, но и последующего.

На поверку спуститься по незнакомому склону оказалось сложнее, чем приготовить заварной крем требуемой консистенции.

— Джимми, валуны!

— Я их вижу.

— Упавший ствол!

— Объезжаю слева.

— Деревья!

— Да, да.

— Зазор слишком узкий!

— Проскочим.

И мы проскочили.

— Класс, — похвалила она.

— Только я надул в штаны.

— Где ты так научился водить машину?

— Насмотрелся фильмов со Стивом Маккуином[43].

Я не мог контролировать спуск, направив «Эксплорер» параллельно дороге, потому что местами склон становился более крутым и наш внедорожник просто не удержался бы на четырех колесах и повалился бы набок. Но меня утешало, что автомобиль едет не сам по себе, а послушен движениям моих рук и ног.

Если бы мы разбили «Эксплорер», нам бы пришлось покинуть машину, и тогда мы попали бы в безвыходную ситуацию.

Учитывая состояние Лорри, она не смогла бы далеко уйти, даже по ровной дороге. И потом, она была не и сапогах, а в кроссовках.

Наши куртки обеспечивали защиту от снега, но явно недостаточную от холода, потому что оделись мы не для пешей прогулки. В кармане моей куртки лежали тонкие кожаные перчатки. У нее перчаток не было вовсе.

Температура превышала нулевую не больше чем на двадцать градусов[44]. Когда спасатели нашли бы нас (при условии, что это удалось бы им до наступления весны), мы бы превратились в глыбы льда.

— Джимми, скалы!

— Это точно.

Я обогнул каменные выступы.

— Низина! — предупредила она.

Лорри никогда не ездит на заднем сиденье. Постоянно берет на себя обязанности штурмана. Возможно, руководя моими действиями за рулем, вспоминает то время, когда была инструктором танцев и учила желающих шагам фокстрота.

Низина оказалась шириной футов в двадцать, глубиной — в шесть. Мы пересекли ее без потерь, разве что царапнули днищем о землю, когда выбирались из нее на другой стороне, зато потом чудом избежали лобового столкновения со стволом сосны. Отделались всего лишь оторванным зеркалом заднего обзора со стороны пассажирского сиденья.

«Эксплорер» прыгал по неровной земле, мечущиеся лучи фар вызывали к жизни странные тени, которые я иной раз принимал за реальные предметы. Все это не облегчало мне жизнь.

— Олень! — воскликнула Лорри.

Семь белохвостых оленей стояли у нас на пути, все взрослые особи, в это время года оленят не бывает. Вожак, здоровенный самец с великолепными рогами, застыл, глядя на нас, с высоко поднятой головой, его ярко-желтые глаза цветом напоминали отражающий свет пластик, полосы которого устанавливали на разделительной разметке.

Я собирался повернуть налево, объехать их по широкой дуге, и уже увидел проход между деревьями позади стада.

Но едва я начал поворачивать, старый вожак вышел из ступора. Со всех копыт помчался на нас, а самки, само собой, тут же последовали за ним.

Я не мог резко взять вправо, чтобы избежать столкновения. Когда я надавил на педаль тормоза, колеса «Эксплорера» врылись в снег, нашли подстилку из опавших иголок и шишек, и их сцепление с поверхностью значительно улучшилось. Автомобиль притормозил, но в следующее мгновение оказался на льду. С заблокированными колесами мы заскользили навстречу стаду.

Олени были прекрасны, грациозны. Казалось, они летят над землей, не прикасаясь к ней копытами, словно призраки во сне.

Я очень надеялся, что столкновения не будет, и не потому, что мне ужасно не хотелось стать причиной гибели хотя бы одного из них. Просто весили они сотни фунтов и при столкновении с «Эксплорером» могли сильно его повредить.

И произошло невероятное: мы разминулись. Создалось ощущение, будто «Эксплорер» и стадо находились в разных реальностях. Мы словно прошли друг сквозь друга. Мгновение, и испуганное стадо осталось позади. Как мне показалось, их бока отделяли от бортов нашего автомобиля считанные дюймы.

Хотя олени убежали, колеса оставались заблокированными. Я не мог управлять «Эксплорером» ни вращая руль, ни нажимая на педаль тормоза.

Спуск стал неконтролируемым, мы скользили по льду, прикрытому лишь тонким слоем снега. Лед трещал, наша скорость увеличивалась.

И прямо перед собой в свете фар я видел ствол свалившегося дерева, который перегораживал нам дорогу. Дерево это упало так давно, что иголок уже не осталось, как и маленьких ветвей. Я видел лишь ствол диаметром в четыре фута, покрытый мхом и лишайниками.

Лорри тоже увидела ствол, но не вскрикнула, приготовилась к неминуемому столкновению.

Мы врезались в ствол передним бампером. Удар не пошел «Эксплореру» на пользу, но оказался не таким уж и сильным, как я ожидал. Нас приподняло с сидений, ремни безопасности прошли еще одну проверку на прочность, но, пожалуй, наверху, когда мы врезались в сугроб, нас бросало вперед с большей силой.

Упавшее дерево изнутри основательно подъели черви и жучки, так что от сердцевины, прячущейся под корой, осталась одна труха.

Столкновение не превратило «Эксплорер» в груды искореженного железа. Слои коры наматывались на переднюю ось, ошметки барабанили по днищу, падали под колеса, замедляя

нашу скорость.

При этом нас начало разворачивать. Рулевое колесо ничем помочь не могло. Вертелось в моих руках, никак не влияя на траекторию нашего движения. Нас развернуло на сто восемьдесят градусов, и теперь фары освещали уже проделанный нами путь. Потом нас потащило вниз, задним бортом вперед, в лощину. Случилось то, чего я так боялся, что могло произойти на самом верху, если бы «Хаммеру» удалось столкнуться нас с дороги.

Глава 30

К счастью, скользили мы не так долго, чтобы вновь набрать приличную скорость. Очень скоро левая часть заднего бампера стукнула о дерево, нас чуть развернуло, и теперь уже правая часть заднего бампера нашла соседнее дерево. По инерции «Эксплорер» чуть втиснуло между деревьями, заскрипел металл, и мы остановились.

— Отличная работа, — сухо прокомментировала Лорри.

— Ты в порядке?

— Беременная.

— Схватки?

— Терпеть можно.

— Все еще нерегулярные? Она кивнула.

— Слава богу.

Я выключил фары. Идти по оставленному нами следу не составляло труда, но я не видел смысла в том, чтобы облегчать поиски нашему таинственному врагу.

Здесь, под кронами сосен, царил крошечный мрак. Хотя мы спустились на какие-то четыреста ярдов, создавалось ощущение, что мы на глубине тысяч фатомов[45] от уровня шоссе и нет никакой надежды на то, что нам удастся выбраться на поверхность и вновь увидеть небо.

Потом я заглушил двигатель, пусть не чувствовал запаха бензина, из чего следовало, что ни бак, ни топливные магистрали не пробиты, и понимал, что в кабине должно быть тепло. По шуму работающего двигателя стрелок мог найти нас с той же легкостью, что и по включенным фарам.

Я хотел, чтобы он сам при спуске воспользовался фонарем и обнаружил свое местоположение.

Ему не оставалось ничего другого, как спускаться ни своих двоих. Если бы решился съехать вниз, даже «Хаммеру», возможно, не удалось бы забраться на этот склон. Во всяком случае, в разреженном воздухе среднегорья. Он бы не пошел на такой риск.

— Закрой за мной дверцы, — сказал я.

— Куда ты идешь?

— Хочу его удивить.

— Нет. Давай убежим.

— Ты не сможешь.

На ее лице отразилась печаль.

— Это ужасно.

Моя ободряющая улыбка определенно не удалась.

— Должен идти.

— Люблю тебя.

— Гораздо больше мангового заварного крема, — ответил я.

Когда я выходил из машины, под потолком зажглась маленькая лампочка-предательница, но потухла, едва я без лишнего шума захлопнул дверцу.

Лорри нажала на консоли кнопку центрального замка, заблокировав все дверцы.

Я задержался на короткое время, чтобы убедиться, что деревья удержат «Эксплорер» от дальнейшего спуска. Действительно, они так сильно обжали борта, что протиснуться между огромными стволами и покатиться дальше внедорожник никак не мог.

Темноту я воспринимал не просто как отсутствие света, а некой субстанцией, которую мог пощупать. Причину, полагаю, следовало искать во влажности, холоде, но прежде всего в

моем страхе.

Затаив дыхание, я прислушался, но до моих ушей донесся только посвист ветра в кронах деревьев да пощелкивания и потрескивания охлаждающегося двигателя. Ни один звук не говорил о приближении врага.

Стрелок мог все еще стоять на обочине Хоксбилл-роуд, обдумывая следующий шаг. Но я подозревал, что он относится к людям, которые предпочитают действовать быстро, а не просчитывать альтернативные варианты.

Я тоже не стал гадать, кто он такой и каковы причины его столь агрессивного поведения. Если бы он меня убил, не имело значения, правильные ответы я нашел на поставленные вопросы или нет. Если бы мне удалось взять верх, он бы сам все рассказал. В любом случае терять время на поиск этих самых ответов смысла не было.

Оставив Лорри в запертом автомобиле, я вроде бы бросал ее на произвол судьбы, но, с другой стороны, оставаясь рядом с ней, я терял надежду спасти ее и нашего ребенка.

Постепенно мои глаза привыкали к темноте, но я не мог ждать, оставаясь у автомобиля, пока привыкнут окончательно.

Лес расставил множество ловушек для непрошеного гостя. Корочка затвердевшего снега особых проблем не доставляла, а вот лепешки слипшихся сосновых иголок и шишек выскальзывали из-под ног, так что удержать равновесие было нелегко.

Стоя на вершине склона, стрелок мог разглядеть только черную массу леса. Я знал, что он не мог увидеть, как я иду на юг, поперек склона, тем не менее очень живо представил себе свое лицо в перекрестье оптического прицела.

Под кронами сосен снежный покров сильно разнился: где-то его толщина составляла два-три дюйма, в других местах доходила до фута, хватало и участков голой земли. Когда мое ночное зрение улучшилось, поднимающийся к дороге склон показался мне одеялом из разных по форме и размерам белых и черных лоскутов.

Я быстро понял, как передвигаться с большей скоростью, но вот с бесшумностью ничего не получалось.

Каждые несколько шагов я останавливался и прислушивался в попытке определить местоположение стрелка. Но слышал только шум ветра в кронах деревьев и еще какой-то тревожащий, непонятный, словно идущий от земли, гудящий звук, возможно, эхо от шуми ветра.

Пройдя примерно сорок футов, я повернул на восток и начал подниматься по склону параллельно следу, оставленному «Эксплорером» при спуске. Я пригибался к земле, хватался за выступающие камни и корни, напоминая в этом обезьяну, но без присущей обезьянам ловкости.

Я полагал, что преодолею две трети подъема, прежде чем замечу спускающегося стрелка. Потом намеревался дождаться, пока он пройдет мимо, и двинуться следом, чтобы в какой-то момент застать врасплох и броситься на него.

План был, конечно, совершенно безумным. Я же не был Джеймсом Бондом. И даже Максвеллом Смартом[46]. Я предпочитал месить тесто, а не разбивать головы, пускать в ход миксер, а не автомат.

Но ничего менее безумного я придумать не мог, а потому продолжал подниматься по склону.

Руки начали замерзать. Тонкие перчатки, которые лежали в кармане куртки, могли бы послужить хоть какой-то защитой от холода, но снизили бы гибкость и чувствительность кистей, поэтому я предпочитал подносить руки ко рту и отогревать их дыханием.

Помимо того, что мерзли руки, появилась боль в ноге, пульсирующая боль, совсем как зубная. В теплую погоду я никогда не чувствовал металлических аксессуаров, ставших неотъемлемым придатком костей, но иногда зимой мог определить расположение любой пластины или винта.

Прикинув, что две трети склона остались позади, я остановился, пусть по-прежнему не видел ни ручного фонарика, ни других признаков того, что стрелок спускается мне навстречу.

Убедившись, что почва под ногами крепкая, я выпрямился во весь рост, чтобы оглядеть гребень склона в доброй сотне ярдов надо мной.

Даже если «Хаммер» и стоял вдоль обочины, я не ожидал, что смогу увидеть его, поскольку находился еще достаточно далеко, значительно ниже уровня шоссе. Что я рассчитывал увидеть, так это отсвет фар или габаритных огней, но гребень склона лишь чуть выделялся на сером фоне неба.

Я не верил, что стрелок уехал. Он приложил слишком много усилий, стремясь добраться до нас, чтобы взять и укатить прочь. А если уж он действительно хотел нас убить, то не мог не проверить, свернули мы себе шеи или нет, скатившись по достаточно крутому, но все-таки проходимому для внедорожника склону.

Хорошему кондитеру терпение крайне необходимо, но иногда я терял его даже на кухне. И вот теперь, когда я стоял на склоне, ожидая появления нашего врага, меня вдруг накрыла волна раздражения, как бывало, когда я готовил английский крем из яичных желтков, сахара и молока. Для того чтобы приготовить качественный крем, требовалось непрерывно помешивать смесь на низком огне, чтобы желтки не свернулись.

Мои желтки, образно говоря, начали сворачиваться, когда над головой что-то зашуршало. К ветру это не имело никакого отношения. Нет, что-то тяжелое сорвалось с одной из верхних ветвей.

В школе я не жаловал историю, древнегреческую или какую-либо еще, и тем не менее, так странно, вдруг подумал об остром, как бритва, мече, подвешенном на волоске над головой Дамокла.

Посмотрел вверх.

Глава 31

Увидел что-то летящее и большое, с размахом крыльев в добрых шесть футов. Увидел большие, круглые, светящиеся глаза, острый клюв и еще до того, как задал себе вопрос: «Это кто?» — уже знал ответ: сова. Тем не менее вскрикнул от неожиданности и удивлении, когда она пролетела надо мной.

Разыскивая лесных грызунов, большая птица полетела на северо-северо-запад, опускаясь вместе со склоном. Она пересекла след, оставленный «Эксплорером» на склоне, пролетела над человеком, присутствие которого до этого момента оставалось для меня тайной.

Пусть даже мои глаза и приспособились к темноте, видимость в этих лесах оставляла желать лучшего. Чередование снежных заплат и участков слабо светящейся темной земли приводило к тому, что перед глазами все постоянно менялось, словно черно-белая мозаика на дне медленно-медленно вращающегося калейдоскопа.

Человек стоял в тридцати футах от меня, может, футов на двадцать ниже по склону, я хорошо видел его между деревьями. Мы прокрались один мимо другого, не подозревая об этом.

Мой крик, пусть негромкий и быстро оборвавшийся, тем не менее сообщил ему о моем присутствии в непосредственной близости от него, точно так же, как сова привлекла мое внимание к его силуэту. Я не различал подробности, не видел даже овчинного воротника его полушубка, но точно знал, что передо мной человек, не просто человек, а тот самый стрелок.

Я-то ожидал, что он обнаружит свое местоположение фонариком. Не мог же он идти по следу «Эксплорера» в такой плотной и обманчивой темноте, не захватив с собой источник света.

Мне оставалось только гадать, увидел ли он меня так же хорошо, как я — его. И не решался тронуться с места: если он не смог точно определить, откуда донесся крик, своими телодвижениями я мог себя выдать.

И тут же он открыл огонь.

Около нашего дома, когда этот человек впервые появился из «Хаммера», мне показалось, что у него армейская автоматическая винтовка. Теперь раздавшиеся очереди наглядно подтвердили мое предположение.

Выстрелы звучали громче, чем щелканье кнута, пули посекали деревья слева и справа от меня.

Удивленный тем, что свинцовый дождь между этими двумя залпами не накрыл меня, я, однако, не находил утешения в том, что этот день не входил в список пяти ужасных дней моей жизни, составивших суть предсказания дедушки Джозефа.

Я стоял, пригвожденный к земле, словно одна из сосен. Какие-то мгновения казалось, что Джимми Ток, человек действия, способен только на одно: подпустить в штаны отходы биологической жизнедеятельности.

Потом я побежал, и мчась на юг поперек склона, я сожалел о том, что деревья растут на столь большом расстоянии друг от друга. Я кружил среди огромных стволов, используя их и качестве прикрытия, а позади вновь раздалась длиннющая очередь, и мне вслед злыми осами полетели пули, каждая из которых могла вонзиться мне в спину или затылок.

Я слышал глухие удары (при попадании пули в ствол), звонкие (рикошет от скалы), что-то с жужжанием пронеслось рядом с моим левым ухом, и я точно знал — это не шмель.

Наверное, он поступил опрометчиво, стреляя столь длинными очередями. Даже в удлиненном рожке-магазине запас патронов конечен, а стрелок расходовал его очень уж быстро.

Если бы он опустошил рожок, не попав в меня, ему пришлось бы отвлекаться на то, чтобы поставить новый рожок. Если я в это время продолжал бы двигаться, он бы потерял мой след в темноте.

Потеряв мой след, он мог напрямиком направиться к «Эксплореру» и убить Лорри.

Эта мысль подставила мне подножку. Я упал и больно ударился плечом, ткнулся лицом в снег и сосновые иголки.

Покатился, не по желанию — по инерции, ударяясь коленями и локтями о камни, выступающие корни, мерзлую землю.

Катясь по земле, я, разумеется, оставался невидимым для стрелка, но после нескольких оборотов понял, что при сильном ударе о дерево могу свернуть себе шею.

Среди сосен изредка попадались кусты. И встреча с одним из них могла запросто стоить мне глаза: лишенные листы, жесткие ветки торчали во все стороны, любой куст напоминал ошестинившегося ежа. То есть возникла ситуация, когда мне, похоже, предстояло превратиться в падающий на землю сейф. Поэтому я принялся хвататься за все подряд: сухую траву, торчащие из земли камни, случайные молодые деревца — за все, что могло меня остановить, хотя бы замедлить мое продвижение. В конце концов я оказался на четвереньках. Поднялся. Отбежал на какое-то расстояние и остановился, гадая, а стоит ли бежать дальше.

Потеряв ориентировку, оглядел лес, увидел все то же черно-белое лоскутное одеяло, попытался успокоить дыхание. Я не знал, как далеко откатился и отбежал, но, похоже, достаточно далеко, чтобы уйти от преследования.

Я не видел его, следовательно, он не мог видеть меня.

Но в этом я как раз ошибся. Услышал, как он бежит ко мне.

Не оглянувшись, я вновь поспешил на юг, поперек склона, петляя между деревьями, постоянно спотыкаясь, поскользываясь, но все-таки оставаясь на ногах, пусть меня и шатало из стороны в сторону и бросало взад-вперед.

Поскольку в меня он больше не стрелял, я предположил, что у него то ли закончились патроны, то ли он не успел перезарядить винтовку. А если он не мог меня пристрелить, может, следовало развернуться и напасть на него. Он наверняка не ожидал от меня такой смелости.

Внезапно я попал на участок земли, полностью лишенный снега, зато заваленный камнями. Каждый шаг грозил обернуться подвернутой ногой, но в голове сверкнула дельная мысль. Я намеревался ввязаться в рукопашный бой, а у стрелка мог быть нож. Мне тоже следовало вооружиться, и под ногами лежали подходящие камни.

Я остановился, наклонился и сразу же нашел булыжник размером с маленький грейпфрут. Но едва мои пальцы схватили его, длинная очередь порушила мой план.

Когда пули засвистели в каких-то дюймах надо мной, я оставил булыжник на месте, на четвереньках добрался до двух деревьев, повернул налево, распрямился и, дав деру, слетел с края обрыва.

Глава 32

Обрыв — это, конечно, громко сказано, но именно такое ощущение возникло у меня, когда правая нога шагнула в воздух, а потом не нашла опоры и левая.

Падая, я закричал от ужаса, пролетел примерно пятнадцать футов и приземлился на что-то колючее, но мягкое. При падении услышал шум бегущей воды, увидел ее поток с шапкой фосфоресцирующей пены и понял, где нахожусь. Заодно мне вдруг стало ясно, что я должен делать.

Следующая очередь раздалась в тот самый момент, когда я ступил в пустоту, и стрелок, если слышал мой крик, наверняка подумал, что я ранен. Чтобы убедить его в этом, я вскрикнул еще раз, слабее, показывая тем самым, что жизнь из меня уходит.

Тут же вскочил и, держась ближе к отвесной стене, прошел футов десять вверх по течению.

Голдмайн-ран, побольше ручья, но поменьше реки, берет начало в вулканическом озере, куда из глубин земли поступает горячая вода. Озеро это находится в горах на востоке. Через Голдмайн-ран переброшен мост, по которому проходит Хоксбилл-роуд. К западу от шоссе вода в Голдмайн-ран уже не горячая, даже не теплая, но скорость течения достаточно велика, и поток не покрывается льдом и в самые суровые зимы. Тонкая корочка льда появляется разве что в заводях, на поворотах русла.

Если человек, подстреленный из винтовки, падал в Голдмайн-ран, быстрое течение тут же подхватывало его и уносило в долину, по пути колошматя о торчащие из воды валуны.

Берега не сбегали к воде, а резко обрывались. От дальнейшего разрушения их удерживали переплетенные корни деревьев.

В десяти футах от того места, где я свалился с обрыва, я спрятался в естественной нише, стоя по колено в опавшей листве и иголках. И приземлился я на кучу тех же иголок, перемешанных с листвой. Теперь же прижался спиной к земляной стене, в полной уверенности, что сверху увидеть меня невозможно.

Даже в такую холодную ночь от листвы и иголок поднимался запах гниения, который наверняка усиливался весной и особенно летом.

Внезапно мне так захотелось оказаться на своей кухне, где царили ароматы выпечки.

Я не старался затаить дыхание. Плеск воды заглушал эти звуки.

Едва я успел укрыться в нише, вниз, в футах от моего лица, посыпались камешки, комочки земли, сосновые иголки. Должно быть, стрелок сбросил их ногами, подойдя к самому краю обрыва.

Я надеялся, что он увидит, какое тут сильное течение, и предположит, что я, раненный, свалился в Голдмайн-ран и меня унесло дальше, где мне оставалось только ослабеть от кровопотери и утонуть или, выбравшись из воды, умереть от переохлаждения.

А вот если бы он спустился вниз, чтобы исследовать берег, я бы оказался у него на виду, совсем как декоративная вишенка, украшающая шоколадный торт.

Я сомневался, что он спустится к воде. Стоя наверху, он не мог предположить, что под ним находится ниша, такая большая и глубокая, что в ней мог укрыться человек.

Откровенно говоря, я думал, что сейчас он достанет фонарь и пробежится лучом по берегу и воде, но секунды шли, а вокруг по-прежнему царила темнота. Даже из ниши, глядя на бегущую воду, я различал выступающие из нее камни, которые по форме напоминали раненого человека или труп. И мне казалось, что стрелок, который поставил целью разделаться со мной, захотел бы узнать наверняка, убита его жертва или только ранена.

Я потерял ощущение времени. Оно и понятно, ужас нарушает работу внутренних часов. Я не отсчитывал секунды, но чувствовал, что простоял в нише минуту, а то и больше.

Нетерпение нарастало. Может, меня не стоило считать человеком действия, но и стоять без дела я не привык.

Если бы я вышел из укрытия слишком рано и обнаружил, что он по-прежнему стоит на обрыве, то получил бы пулю в лицо.

С другой стороны, если бы я оставался в нише слишком долго, дал бы стрелку слишком большую фору, и он сумел бы добраться до «Эксплорера» гораздо раньше меня. Лорри со мной не было, поэтому если он знал, что она беременна, то мог не сомневаться, что найдет ее в кабине внедорожника.

Назовите это ясновидением или интуицией, но я подозревал, что интересую стрелка в очень малой степени, как надоедливая муха, которую нужно убить, а главная его цель — Лорри. Почему так, я не имел ни малейшего понятия. Но знал, что ему нужна именно она.

Выходя из укрытия, я ожидал, что в тот же момент вспыхнет свет, раздастся грубый смех, прогремит выстрел.

Журчала вода, в кронах деревьев шумел ветер, темнота окутывала лес.

И на обрыве никто меня не поджидал.

Осторожно, из опасения свалиться в воду, я двинулся по берегу, чтобы найти место, позволяющее без особых проблем подняться на обрыв. Более всего меня устроил бы эскалатор.

Левой ногой основательно досталось. И имплантированный металл давал о себе знать пульсирующей болью.

Вскоре я увидел выпирающие из отвесной земляной стены камни, окруженные болтающимися корнями растущих наверху деревьев. Даже с больной ногой я смог без труда подняться по такой лестнице, переступая с камня на камень и хватаясь за корни-веревки.

Наверху я присел, оглядел лес. Ни сов, ни оленей, ни социопата-стрелка.

Интуиция подсказывала мне, что я в полном одиночестве. Интуиция служила мне очень даже хорошо, когда я придумывал новые рецепты. Я решил, что могу доверять ей и в этой, совершенно новой для меня ситуации.

Пусть и прихрамывая, идти я мог быстро. И тронулся в путь.

Некоторое время спустя вдруг подумал, что заблудился. Возникли сомнения, туда ли я иду.

Шоссе находилось выше по склону, то есть на востоке. Следовательно, склон понижался к западу. Голдмайн-ран был у меня за спиной, то есть на юге. «Эксплорер» ждал к западу от Хоксбилл-роуд и к северу от того места, где я сейчас стоял.

Вроде бы с этим все было ясно.

И однако, обогнув очередное дерево и двинувшись еще между двумя, я вновь вышел на обрыв и едва не свалился с него к самой воде. Зная, где находятся четыре стороны света, я тем не менее замкнул круг... а ведь на счету была каждая секунда.

Прожив в горах всю жизнь, в городе, со всех сторон окруженном лесами, я слышал истории о том, как опытные походники сбивались с пути белым днем и в отличную погоду. Спасателям регулярно приходилось прочесывать леса и отыскивать этих бедолаг, недоумевающих, как такое могло случиться, злящихся на себя. И действительно, у них, казалось бы, не могло возникнуть никаких проблем.

Впрочем, некоторые из найденных спасателями не злились и не испытывали недоумения. Потому что находили их мертвыми. Кто-то погибал от обезвоживания, кто-то от голода, кого-то загрызал медведь или кугуар, кто-то ломал шею при падении... Мать-природа располагает огромным арсеналом способов отъема жизни.

Любые шесть акров леса могли превратиться в лабиринт, откуда не было выхода. Каждые год или два «Сноу каунти газетт» публиковала на первой полосе статью о человеке, который долгие дни бродил по лесу, постоянно находясь в полумиле от шоссе.

На природе я никогда не чувствовал себя как дома. Я люблю цивилизацию, тепло очага, уют кухни.

Отвернувшись от журчащей воды, я всматривался в темноту леса, наконец торопливо двинулся вперед, полагаясь больше на удачу, чем на здравый смысл.

Оставшейся в одиночестве, подвергающейся смертельной опасности Лорри требовался

Дэви Крокетт[47]... вместо него у нее был я... Джулия Чайлд[48] с волосатой грудью.

Глава 33

Я этого не видел, но мне обо всем рассказали.

Оставшись одна в «Эксплорере», Лорри, как могла, повернулась на сиденье, чтобы наблюдать за моим уходом. Учитывая темноту, я исчез из поля ее зрения где-то через пятнадцать секунд, после чего она получила возможность поразмышлять о своей дальнейшей судьбе. Других занятий не просматривалось.

Она включила мобильник и набрала 911. Как и прежде, ей не ответили.

Секундная стрелка на ее наручных часах отсчитала полминуты, а она уже не знала, чем ей скоротать время. Петь «Двенадцать негрятят пошли купаться в море» как-то не хотелось.

Хотя я спас ее жизнь (а она — мою) в ночь, последовавшую за днем нашей встречи, у нее не было полной уверенности в том, что мне удастся добраться до стрелка и заломать его голыми руками.

Потом она сказала мне: «Ты уж не обижайся, человек-пирог, но я решила, что ты ушел навстречу своей смерти, а мне в лучшем случае суждено стать невестой Бигфута, но рассчитывать следует на худшее».

Тревога превратила ее нервы в натянутые струны (она говорит, что волновалась больше за меня, и я ей верю, потому что Лорри редко ставит себя на первое место).

Естественно, думала она и о нашем нерожденном младенце. Ее неспособность защитить собственного ребенка добавляла злости и озабоченности.

Избыток эмоций приводил к тому, что она уже просто не могла усидеть на месте. Испугалась, что от раздражения и страха у нее просто поедет крыша, если она не предпримет какие-то действия.

В голове зародился план. Если земля под «Эксплорером» достаточно ровная, а живот позволит осуществить задуманное, может, ей стоит выйти из кабины, залезть под внедорожник и ждать там.

Если я вернусь торжествующим победителем, она сможет позвать меня из своего убежища. Если появится стрелок, то подумает, что она ушла вместе со мной или сама по себе.

Она разблокировала центральный замок, открыла свою дверцу. Холодный воздух ударил в лицо.

Зимняя ночь — вампир, крылья его — темнота, клыки — холод.

Под «Эксплорером» ей пришлось бы лежать на промерзшей земле. От остывающего двигателя, конечно же, шло бы тепло, но не так уж и долго.

Резкая схватка заставила Лорри ахнуть. Она захлопнула свою дверцу и вновь заблокировала их все.

Никогда в жизни не чувствовала она себя такой беспомощной. И беспомощность эта служила калорийной пищей для ее раздражения, страха, злости.

Потом ей показалось, что она слышит выстрелы.

Она повернула ключ зажигания. Чуть-чуть, не для того, чтобы включить двигатель. Ей хотелось только опустить стекло на дюйм-другой.

И тут же прогремела длинная автоматная очередь. Внутри у нее все сжалось, но не от очередной схватки, и от ужаса. Она подумала, что стала вдовой.

Пусть это покажется странным, но третья автоматная очередь напомнила ей о том, что она — неисправимая оптимистка. Если наш враг не смог убить меня первыми двумя очередями, может, он — не такой уж меткий стрелок, а я — не такая легкая добыча.

Открыв дверцу, она выпустила из кабины теплый воздух. Теперь холодная ночь заползала в оконную щель, и по телу Лорри пробежала дрожь.

Подняв стекло, она вернула ключ зажигания в исходное положение, принялась за поиски оружия, начиная с кармана для карт на своей дверце. Нашла черный виниловый пакет для мусора, полный использованных салфеток. Пластиковую бутылочку с лосьоном для рук.

Ничем не порадовал ее и бардачок. Пачка жевательной резинки, пакетик леденцов,

тубик гигиенической помады. Кошелек с четвертаками для счетчиков на стоянке и автоматов по продаже газет.

«Если ты сохранишь жизнь мне и моему ребенку, я дам тебе два доллара и семьдесят пять центов».

В ящике консоли обнаружилась пачка чистых бумажных салфеток. И две запечатанные пачки влажных, в алюминиевой фольге.

Хотя в ее положении это было не так-то легко, Лорри удалось нагнуться и пошарить рукой под передним сиденьем, в надежде найти хоть что-нибудь, скажем, отвертку. Если отвертку, почему не револьвер? Если револьвер, то почему не волшебную палочку, которая при появлении стрелка превратила бы его в жабу?

Она не нашла ни волшебной палочки, ни револьвера, ни отвертки, не нашла ничего. Только пустоту.

Из темноты перед «Эксплорером» появился мужчина, дыхание паром вырывалось из открытого рта. В руках он держал автоматическую винтовку, и это был не я.

Ее сердце болезненно сжалось, на глазах навернулись слезы, ибо появление стрелка говорило о том, что я убит или как минимум тяжело ранен.

Суеверная мысль пришла ей в голову: если она не будет скорбеть обо мне, значит, я цел и невредим. А вот если она примет мою смерть, тогда смерть эта станет настоящей.

Она не дала воли слезам. Загнала их обратно. Туман, застилавший глаза, исчез.

Когда мужчина подошел ближе, Лорри увидела, что у него какие-то необычные очки. Догадалась, и, как потом выяснилось, правильно, что это очки ночного видения.

Направляясь к передней дверце со стороны пассажирского сиденья, мужчина снял их и сунул в карман дубленки.

Попытавшись открыть дверцу, обнаружил, что она заперта. Мужчина улыбнулся Лорри сквозь стекло, помахал рукой, постучал.

Она никогда раньше не видела этого мужчину, и все-таки черты его широкого лица показались ей знакомыми.

Он наклонился к самому окну, дружелюбно поздоровался: «Привет». Голос, пусть и приглушенный стеклом, слышался отчетливо.

Юной девушкой, в поисках хоть какого-то порядка и мире змей и торнадо, Лорри прочитала знаменитую книгу Эмили Пост[49] о правилах этикета, но содержимое этого толстого тома никоим образом не подготовило ее к встрече со странным незнакомцем.

Он вновь постучал по стеклу.

— Мисси?

Интуиция подсказывала, что она не должна заговаривать с ним, должна воспользоваться правилом, которому учат детей на случай, если какой-нибудь незнакомец предложит им конфетку: «Ничего не говори, ничего не бери, развернись и убегай». С убежать не получалось, а вот отказаться поддерживать разговор — пожалуйста, это она могла.

— Будьте так любезны, откройте дверцу, мисси. Она смотрела прямо перед собой, не поворачиваясь к нему, продолжая молчать.

— Маленькая леди, я проделал долгий путь, чтобы повидаться с вами.

Ее пальцы так сильно сжались в кулаки, что ногти впились в ладони.

— Роды начались? — спросил он.

При упоминании о ребенке сердце Лорри резко ускорило и без того быстрый бег.

— Я не собираюсь причинять вам вред, — заверил он ее.

Она оглядывала окружающую «Эксплорер» темноту, в надежде что я появлюсь из нее, но я не появился.

— Мне от вас ничего не нужно, кроме ребенка, — добавил он. — Мне нужен ребенок.

Глава 34

Мешок для мусора, лосьон для рук, жевательная резинка, леденцы, гигиеническая помада, кошелек с мелочью, бумажные салфетки, две пачки влажных, упакованных в алюминиевую фольгу...

Даже испытывая страстное, неудержимое желание стать машиной для убийства, Лорри не могла найти смертоносное оружие среди обнаруженного в кабине. Простая веревка могла бы послужить гарротой. Ту же вилку можно использовать и для еды, и для убийства. Но не было у нее ни веревки, ни вилки, а гигиенической помадой человека не убить, сколько ни мажь ему губы.

В голосе находящегося за окном мужчины не слышалось ни ненависти, ни угрозы, ни враждебности. Его глаза весело поблескивали и улыбались.

— Вы должны мне одного упитанного малыша, аккуратненького, крепкого ребятенка.

И пусть мужчина ничем не напоминал гнома, он определенно повредился душой и разумом, отчет Лорри видела в нем Румпельштильцхена. Он пришел чтобы заставить ее выполнить условия какой-то жуткой сделки, заключенной ею в прошлом.

Когда она вновь не ответила ему, он двинулся к переднему бамперу «Эксплорера», и Лорри поняла, что его цель — водительская дверца.

Этот Румпельштильцхен не собирался научить ее ткать лен так, чтобы он превращался в золото, поэтому она точно знала, что ее первенца ему не видать как своих ушей.

Перегнувшись через консоль, она включила фары.

Они осветили заросший деревьями склон, толстые стволы, иглы нижних ветвей, все казалось нереальным, сценической декорацией.

Залитый светом, Румпельштильцхен остановился перед капотом «Эксплорера», всмотрелся в Лорри сквозь ветровое стекло. Улыбнулся. Помахал ей рукой.

Малая часть снежинок все-таки прорывалась сквозь переплетение сосновых ветвей в вышине. Они кружились, как праздничные конфетти, вокруг этого улыбающегося, машущего ей рукой мужчины.

Никогда еще смерть не выглядела такой радостной.

Лорри не знала, видны ли включенные фары с Хоксбилл-роуд. Скорее всего, нет, решила она. В ясную погоду возможно, но в такой снегопад точно не видны.

Она наклонилась к рулевому колесу и нажала на клаксон. Дала длинный гудок. Потом второй.

Румпельштильцхен печально покачал головой, словно Лорри его разочаровала. Выдохнул облако пара и продолжил путь к водительской дверце «Эксплорера».

Лорри жала и жала на клаксон.

Когда увидела, что мужчина поднял винтовку, подалась назад, вернулась на свое сиденье, отвернулась, защищая лицо.

Он разбил стекло прикладом винтовки. Осколки разлетелись по кабине.

Мужчина поднял стопор, открыл дверцу, сел за руль, оставив дверцу открытой.

— Вот этого я как раз и не планировал. — Мужчина выключил фары. — Похоже, это один из дней, заставляющих верить в дурной глаз.

Когда он положил автоматическую винтовку как на консоль, так и на колени Лорри, та от страха подалась к дверце и вжалась в спинку сиденья.

— Успокойтесь, маленькая леди. Успокойтесь. Разве я уже не сказал, что не причиню вам вреда?

Несмотря на то что он провел много времени на ветру и морозе, пахло от него виски, сигаретным дымом, порохом и болезнью десен.

Он включил лампочку под потолком.

— Впервые за долгое время в моем сердце ожила надежда. И это такие приятные ощущения.

С неохотой она повернулась к нему.

Доброе и радостное выражение его лица никак не вязалось с мукой в его глазах. Казалось, что улыбку эту просто приклеили к лицу. Душевная боль струилась из каждой поры, тревога не покидала его ни на секунду. Очень уж он напоминал загнанное в угол животное, хотя всячески пытался скрыть это сходство.

Почувствовав, что она видит страдание в его сердце, мужчина на мгновение позволил

лицу измениться, но тут же и без того широкая улыбка стала еще шире.

Она бы пожалела его, если бы он не пугал ее до смерти.

— Не пытайтесь схватить винтовку только потому, что она лежит у вас на коленях, — предупредил мужчина. — Вы не знаете, как ею пользоваться. Можете поранить себя. А кроме того, я не хочу бить вас по лицу, вы же мать моего мальчика.

Сирены материнской тревоги Лорри завывали, когда мужчина упомянул о ее ребенке, стоя у «Эксплорера». Теперь тревога эта только усилилась.

— Что вы такое говорите? — спросила она и поморщилась, услышав дрожь в своем голосе.

Если бы на кону стояла только ее жизнь, она смогла бы сыграть в бесстрашие. Но она носила под сердцем младенца и не смогла скрыть страх за судьбу невинной крохи.

Из кармана пальто мужчина достал маленький черный кожаный пенал, расстегнул три «молнии».

— Вы отняли у меня моего сына, моего единственного ребенка, — ответил он, — и я уверен, вы первой признаете, что теперь должны отдать мне вашего.

— Вашего сына? Я не знаю вашего сына.

— Вы отправили его в тюрьму на всю жизнь, — в голосе слышались здравомыслие и доброжелательность. — И ваш муж, неблагодарное отродье Руди Тока, изувечил его... теперь он не может зачать ребенка.

Услышанное потрясло Лорри..

— Так вы... Конрад Бизо?

— Тот самый и единственный, долгие годы находящийся в бегах и зачастую лишенный возможности демонстрировать свои таланты, но все равно клоун в сердце и достойный славы.

Он откинул крышку пенала. В ней, в соответствующих углублениях, лежали два шприца и ампула с янтарной жидкостью.

Хотя лицо мужчины показалось ей знакомым, он не очень-то напоминал фотографии из газет августа 1874 года, которые сохранил Руди.

— Вы не похожи на самого себя.

Улыбаясь, он кивнул.

— Да, конечно, двадцать четыре года изменят любого мужчину. А известность заставила меня провести долгий период времени в Южной Америке, вместе со своим сыном Панчинелло. Там мне сделали несколько пластических операций, чтобы вернуть анонимность.

Он освободил от упаковки один из шприцев. Острые иглы зловеще блестело в тусклом свете маленькой лампочки под потолком.

Хотя Лорри понимала, что убеждать в чем-либо этого мужчину, руководствуясь здравым смыслом, столь же бесполезно, как и обсуждать достоинства музыки Моцарта с глухой лошадкой, она сказала:

— Вы не можете обвинять нас в том, что случилось с Панчинелло.

— Вина — это такое жестокое слово, — в голосе звенела искренность. — Нам нет нужды говорить о вине. Жизнь для этого слишком коротка. Дело сделано, какой бы ни была причина, и теперь за содеянное нужно заплатить справедливую цену.

— Что значит — какой бы ни была причина?

Бизо продолжал кивать и улыбаться.

— Да, да, у нас всех есть свои причины, и, конечно же, они были у вас. Кто я такой, чтобы говорить, что вы были не правы? Не нужно никого судить, обвинениями ничего не добьешься. У любой истории всегда есть две стороны, а иногда и десять. Важно лишь то, что сделано. Моего сына отняли у меня, его изувечили и тем самым лишили меня внуков, наследников таланта Бизо. Поэтому я имею полное право на компенсацию.

— Ваш Панчинелло убил многих и собирался убить нас с Джимми! — с жаром воскликнула Лорри, не в силах тягаться веселостью и добродушием с Бизо.

— Да, все вроде бы так, — Бизо ей подмигнул. — Но я гарантирую, мисси, тому, что написано в газетах, верить нельзя. Правде никогда не попасть в печать.

— Я не читала об этом в газетах, я все видела своими глазами!

Бизо улыбался и кивал, подмигивал, улыбался и кивал, с его губ даже сорвался смешок, он еще раз кивнул и занялся шприцем.

Лорри поняла, что этот человек мог держать себя под контролем лишь благодаря наигранной веселости, пусть искренности в ней не было ни грана. Без этого фасада психика его развалилась бы мгновенно. Жалость к себе и ярость вырвались бы из узды. Лишившись самоконтроля, он тут же убил бы ее и ребенка, которого так хотел заполучить.

Под этими улыбками и смешками скрывался дикий, жаждущий крови зверь.

— Что это? — спросила она, глядя на ампулу с янтарной жидкостью.

— Легкое успокоительное, сок грез.

Руки у него были большие, грубые, но и ловкие. Как заправский врач, он вскрыл ампулу и наполнил шприц жидкостью.

— Этого делать нельзя, — запротестовала она. — У меня схватки.

— Волноваться не о чем, дорогая. Это очень легкое успокоительное. На ребенке не отразится.

— Нет. Нет, нет.

— Дорогая моя, у вас только первая стадия родов, и она продлится не один час.

— Откуда вы знаете?

Он опять хохотнул, подмигнул Лорри.

— Дорогая моя, должен признаться, я поступил дурно. Неделю тому назад поставил подслушивающее устройство в вашей кухне, еще одно в гостиной и с тех пор слышал все ваши разговоры из дома Недры Ламм на другой стороне шоссе.

Голова у Лорри пошла кругом.

— Вы знакомы с Недрой?

— Наше знакомство длилось лишь несколько минут, — ответил Бизо. — А что означают все эти тотемы перед ее домом?

Гадая, где сейчас Недра, в сарае, рядом с поленницей, или в подвальном морозильнике, Лорри положила руку на автоматическую винтовку.

— Это недружественный жест, мисси.

Она убрала руку с винтовки.

Бизо положил кожаную коробочку на приборный щиток, поверх нее — приготовленный к инъекции шприц.

— Будьте хорошей девочкой, снимите куртку, закатайте рукав и помогите мне найти вену.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросила Лорри, вместо того чтобы подчиниться.

Он удивил ее, ласково погладив на щеке, словно был тетушкой, старой девой, а она — любимой племянницей.

— Вы очень уж нервничаете, мисси. А когда человек нервничает, любая муха кажется ему слоном. Я собираюсь ввести вам успокоительное, чтобы побудить к большему сотрудничеству.

— А потом?

— Я срежу все ремни безопасности, сделаю из них обвязку и затащу вас на Хоксбилл-роуд.

— Я беременна.

— Этого не видит только слепой, — ответил Бизо и подмигнул. — Опять вы волнуетесь. Обвязку я закреплю на вас так, чтобы не навредить ни вам, ни вашему ребенку. Я не смогу нести вас на руках. Крутой подъем. Слишком тяжело. И опасно.

— А когда мы выберемся на шоссе?

— Я посажу вас в «Хаммер» и отвезу в тихое, безопасное место. А когда придет срок,

вы родите здоровенького мальчугана.

— Вы же не врач, — в голосе Лорри слышался ужас.

— Тревожиться не о чем. Я знаю, что нужно делать.

— Откуда?

— Прочитал об этом большую книгу, — весело ответил он. — У меня есть все необходимые материалы, лекарства и инструменты.

— Господи!

— Ну что вы так злитесь, — он покачал головой. — Вам надо бы изменить отношение к происходящему. Отношение к происходящему — это секрет счастливой жизни. На сей предмет я могу порекомендовать несколько замечательных книг. — Он похлопал Лорри по плечу. — Я сделаю все в лучшем виде, оставлю вас и полной безопасности. Будьте уверены, вас очень скоро найдут. А я и мальчик отправимся навстречу великим путешествиям.

Лишившись дара речи, Лорри лишь смотрела на безумного клоуна.

— Я научу малыша всему, что знаю сам, и, хотя в его венах не течет кровь Бизо, он станет самым известным клоуном своего столетия, — ироничный смешок сорвался с его губ. — На примере моего Панчинелло я понял, что талант не всегда переходит от отца к сыну. Но мне есть чему научить его, есть и огромное желание передать мои знания, поэтому у меня нет сомнений в том, что я сделаю его звездой!

— У меня родится девочка, — попыталась рассеять его надежды Лорри.

Улыбаясь как всегда, он погрозил ей пальчиком.

— Помните, я слушал все ваши разговоры целую неделю? Вы не захотели, чтобы доктор сказал вам, какого пола ребенок.

— А если родится девочка?

— Родится мальчик, — настаивал он, подмигнул, снова подмигнул, подмигивал, пока не понял, что подмигивание вот-вот станет неконтролируемым тиком. — Родится мальчик, потому что мне нужен мальчик.

Она боялась отвернуться от Бизо, но едва выносила ярость и боль, горящие в его глазах.

— Но почему? А-а, понятно. Девочка не может стать великим клоуном.

— Клоунессы есть, — признал он. — Но до величия им далеко. На вершине королевства клоунов есть место только мужчинам.

Лорри поняла: если родится девочка, он убьет их обеих.

— Тут холодно, да и время позднее. Пожалуйста, снимите куртку и закатайте рукав.

— Нет.

Улыбка застыла, потом начала таять. Но усилием воли он вновь заставил губы изогнуться.

— Мне очень не хочется отправлять вас в нокаут одним или двумя ударами. Но я отправлю, если вы не оставите мне выбора. Дело сделано, какой бы ни была причина, и в глубине сердца вы знаете, что должны компенсировать мне потерю. Вы всегда сможете родить еще одного ребенка.

Глава 35

Дверца так и оставалась открытой. В руке я держал булыжник размером с небольшой грейпфрут. Сунулся в кабину «Эксплорера» и, когда стрелок почувствовал мое присутствие и начал поворачивать голову, ударил булыжником в висок, сильно, но не так сильно, как хотелось бы.

Он изумленно вытаращился на меня. А как еще можно отреагировать на чудесное возвращение к жизни пристреленного и утонувшего кондитера?

На мгновение я подумал, что мне придется ударить его еще раз. Но он уже рухнул на руль, лицом нажав на клаксон.

Откинув его на спинку сиденья, гудок тут же оборвался, я посмотрел на Лорри и безмерно обрадовался, увидев, что она вроде бы цела и невредима.

— Никогда больше не буду слушать песню «Пришлите клоунов»[50], — сказала Лорри.

Чем поставила меня в тупик, и не в первый раз.

Она указала на обмякшее тело на водительском сиденье. ' s

— Папашка Панчинелло.

В изумлении я протянул руку, сдернул с его головы шерстяную шапочку.

— Не очень-то он похож на Конрада Бизо...

— Прошло двадцать четыре года плюс пластическая хирургия, — объяснила она.

Замерзшими пальцами я коснулся его шеи, чтобы прощупать пульс. Сердце билось медленно и ровно.

— Что он тут делает? — спросил я.

— Собирает пожертвования для ЮНИСЕФ[51]: кроме того, ему потребовался наш ребенок.

Сердце у меня упало, желудок поднялся, мочевого пузыря перекутило: внутренние органы вдруг решили принять новые позиции.

— Наш ребенок?

— Джимми, об этом я расскажу тебе потом. Схватки не учащаются, но становятся более болезненными, я замерзла.

Ее слова напугали меня больше, чем автоматная стрельба. С Бизо удалось разобраться, а вот от родильного отделения больницы мы были очень и очень далеко.

— Я свяжу его буксировочным тросом и положу на нее сиденье.

— Сможем мы уехать отсюда?

— Не уверен.

— Я тоже. Но мы попытаемся, не так ли?

— Да.

Скорее всего, ей бы не удалось добраться до шоссе о своих двоих. Слишком далеко, слишком крутой клон. В ее состоянии, если б она поскользнулась и неудачно упала, могло начаться кровотечение.

— Если мы поедem, я не хочу, чтобы он оставался с нами.

— Он же будет связан.

— Если и будет, то недолго. Он же не обычный маньяк. Будь он обычным маньяком, я бы посадила его на колени и кормила леденцами. Но он — великий Конрад Бизо. Мне он в машине не нужен.

Я ее понимал.

— Ладно, привяжу его к дереву.

— Хорошо.

— И как только мы доберemся до больницы, сообщу в полицию, и они за ним приедут. Но сейчас ужасно холодно, у него, возможно, сотрясение мозга, так что он может и не выжить.

Лорри бросила на Бизо полный злобы взгляд.

— Будь у меня молоток и гвозди, я бы распяла его на дереве и никому об этом не сказала.

Что ж, это важный урок для злодеев, которые надеются долго и безнаказанно нарушать закон. Нельзя угрожать беременной матери похищением ее еще не родившегося ребенка, особенно если она — дочь женщины, которая разводит змей.

Я взял винтовку, обошел «Эксплорер» сзади, открыл заднюю дверцу, положил винтовку в багажное отделение.

Из ящика для инструмента достал бухту буксировочного троса. Каждый конец был снабжен защелкой и контровочной втулкой.

— Джимми! — нервно позвала меня Лорри. — Он приходит в себя!

Поспешив к распахнутой водительской дверце, я обнаружил, что Бизо стонет и мотает головой.

— Вивасементе, — пробормотал он.

Раньше, прощупывая ему пульс, я положил булыжник рядом с ним. Теперь поднял и хватил безумного клоуна по лбу.

— Сифилитический хорек, свинья из свиней...

С первым ударом я сдерживался, второй раз ударил от души. Он вновь потерял сознание.

Четырьмя годами раньше Панчинелло уже подвиг меня на насилие, и тот факт, что я могу ударить человека, меня не удивил. Сюрпризом стало другое: мне понравилось. От чувства глубокого удовлетворения к лицу прилила кровь, и я врезал Бизо еще раз, хотя необходимости в этом не было.

Я, конечно, человек мирный, и христианские ценности для меня — закон, но какая-то часть меня верит, что сдержанность в реакции на зло аморальна. Справедливость и месть разделены линией, такой же тонкой, как натянутая над манежем проволока, по которой должен пройти воздушный гимнаст. И если ты не удержишь равновесие, тогда ты обречен... независимо от того, упадешь ты вправо или влево от проволоки.

Я выволок Конрада Бизо из кабины «Эксплорера» и подтащил к ближайшей сосне. Далось мне это нелегко, но, полагая, будь он в сознании, я бы просто с ним не справился.

Усадив его спиной к дереву, я расстегнул дубленку, просунул один конец троса в левый рукав, второй в правый, расправил на груди, после чего застегнул дубленку на все пуговицы. Оба конца троса затащил за дерево, натянул как мог, закрепил с помощью защелок и контровочных втулок.

Люфт оставался минимальным. Руки Бизо охватывали дерево, так что он никак не мог добраться до пуговиц дубленки. Последняя, по существу, превратилась в смиренную рубашку, которая давно по нему плакала.

Я вновь проверил пульс на шее. Сердце Бизо билось сильно и ровно.

Вернувшись к «Эксплореру», я надел кожаные перчатки. Смел с сиденья крошки стекла, сел за руль, захлопнул дверцу.

На пассажирском сиденье Лорри обхватила руками низ живота, попеременно втягивала воздух сквозь стиснутые зубы и стонала.

— Хуже? — спросил я.

— Помнишь сцену в «Чужом», когда он вылезал из груди?

На приборном щитке лежал кожаный пенал с двумя шприцами.

— Он хотел вколоть мне эту дрянь, чтобы я во всем его слушалась, — пояснила она.

Ярость вспыхнула во мне белым пламенем, но не имело смысла позволить ей превратиться в лесной пожар.

Я осторожно уложил заполненный янтарной жидкостью шприц в соответствующую выемку, закрыл крышку, застегнул все три «молнии», положил вещественную улику в бардачок.

— Это же незаменимая вещь в семейной жизни. Почему я раньше об этом не подумал? Мне нужна послушная жена.

— Если бы тебе требовалась послушная жена, ты бы на мне не женился.

Я чмокнул ее в щеку.

— Это точно.

— В этот вечер я бы хотела обойтись без новых приключений. Пожалуйста, отвези меня в тихое, безопасное место.

Взявшись за ключ зажигания, я боялся, что двигатель не заведется, что зажавшие «Эксплорер» деревья не выпустят его.

— Бизо собирался сделать обвязку из ремней безопасности и затащить меня наверх точно так же, как затаскивают охотники убитых оленей.

Я хотел выйти из машины и убить его. И молился, чтобы нам не пришлось реализовывать его план.

Глава 36

Со второй попытки двигатель завелся. Я включил фары, а Лорри — обогреватель, чтобы хоть как-то нейтрализовать холодный воздух, который врвался в кабину через разбитое стекло.

Зазор между большущими соснами был достаточно мал, чтобы не позволить внедорожнику скатиться ниже по склону. Но я надеялся, что стволы не зажали борта слишком уж сильно и мощный двигатель «Эксплорера» сможет нас вытащить.

Я придавил педаль газа, и двигатель нутужно заурчал. Колеса проворачивались, металл возмущенно скрипел: деревья держали его крепко.

Я добавил газа, двигатель взвыл. Скрип усилился, к нему прибавилось дребезжание, причина которого оставалась для меня тайной.

«Эксплорер» начал дрожать, как перепуганная лошадь, нога которой провалилась в кроличью норку.

Металл уже не скрипел, а трещал. И звук этот мне совершенно не нравился.

Когда я отпустил педаль газа, «Эксплорер» подался назад на пару дюймов. Я даже не заметил, что внедорожнику удалось-таки сдвинуться с места.

Теперь я то придавливал педаль газа, то отпускал. И «Эксплорер» качался взад-вперед, сдирая со стволов кору.

Легкий поворот руля вправо ничего не дал. А вот когда я повернул руль влево, мы сдвинулись вперед на четыре или пять дюймов, прежде чем снова застрять.

Я опять повернул руль влево, надавил на педаль газа, что-то громко звякнуло, и мы освободились из плена.

— Я надеюсь, что ребенок выйдет из меня так же легко, — прокомментировала Лорри.

— Если что-то изменится, сразу же скажи мне.

— Изменится?

— К примеру, отойдут воды.

— Сладенький, если у меня отойдут воды, ты узнаешь об этом безо всяких слов. Они зальют всю кабину.

Учитывая высоту над уровнем моря, я сомневался, что «Эксплореру» удастся осилить крутой склон, ведущий к шоссе. Однако мне не оставалось ничего другого, как попытаться подняться по нему.

Поначалу угол подъема был невелик, и мы ехали практически прямо, отклоняясь в сторону лишь для того, чтобы огибать деревья да торчащие из земли большие валуны. Проехали с сотню ярдов, прежде чем подъем стал круче, а двигатель начал кашлять.

Вот тут я решил подниматься зигзагом, чтобы снизить нагрузку на двигатель, да и на весь автомобиль. Продвижение по направлению юг-север грозило самоубийством: склон становился все более крутым, так что внедорожник мог опрокинуться в любой момент. А вот перемещаясь влево-вправо под небольшим углом, мы не могли ни застрять, ни перевернуться и пусть медленно, но верно приближались бы к цели.

Эта стратегия требовала осторожности и предельной концентрации. На каждой «полочке» зигзага приводилось рассчитывать угол подъема, с тем чтобы при наименьшем риске продвинуться как можно выше.

Неровности почвы приводили к тому, что «Эксплорер» вдруг начинало раскачивать из стороны в сторону, да так резко, что казалось, еще чуть-чуть и мы перевернемся. Однако, снижая скорость, мне всякий раз удавалось удержать внедорожник на всех четырех колесах. Случалось, я останавливался, испуганный тем, что рулевое колесо грозило вырваться у меня из рук. Внимательно изучал землю под колесами, освещенную фарами, вносил в курс необходимые коррективы.

Когда мы остановились, преодолев половину дистанции, я решился поверить, что мы сумеем добраться до цели.

Да и Лорри, похоже, уже не так сомневалась в благополучном исходе нашего путешествия, потому что нарушила напряженное молчание, воцарившееся в кабине после начала подъема.

— Я не хотела тебе кое-что говорить. Не сожалела, что не сказала, если бы мы умерли этим вечером.

— Что я — бог любви?

— Парни, которые считают себя богами любви, на самом деле эгоистичные выродки. Ты... ты — уютный щенок, к которому так приятно прижаться. Но если бы я сегодня умерла, не сказав тебе этого, то нисколько бы не сожалела.

— Если бы я умер, не услышав этого, то, пожалуй, смог бы это пережить.

— Ты знаешь, родители, дети и любовь могут образовывать такие странные сочетания. Я хочу сказать, родители могут тебя любить, и ты можешь знать, что они тебя любят, и при этом можешь расти таким одиноким, будто вокруг тебя... пустота.

Я не ожидал услышать столь серьезное откровение. Я знал, что откровение это искреннее, потому что почувствовал, какие слова за этим последуют.

— Одной любви недостаточно. Твои родители должны знать, как общаться с тобой и друг с другом. Должны хотеть быть с тобой, а не с кем-то еще. Должны любить свой дом больше любого другого места на всем белом свете. Должны интересоваться тобой больше, чем...

— Змеями и торнадо, — вставил я.

— Господи, я их люблю. Они милые, Джимми, действительно милые, и они желают мне добра. Но они, по большей части, живут внутри себя и держат двери на замке. Ты видишь их главным образом сквозь окна.

По мере того как Лорри говорила, дрожь в ее голосе нарастала, а когда она замолчала, я заполнил паузу:

— Ты — сокровище, Лорри Линн.

— Ты вырос со всем тем, чего я так хотела, о чем всегда грезил. Твои родители живут для тебя, друг для друга, для семьи. Так же, пусть и по-своему, живет бабушка Ровена. Это блаженство, Джимми. И я чертовски благодарна тебе за то, что ты позволил мне войти в этот мир.

Под восхитительной стойкостью духа, под броней красоты и остроумия моя жена — нежная душа и хрупкий цветок. Но увидеть ее такой можно, только когда она этого хочет, потому что обычно предстает перед всеми совсем в другом образе. Однозначно дает понять, что никто и ничто не сумеет взять над ней верх.

Может, внешне я и кажусь кому-то крутым парнем, но внутри я мягкотелый. Очень мягкотелый. Даже, случается, плачу, когда вижу на дороге раздавленную кошку или собаку.

Ее слова лишили меня дара речи. Если б я попытался заговорить, из глаз потекли бы слезы. А в ситуации, когда любая ошибка могла привести к катастрофе, зрение требовалось острое.

К счастью, она продолжила разговор без меня, уже более твердым голосом:

— Ты и представить себе не можешь, Джимми, какая это для меня радость, растить наших детей так, как рос ты, подарить им общество Ровены, Мэдди и Руди, воспитывать их в такой дружной и сплоченной семье.

До дороги нам оставались две или три «полочки» зигзага.

— Мы никогда не говорили о том, сколько у нас будет детей. Сейчас я думаю, что пять. Что ты на это скажешь... как насчет пяти?

Я уже мог говорить без слез.

— Я всегда думал о троих, но после твоей речи думаю о двадцати.

— Давай пока остановимся на пяти.

— Договорились. Один уже готов выскочить из печи, четверых еще нужно замесить.

— Два мальчика и три девочки или три девочки и два мальчика?

— Разве решать нам?

— Я верю, что мы определяем нашу реальность позитивным мышлением. Я уверена, благодаря позитивному мышлению мы получим желаемую комбинацию, хотя в идеале мы должны иметь двух мальчиков, двух девочек и одного гермафродита.

— Ты думаешь, что мы должны стремиться к идеалу?

— Джимми, никаких детей не любят так, как будут любить этих.

— Но избалованными они не вырастут.

— Избалованными — нет. Прабабушка Ровена будет читать нашим детям сказки. И сказки эти укажут им пусть истинный.

Она говорила и говорила, и вскоре я понял, что своими разговорами она помогала мне преодолеть самую последнюю и опасную часть подъема, который успешно завершился на Хоксбилл-роуд.

Глава 37

На шоссе мы выбрались в двадцати футах впереди припаркованного «Хаммера». Последним препятствием стал сугроб на обочине, миновав который мы выехали чуть ли не на чистый асфальт. Впереди два автомобиля расчищали дорогу в город. Грейдер сдвигал снег на обочину, вторая машина разбрасывала соль и золу.

Я следовал за ними на безопасном расстоянии. В такую погоду даже с полицейским эскортом мы не смогли бы добраться до города быстрее.

Ночное небо пряталось за снегопадом, ветер гудел, ревел, бросался белым.

И ребенок, такой же невидимый, как небо, начал проявлять признаки нетерпения, желая освободиться из темницы, в которой провел долгих девять месяцев. Схватки Лорри стали регулярными. По часам она определяла промежутки между схватками, по ее стонам и вскрикам я знал, что интервалы эти сокращаются, и мне очень хотелось, чтобы дорожники прибавили скорости.

Страдающие люди часто ругают боль. По какой-то причине мы верим, что с сильной болью можно справиться только инъекциями или ругательствами. В ту ночь Лорри не позволила слететь с ее губ ни одному грубому слову.

Я свидетель тому, что в повседневной жизни любую царапину или синяк она может обложить по полной программе, так что мало не покажется. Но рождение ребенка — не повседневная жизнь.

Лорри сказала, что не будет ругать боль, вызванную рождением ребенка, чтобы тот не подумал, что его приход в этот мир не является желанным.

Когда стоны и вскрики не могли реализовать ее стремление выразить боль, которую она испытывала, Лорри прибегала к словам, которые описывали некоторые из красот окружающего мира.

— Клубника, подсолнухи, раковины, — шипела она с такой яростью, что любой человек, который не знал английского, мог бы подумать, что она насылает беды и несчастья на голову своего злейшего врага.

К тому времени, когда мы добрались до города и окружной больницы, воды у Лорри еще не отошли, зато пот струился из каждой поры. В этом первый этап родов, похоже, не сильно отличался от колки дров или рытья канавы. Лорри расстегнула куртку, потом сняла ее. Она буквально купалась в поту.

Я припарковался у приемного отделения, вбежал в него, через минуту вернулся с санитаром и креслом-каталкой.

Санитар, веснушчатый молодой человек, которого звали Кори, решил, что Лорри впала в забытие, потому что, пересаживаясь с переднего сиденья «Эксплорера» на каталку, она выстреливала в быстрой последовательности:

— Герань, кока-кола, котята, снег, Рождество, пироги, торты. — Да еще с таким пылом, что напугала его.

По пути в приемное отделение я объяснил ему: слова эти она произносит вместо ругательств, дабы ребенок не подумал, что его не ждут, но, похоже, добился только того, что санитар начал побаиваться и меня.

Я не смог сопровождать Лорри в родильное отделение, прежде всего потому, что должен был показать страховой полис медсестре-регистраторше, которая сидела за столиком в глубине приемного отделения. Я поцеловал жену, она до боли сжала мне руку, шепнула:

— Может, двадцать все-таки много.

К санитару присоединилась медсестра, и вдвоем они покатали Лорри к лифту. А до меня все доносился ее голос:

— Блины «Сюзетта», запеканка, апельсиновый мусс, шоколадное суфле.

Вот я и решил, что она уже готовит нашего ребенка к карьере кондитера.

После того как регистраторша ксерокопировала наш страховой полис и начала заполнять толстую стопку бланков, я воспользовался ее телефоном, чтобы позвонить Хью Фостеру, другу детства моего отца, который стал копом, потому что пекаря из него не вышло.

Он работал в ночную смену, и я застал его в полицейском участке. Когда рассказал о том, что Конрад Бизо, разыскиваемый убийца и неудавшийся похититель младенцев, привязан к дереву в лесу, примерно в четырехстах ярдах от припаркованного «Хаммера», вниз по склону и к западу, услышал от него: «Им займется полиция штата. Это их территория. Я немедленно с ними свяжусь. Но обязательно туда подъеду. По прошествии стольких лет мне хочется лично надеть наручники на этого безумца».

Потом я позвонил родителям, чтобы сказать, что мы в больнице, а у Лорри начались роды.

— Я рисую свинью, — сказала мама, — но, думаю, это может и подождать. Мы приедем как сможем быстро.

— Вам нет нужды ехать в такую погоду.

— Дорогой, мы бы приехали, даже если бы шел дождь из скорпионов и коровьих лепешек, хотя такая поездка не доставила бы нам удовольствия. Быстро нас не жди, потому что сначала мы должны упаковать Ровену в ее новый комбинезон. Ты знаешь, что это целый ритуал, но мы приедем.

После того как регистраторша заполнила все необходимые бланки, я их подписал и от ее стола прошел в родильное отделение.

Комната ожидания отцов значительно изменилась с той ночи, когда я, появляясь на свет, доставил матери столько хлопот. Яркие цвета интерьера уступили место серому ковру, светло-серым стенам и креслам из черного кожзаменителя, словно совет директоров больницы пришел к выводу, что за последние двадцать четыре года отцовство перестало быть радостью.

Регистраторша позвонила в родильное отделение, чтобы предупредить о моем приходе. Медсестра проводила меня в туалет, где я вымылся, следуя полученным инструкциям, и переоделся в зеленую больничную одежду. После этого меня отвели к жене.

Воды у Лорри еще не отошли, но по многим признакам чувствовалось, что роды приближаются. По этой причине, а также из-за того, что более ни одна беременная женщина не решилась ехать в больницу в такую пургу, ее быстренько подготовили к родам в отведенной ей палате и отправили в «родилку».

Когда я вошел, крупная рыжеволосая медсестра измеряла Лорри кровяное давление. Доктор Мелло Мелодион прослушивал стетоскопом сердце.

Мелло габаритами не уступает защитнику футбольной команды, обаятелен, как владелец популярной таверны, и просто хороший человек. Кожа у него темная, как и следует из имени, а услышав его расслабленный, мелодичный голос, можно подумать, что он приехал с Ямайки, поменяв рэгги[52] на медицину. На самом деле родился он в Атланте, в семье профессиональных исполнителей песен в стиле госпел[53].

Убрав стетоскоп, он спросил:

— Джимми, почему приготовленный Ракель по твоему рецепту яблочно-шоколадный торт по вкусу отличается от твоего?

Говорил он про свою жену.

— А где она взяла рецепт?

— Рецепты выдает курорт, если попросить. На прошлой неделе мы ели торт в ресторане.

— Ей следовало спросить меня. Вам выдали исходный рецепт, а я его усовершенствовал. Скажем, добавил по столовой ложке ванили и мускатного ореха.

— Насчет мускатного ореха понятно, но ваниль в шоколадном торте?

— В этом весь секрет, — заверил я его.

— Ку-ку, я здесь, — напомнила нам Лорри.
Я взял ее за руку.
— И ты не поминаешь блины «Сюзетта» и апельсиновый мусс.
— Потому что есть еще более прекрасное слово. Эпидуральная[54]. Потрясающее слово, не так ли?
— Правильно ли я тебя понял... ты добавляешь ваниль в начинку? — спросил Мелло.
— Не в начинку — в тесто.
— В тесто, — повторил он, кивнув.
— Никому не нужно разработать веб-сайт? Я этим занимаюсь. Разрабатываю веб-сайты. И рожаю детей, — сообщила Лорри.
— Создание веб-сайтов — это интересно, дорогая, — заверил ее Мелло Мелодион, — но не так интересно, как творения Джимми. Веб-сайт съесть невозможно.
— Ребенка тоже съесть невозможно, но я лучше рожу ребенка, чем шоколадно-яблочный торт.
— Но я не сомневаюсь, что ты не откажешься от этого торта, после того как родишь ребенка.
Поморщившись, схватившись руками за простыню, которой ее укрыли, Лорри сказала:
— Мне нужно побольше эпидуральности.
— Решать это мне, раз уж я твой врач. Анестезия предназначена для того, чтобы уменьшить боль, а не снять ее полностью.
Лорри посмотрела на меня.
— Я знала, что мы должны обратиться к настоящему врачу.
Мелло тоже повернулся ко мне:
— Так ты добавляешь ваниль к остальным ингредиентам одновременно с какао?
— Нет. Это слишком рано. Ваниль нужно класть в тесто перед яичными желтками.
— Перед яичными желтками, — повторил Мелло. Моя кулинарная стратегия определенно произвела на него впечатление.
Такой вот разговор продолжался, пока у Лорри наконец-то не отошли воды. После этого в центре внимания осталась только она.
Мы с Лорри заранее договорились: никакой видеокамеры. Она полагала, что снимать на видео это благословенное событие непристойно. Я не сомневался, что мне это просто не под силу.
Тем не менее я хотел присутствовать при родах. Во-первых, чтобы разделить с Лорри радость от рождения нашего первенца. Во-вторых, чтобы доказать бабушке Ровене, что не грохнусь в обморок, не упаду на лицо и не сломаю нос, как предсказывала она.
Однако, как только у Лорри отошли воды, в «родилку» вошла медсестра в поскрипывающих туфлях и сказала, что меня зовут к телефону. Звонил капитан Хью Фостер из полицейского участка Сноу-Виллидж. Ему срочно требовалось поговорить со мной.
— Я вернусь через минуту, — пообещал я Лорри. — Без меня не рожай.
— Хорошо, — пообещала она.
Трубку я взял на сестринском посту.
— Что случилось, Хью?
— Он сбежал.
— Кто?
— А ты как думаешь? Бизо!
— Он не мог сбежать. Вы не нашли нужное дерево.
— Извини, Джимми, но я готов поспорить на мою левую ягодицу, что во всем лесу есть только одно дерево, украшенное буксировочным тросом и порванной дубленкой.
Если сосчитать, сколько раз и как глубоко падало мое сердце в ту ночь, в сумме получится та самая глубина, на которой затонул «Титаник».
— Он не мог воспользоваться руками. Они были у него за спиной. И я крепко привязал его. Как он это сделал? Выскользнул из дубленки?

— Похоже на то.

Черный «Хаммер» они нашли на обочине Хоксбилл-роуд, там, где я и сказал.

— Между прочим, мы уже выяснили, что его украли двенадцать дней тому назад в Лас-Вегасе.

Полицейские спустились со склона по следу, оставленному «Эксплорером». Когда выяснили, что Бизо сбежал, хотели вызвать розыскных собак. Но погода не позволяла.

— Без пальто в такой холод ему далеко не уйти, — предсказал Хью. — Весной мы его найдем, мертвым, как динозавры.

— Только не его, — голос мой дрогнул. — Он другой породы. Вроде черта из табакерки. Появляется вновь и вновь.

— Он что, супермен?

— Очень даже может быть.

Хью вздохнул.

— Как минимум на пятьдесят процентов я с тобой согласен, — признался он. — Я уже вызвал четырех своих сотрудников, которые сейчас свободны от службы. Они подъедут в больницу, на всякий случай.

— Сколько им понадобится времени?

— Минут десять. Может, пятнадцать. А пока приглядывай за Лорри. Не думаю, что он появится в больнице, но все может быть. Она уже родила?

— В процессе. Хью, он поселился в доме Недры Ламм, чтобы наблюдать за нами.

— Недра, конечно, женщина странная, но она бы такого не допустила.

— Не думаю, что у нее был выбор. Возможно, он прикинул, что дом Недры не так уж далеко. Если решил, что на «Хаммере» ехать опасно, то мог взять автомобиль Недры.

— Этот отвратительный старый «Плимут Валиант».

— Он в идеальном состоянии, с цепями на колесах.

— Мы проверим, — пообещал Хью. — А теперь возвращайся к своей девочке и проследи, чтобы с ней ничего не случилось до приезда моих парней.

Я положил трубку. Ладони вспотели. Я вытер их о зеленые больничные штаны. ...

Бизо направлялся в больницу. Я это чувствовал. Собирался нанести второй визит в родильное отделение спустя двадцать четыре года с лишним после первого. Но теперь он хотел забрать нашего ребенка.

Глава 38

Я не хотел вводить Лорри в курс дела. Ей и без того хватало забот. Так что не стоило рассказывать еще и о том, что Бизо на свободе.

Однако, если бы я вернулся в «родилку», она, несмотря на боль, застилавшую глаза, обязательно разглядела бы страх на моем лице. И я не мог бы солгать

Лорри, даже для ее блага. Я — масло для ее горячего ножа, она размазала бы меня по гренку в шесть секунд.

Кроме того, доктор Мелло Мелодион, похоже, задал не все вопросы насчет моего шоколадно-яблочного торта, но сейчас времени отвечать на них уже не было.

Я поспешил в комнату ожидания, в которой застрелили доктора Ферриса Макдональда. Тогда, правда, она выглядела иначе. Из этой комнаты Бизо ворвался в само родильное отделение, где и застрелил медицинскую сестру Хансон.

Если преступники действительно возвращаются на место, где совершили преступление, то по пути к нашему младенцу он мог сюда заглянуть.

А мог и не заглянуть.

Я не хотел вверять случаю судьбу моей жены и ребенка.

Вновь вытер ладони о зеленые штаны и через вторую дверь прошел в главный коридор.

Там было очень уж тихо даже для больницы, словно сильный снегопад заглушил все звуки, которые могли долетать снаружи.

По мою правую руку я видел четыре двери, которые, вероятно, вели в различные помещения родильного отделения. За ними — длинное окно, из которого открывался вид в

палату для новорожденных, лежащих в своих кроватках.

В ближнем конце коридора была дверь, над которой светилась надпись: «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД». Она вела на лестницу. Бизо мог подняться по лестнице, пусть она предназначалась для использования в чрезвычайных ситуациях, скажем, при пожаре, и я не увидел бы его, находясь в комнате ожидания для отцов. Так что мне следовало нести вахту именно в коридоре.

«Динь!» Этот едва слышный звук донесся из ниши для лифтов, в самой середине коридора. Кто-то прибыл на третий этаж, где располагалось родильное отделение.

В последнее время мне приходилось так часто задерживать дыхание, что в скором времени я мог бы сменить профессию, переквалифицироваться в ныряльщика за жемчугом.

Из ниши вышел врач в белом халате. Он о чем-то разговаривал с медсестрой, слишком маленькой и женственной, чтобы сойти за Конрада Бизо. Они направились не ко мне, а в другую сторону.

Я подумал, что надо бы пройти к лестнице и проверить, не поднимается ли кто по ней, но я не хотел уходить из коридора.

И где люди Хью Фостера? Им давно уже следовало прибыть в больницу.

Посмотрев на часы, я понял, что трубку положил на рычаг лишь две минуты тому назад. Так что копы еще были в пути.

Когда дожидаясь прихода убийцы, время течет отнюдь не так быстро, как на кухне, где занимаешься любимым делом.

В больнице был один-единственный охранник, который сидел в холле на первом этаже. Я подумал, а не позвать ли его сюда, на третий этаж.

Его звали Верной Тиббит. Шестидесяти восьми лет от роду, с толстым животом, близорукий, без оружия. Его работа заключалась лишь в том, чтобы объяснять посетителям, как пройти в то или иное отделение, помогать колясочникам, приносить кофе женщине, которая сидела за информационной стойкой, да полировать свой жетон.

Я не хотел, чтобы Вернона убили, а женщина за информационной стойкой осталась бы без кофе.

Если Конрад Бизо не мог приехать на танке и проломить стену больницы, он бы все равно явился вооруженным. У меня сложилось впечатление, что с оружием он не расстанется ни днем, ни ночью.

У меня не было пистолета. Не было ножа. Дубинки. Даже рогатки.

Когда я вспомнил о винтовке, которую я взял у Бизо и положил в багажное отделение «Эксплорера», по спине пробежал холодок. В лесу он сменил рожок-магазин, но второй точно не расстрелял. Я тут же представил себя Рэмбо, хотя едва ли мог сравниться фигурой с Сильвестром Сталлоне.

Но сразу понял, что не могу носиться по коридорам, паля во все стороны из автоматической винтовки. Я не работал в больнице, а посетителей в столь поздний час к пациентам уже не пускали.

Я боялся, что меня застрелят, тревожился за рожавшую Лорри, за нашего еще не родившегося ребенка, из-за того, что моя больная левая нога, на которую сегодня выпала слишком уж большая нагрузка, может подвести меня в критический момент. Да еще эта зеленая больничная одежда. Она меня сковывала.

Я снял эластичные бахилы, надетые на лыжные ботинки, но лучше от этого не стало. Я все равно чувствовал себя так, будто оделся для маскарада.

Хэллоуин наступил в этом году на девять месяцев раньше положенного. В любой момент мог прийти клоун-маньяк, без костюма, но все равно страшный.

«Динь!»

Я проглотил адамово яблоко, которое запрыгало в желудке.

После звона в коридоре третьего этажа установилась мертвая тишина. Такая тишина обычно воцарялась на пыльной улочке маленького городка на Диком Западе, когда все горожане уже попрятались по домам и стрелки должны появиться с минуты на минуту.

Но вместо стрелка из ниши с лифтами в коридор вышли папа, мама и бабушка Ровена. Меня поразило, что они прибыли так быстро. Я ждал их как минимум через полчаса. Их присутствие подняло мне настроение и прибавило мужества.

Когда они направились ко мне, приветственно взмахивая руками, я устремился к ним, чтобы обняться со всеми и с каждым.

И тут меня как громом поразило: все, кого я любил — мама, папа, бабушка, Лорри и наш ребенок, — собрались в одном месте. Бизо мог убить их всех одной длинной очередью.

Глава 39

Зимой на улицу бабушка Ровена выходила только в комбинезонах, которые шила сама. Холода она не выносила и свято верила, что одну из прошлых жизней провела на Гавайях. Иногда ей снились сны, в которых она носила ожерелья из ракушек, юбку из травы и танцевала у подножия вулкана.

Она и все остальные жители ее деревни погибли при извержении вулкана. И в результате ей вроде бы следовало бояться огня. Но она подозревала, что в другой и в более недавней прошлой жизни была эскимоской, которая умерла, когда нарты, на которых ее везла собачья упряжка, попали в жуткий буран и ей не удалось найти обратную дорогу к иглу.

В белом комбинезоне с капюшоном, плотно облегающим голову, и «молнией», застегнутой до самого подбородка, так что открытым оставалось только лицо, бабушка Ровена вперевалячку шла ко мне, раскрыв руки для объятия. Я не мог решить, кого она больше напоминает — трехлетнего малыша, одетого для зимней прогулки, или снеговика из рекламного ролика компании «Мишелин».

Ни мама, ни папа не любили яркой одежды, а если бы и любили, то не стали бы надевать ее в таких случаях, как в этот день, когда бабушка хотела быть в центре внимания.

Они забросали меня вопросами. Конечно, их волновало, как там Лорри и ребенок, но я прежде всего предупредил их о возвращении Бизо. Они тут же сгрудились вокруг меня с решимостью преторианских гвардейцев, словно всю жизнь только и защищались от маньяков-убийц.

Пожалуй, я бы испугался гораздо меньше, если бы они выказали страх. И испытал чувство безмерного облегчения, когда через несколько минут появился первый из полицейских Хью Фостера, вооруженный и в форме.

Скоро один из копов расположился у лестницы, еще двое патрулировали коридор, из которого можно было попасть в родильное отделение, а четвертый занял позицию в нише у лифтов.

Последний из них сообщил, что Недра Ламм найдена убитой в своем доме. Предварительный осмотр тела показал, что ее задушили.

Я уже устроил своих родственников в комнате ожидания для отцов, когда подошедшая медсестра сказала, что Лорри все еще рожает, а Хью Фостер хочет еще раз поговорить со мной по телефону.

Оставив маму, папу и бабушку заботам копов, я направился к сестринскому посту.

Хью по натуре веселый и энергичный человек. Даже в маленьком городке коп видит гораздо больше крови и ужасов, чем обычный гражданин. И куда как чаще сталкивается со смертью, скажем, в результате автомобильных аварий. Но никогда раньше работа не повергала Хью Фостера в такой шок.

По голосу чувствовалось, что он страшно зол, расстроен, его просто тошнит от увиденного. Несколько раз ему пришлось замолкать и брать себя в руки, прежде чем он мог продолжить рассказ.

Недру Ламм нашли задушенной, как и сообщил нам патрульный Паолини, да только пока никто не мог сказать, в какой именно момент она умерла и какие муки ей пришлось вытерпеть при жизни.

Недра Ламм, женщина во всех отношениях странная и гордящаяся своей независимостью, сама охотилась на оленей и держала в подвале огромный морозильник, набитый олениной. Конрад Бизо выложил оленину на заднее крыльцо, а в морозильник

засунул саму Недру.

Но прежде чем заморозить ее, раздел догола и разрисовал все тело, спереди и сзади, от шеи до кончиков пальцев, яркими цветами клоунского костюма, где-то в полоску, где-то в горошек.

Возможно, когда она еще была жива.

С помощью грима разрисовал и лицо, Превратив его в клоунскую маску. Зачернил три зуба, позеленил язык.

В ящике кухонного стола он нашел кулинарный шприц с резиновой грушей. Снял ее, выкрасил красным цветом и натянул на нос Недры.

Грим накладывался не второпях. Судя по всему, Бизо потратил массу времени, уделяя особое внимание мелочам.

Возможно, тело и лицо он раскрашивал ей при жизни, но она точно умерла к тому моменту, когда он ниткой сшил ей веки и нарисовал на них звезды.

Наконец выбрал рога из коллекции, что хранилась в гараже Недры, и привязал их к ее голове. В морозильник засунул женщину с рогами на голове, расположил лицом к дверце, чтобы она словно приветствовала тех, кто мог ее найти. Для этого кувалдой переломал ей ноги в нескольких местах. Иначе в морозильник она не влезала.

— Джимми, клянусь тебе, он полагал, что это забавно, — сказал Хью Фостер. — Думал, что тот, кто откроет морозильник, рассмеется, что еще много лет мы будем хихикать, вспоминая Недру в клоунском раскрасе, и говорить о том, каким непревзойденным шутником был этот Бизо.

Я стоял у сестринского поста, а меня вдруг начал бить озноб. Даже в лесу, в пургу, мне не было так холодно.

— Так вот, — продолжил Хью, — ничего у этого безумца не вышло. Никто из нас не рассмеялся. Даже не улыбнулся. Один молодой коп выбежал из дома и блеванул во дворе.

— Где Бизо, Хью?

— Надеюсь, замерз в лесу.

— Он не вернулся за «Плимутом» Недры?

— «Плимут» в гараже.

— В лесу он не остался, Хью.

— Может, и нет, — не стал спорить Фостер.

— Если он добрался до Хоксбилл-роуд и кто-то проезжал мимо, его, скорее всего, подвезли.

— Да кто мог остановиться, чтобы посадить его в свою машину?

— Ни один добропорядочный гражданин не проехал бы мимо в такую ночь. Ты видишь парня, одетого не по погоде, может, стоящего у «Хаммера». Сразу думаешь о том, что автомобиль сломался и, если ты не подвезешь этого парня, он наверняка замерзнет. У тебя не возникнет мысль: «Лучше не подвозить его, он выглядит как клоун-убийца».

— Если кто-то его подвез, тогда теперь у него есть автомобиль.

— А труп владельца лежит в багажнике.

— За последние тридцать лет все убийства в городе — дело рук этого подонка и его сына.

— Что теперь?

— Полиция штата думает перекрыть дороги. За пределы округа можно выехать только по пяти, и снег нам помогает.

— Он не уедет сегодня, — предсказал я. — Не закончил одно дельце.

— Я уверен, что в этом ты не прав.

— У меня встроенный духовочный таймер.

— У тебя что?

— Если я что-то готовлю в духовке, то проверяю выпечку за пять секунд до того, как звенит таймер. Всегда. Я интуитивно чувствую, когда она готова, а когда — нет. Бизо не закончил своего дела.

— Это у тебя от отца. Он с легкостью мог бы стать как хорошим копом, так и пекарем. Ты, должно быть, тоже. Это у меня не было выбора.

— Я боюсь, Хью.

— Само собой. Я тоже.

Когда я положил трубку, подошла медсестра, чтобы сказать, что Лорри родила. «Без осложнений» — по словам медсестры.

Мне хотелось ее расцеловать.

В «родилке» рыжеволосая медсестра стояла в углу, над раковиной, мыла наше маленькое чудо. Мелло Мелодион ждал, когда из Лорри выйдет послед, мягко массировал ей нижнюю часть живота, чтобы контролировать поток крови.

Возможно, я бы мог стать копом, как стал пекарем, но вот врача из меня не получилось бы. Да и хорошего пациента тоже.

Только одно помешало мне потерять сознание, упасть лицом вниз и сломать нос: уверенность, что бабушка Ровена тут же придет сюда и все сфотографирует. В кармане комбинезона она всегда держала «мыльницу».

И потом, по фотографии, вышьет сцену моего позора на подушке и поместит ее на самое почетное место в гостиной.

Изголовье кровати, на которой рожала Лорри, приподняли, так что она наполовину сидела. Пот покрывал усталое, изнуренное... и сияющее лицо.

— А вот и ты. Я подумала, может, ты пошел пообедать.

Я облизнул губы, похлопал себя по животу.

— Нью-йоркский стейк, вареный картофель, кукуруза в сливочном соусе, салат из шинкованной капусты с перцем и кусок шоколадного торта.

— Когда ты готовишь шоколадный торт, — спросил Мелло Мелодион, — ты всегда берешь миндаль или его можно заменить грецким орехом?

— Святой боже, что должна сделать женщина, чтобы хоть здесь стать главным действующим лицом?

И тут же из нее вышел послед. Конечно, это не роды, но тоже зрелище не для слабонервных.

Меня качнуло, я схватил ее за руку, а она сказала:

— Можешь опереться на меня, здоровяк.

На что я искренне ответил:

— Спасибо.

А тут и рыжеволосая медсестра принесла младенца, помытого, розового, завернутого в белую пеленку.

— Мистер Ток, поздоровайтесь с вашей дочерью.

Лорри держала на руках этот драгоценный сверток, тогда как я застыл, парализованный и лишившийся дара речи. Девять месяцев я знал, каким будет финал, и все равно не мог поверить своим глазам.

Для мальчика мы выбрали имя Энди, для девочки — Энн.

У Энн были золотистые волосики. Идеальный носик. Идеальные глазки, подбородок, крошечные ручки.

Я подумал о Недре в морозильнике, о Панчинелло в тюрьме, о Конраде Бизо, скрывающемся в зимней ночи, и задался вопросом: да как я посмел привести столь хрупкого и ранимого младенца в такой страшный мир, как наш, мир, который год от года становится только страшнее?

Впрочем, у моего отца есть поговорка, которая, по его словам, помогает примириться если не с жестокой, то, по меньшей мере, безразличной окружающей средой. Я слышал ее тысячу раз: «Где есть пирог, есть надежда. А пирог есть всегда».

Несмотря на Конрада Бизо, несмотря на все тревоги, мои глаза наполнились слезами радости, и я сказал:

— Добро пожаловать в этот мир, Энни Ток.

Глава 40

Как вы, возможно, помните, Энни родилась в понедельник вечером, 12 января 1998 года, ровно за неделю до второго ужасного дня, предсказанного дедушкой Джозефом.

Следующая неделя стала самой длинной в моей жизни. Приходилось ждать, когда же упадет еще одна большая клоунская туфля.

Пурга миновала. Небо стало светло-синим, знакомым для тех, кто живет на большой высоте над уровнем моря, чистым и таким близким, что до него, казалось, можно дотянуться рукой.

Поскольку Бизо оставался на свободе, ужасный день только приближался, а наш дом на Хоксбилл-роуд находился в достаточно пустынном месте, мы остались в городе, у родителей.

Само собой, больше всего мы боялись, что Энни, только-только родившуюся, у нас отнимут так или иначе.

И мы готовились к тому, что умрем, но этого не допустим.

Поскольку Хью Фостер знал о предсказаниях моего деда и об их точности, полиция Сноу-Виллидж взяла дом моих родителей под круглосуточную охрану, начиная с утра среды, когда я привез домой Лорри и Энни. Собственно, и из больницы мы приехали на патрульной машине.

Полицейские дежурили по восемь часов. Каждый час один из них обходил дом, проверяя окна и двери, поглядывая на улицу и соседские дома.

Отец ходил на работу, но я взял отпуск и сидел дома. Разумеется, когда напряжение начинало сводить меня с ума, шел на кухню и что-нибудь пек.

Все копы в качестве командного пункта выбирали кухню, и к четвергу они пришли к единому мнению, что никогда в жизни им не удавалось так хорошо и вкусно поесть.

В тяжелые времена соседи обычно выражают сочувствие и поддержку тем, что приносят еду. В нашем случае соседи слишком хорошо нас знали, чтобы приносить обычные запеканки или домашние пирожки.

Вместо этого они приносили ди-ви-ди. Уж не знаю, самостоятельно ли они пришли к выводу, что в наш насыщенный информацией век в час беды ди-ви-ди становится приемлемым заменителем пищи, или провели организационное собрание, но к пятнице наши потребности в ди-ви-ди были удовлетворены на два года вперед.

Бабушка Ровена выбрала все фильмы со Шварценеггером и смотрела их одна, в своей спальне, за закрытой дверью.

Остальные ди-ви-ди мы сложили в коробку в углу гостиной и надолго о них забыли.

Мама закончила рисовать свинью и взялась за портрет малышки. Может, она слишком долго рисовала исключительно представителей фауны, потому что на ее новой картине наша очаровательная девочка приобрела несомненное сходство с кроликом.

Энни отнимала у нас не так много времени, как я ожидал. Показала себя идеальным ребенком. Не плакала, не требовала особого внимания. Спала всю ночь (я говорю про ночь пекаря, с девяти утра до четырех пополудни) крепче, чем любой из нас.

Я даже хотел, чтобы она активнее давала о себе знать и тем самым отвлекала от мыслей о где-то затаившемся Бизо.

Пусть в доме круглосуточно находился полицейский, я радовался, что приобрел пистолет и научился из него стрелять.

Я заметил, что Лорри постоянно держит под рукой острый нож и яблоко, которое она, по ее словам, собиралась «в скором времени» порезать и съесть. К субботе яблоко пожухло, и она заменила его на грушу.

Обычно чистят и режут фрукт специальным ножом с небольшим лезвием. Лорри же предпочла мясницкий тесак.

Папа, благослови Господь его душу, принес домой две бейсбольные биты. Не современные алюминиевые, а увесистые деревянные, «Луисвилль слаггертс». Он никогда не проявлял интереса к оружию, и учиться стрелять времени у него не было. Одну биту он отдал маме.

Никто не спросил его, почему он не принес третью битку, для бабушки. Каждый из нас мог найти логичное объяснение такому решению.

Наконец наступил ужасный день.

Понедельник у отца был выходным, и с полуночи воскресенья до зари 19 января мы вшестером просидели в столовой. Подкреплялись пирожными, пирогами, тортами и черным кофе.

Шторы держали плотно задернутыми. Как-то пытались поддерживать общий разговор, но частенько умолкали и, склонив голову набок, прислушивались к звукам в других комнатах и шуму ветра за окнами.

Заря пришла одна, без клоуна.

Небо вновь затянули облака.

Сменились полицейские. Закончивший вахту увез с собой пакет пирожных. Заступивший привез с собой пустой пакет.

Весь мир отправлялся на работу, мы же стали готовиться ко сну. Заснуть, правда, удалось только бабушке и малютке.

Утро понедельника прошло без происшествий.

Наступил полдень, пошла вторая половина дня.

В четыре часа полицейские вновь сменились, а еще через час начали сгущаться ранние зимние сумерки.

Отсутствие каких-либо событий не успокоило меня. Наоборот, еще больше встревожило. И когда до конца 19 января оставалось каких-то шесть часов, мои нервы напоминали натянутые струны.

В таком состоянии если бы я воспользовался пистолетом, то прострелил бы себе ногу. И этот момент семейной истории бабушка обязательно запечатлела бы на очередной подушке.

В семь часов Хью Фостер позвонил мне, чтобы сообщить, что горит наш дом на Хоксбилл-роуд. Пожарные говорили, что интенсивность огня однозначно указывает на поджог.

У меня возникло желание сесть в машину и мчаться к пожарищу, быть там, что-то сделать.

Но патрульный Паолини, он нес вахту в нашем доме, резонно указал, что Бизо, скорее всего, устроил пожар, чтобы выманить меня из дома. И я остался с моей женой, дочерью, хорошо вооруженной семьей.

К восьми часам мы узнали, что дом наш сгорел дотла и от него остались одни угли. Вероятно, прежде чем чиркнуть спичкой, внутри все щедро залили бензином.

Спасти ничего не удалось. Ни мебель, ни кухонную посуду, ни одежду, ни сувениры и фотографии.

Мы вернулись в столовую, на этот раз для того, чтобы пообедать, по-прежнему в тревоге, по-прежнему готовые отразить атаку врага. В одиннадцатом часу появилась надежда: а может, худшее осталось позади?

Потерять дом и все имущество, конечно же, радости мало, все так, но лучше, чем получить две пули в ногу, и гораздо лучше похищения очаровательной дочурки безумным маньяком.

И такая сделка с судьбой нас, пожалуй, устроила: возьми дом и все наши вещи, мы в обиде не будем, если ничего страшного не случится до третьего из ужасных дней, предсказанных дедушкой Джозефом: понедельника, 23 декабря 2002 года. Цена за почти четыре года покоя была не так уж и высока.

В одиннадцать часов мы шестеро и даже патрульный Паолини, который, как положено, обошел дом, проверив все окна и двери, решили, что судьба приняла предложенную сделку. В разговоре за столом начали появляться праздничные нотки.

Хью позвонил, чтобы успокоить нас, но желания разлить по бокалам шампанское у нас не возникло.

Когда пожарные сворачивали рукава и готовились к отъезду, один из них обратил

внимание на открытую дверцу почтового ящика, который стоял у поворота на подъездную дорожку к нашему дому. В ящике он нашел стеклянную банку с закручивающейся крышкой. В банке лежал сложенный листок бумаги.

Адресовалась записка нам, по почерку полиция установила, что ее автор — Конрад Бизо. Тем же почерком он заполнял бланки в больнице, куда привез свою жену Натали в ночь моего рождения. Записка не обещала нам ничего хорошего: «ЕСЛИ У ВАС РОДИТСЯ МАЛЬЧИК, Я ЗА НИМ ПРИДУ».

Часть 4

Я хотел лишь бессмертия.

Глава 41

Никто не должен жить в страхе. Мы рождаемся, чтобы удивляться, радоваться, любить, задумываться над чудом творения, восхищаться красотами окружающего мира, искать истину и смысл жизни, обретать мудрость, своим отношением к другим освещать уголок, в котором живем.

От одного лишь существования Конрада Бизо мир становился более мрачным, но мы жили в свете, а не в тени, которую он отбрасывал.

Никто не может гарантировать тебе счастья. Счастье — это выбор, который может сделать каждый. Пирог есть всегда...

После того как в январе 1998 года наш дом сгорел, Лорри, Энни и я на несколько недель переехали к родителям.

Хью Фостер не ошибся, предположив, что в доме сгорела мебель, кухонная посуда, книги и одежда.

Но на пожарище удалось отыскать три дорогие для нас вещицы. Кулон-камею, который я подарил Лорри. Хрустальное украшение для рождественской елки, которое она купила в магазине сувениров в Кармеле, штат Калифорния, где мы провели медовый месяц. И контрамарку в цирк, на оборотной стороне которой мой отец записал пять дат.

Лицевая сторона контрамарки сильно пострадала от воды. Слова «НА ДВА ЛИЦА» и «БЕСПЛАТНО» исчезли. Только несколько фрагментов львов и слонов выжили, оставшись между черными пятнами сажи.

А вот надпись в самом низу контрамарки, «ГОТОВЬТЕСЬ УВИДЕТЬ НЕЧТО», как это ни странно, сохранилась полностью. Теперь она, однако, звучала зловеще, несла в себе некую угрозу.

Что удивительно, оборотная сторона контрамарки вообще не пострадала ни от огня, ни от воды. На этой стороне, слегка пожелтевшей от времени, легко читались все пять дат, которые записал отец под диктовку деда.

Контрамарка пахла дымом. Подписываться под этим, пожалуй, не стану, но мне показалось, что, помимо дыма, она пахла серой.

В начале марта мы начали подыскивать себе новый дом, на этот раз в том самом районе, где жили родители. И в конце месяца на продажу был выставлен соседний дом.

Если нам дается знамение свыше, мы его видим. Продавцы получили от нас предложение, от которого не могли отказаться, и 15 мая мы подписали все документы.

Будь мы богачами, то смогли бы купить несколько домов, окруженных стеной, с единственными воротами для въезда, охраняемыми круглые сутки. Но дом рядом с родительским стал для нас подарком судьбы.

Наша жизнь после появления Энни практически не изменилась, разве что больше внимания приходилось уделять писям и какам. И меня сильно раздражала несправедливость решений комитета по Нобелевским премиям. Они награждали таких одиозных личностей, как Ясир Арафат, но год за годом не желали удостоить заслуженной награды человека, который изобрел одноразовые подгузники на липучках.

Энни не пришлось отлучать от груди. В пять месяцев она решительно отказалась брать в рот предложенный сосок и настояла на кулинарном разнообразии.

Смышленная девочка, первое слово она произнесла еще до Рождества того же года. Если

верить Лорри и моей матери, случилось это двадцать второго декабря, и сказала она: «Мама». Если моему отцу — двадцать первого, и произнесла она не одно, а два слова: «Шоколадный сабайон»[55]!

На Рождество она сказала: «Папа». Других подарков, полученных в тот год, я не помню.

Какое-то время бабушка вышивала кроликов, котят, щенков и других существ, которые радовали глаз ребенка. Но скоро такая благостность ей надоела, и она переключилась на рептилий.

21 марта 1999 года, когда Энни было четырнадцать месяцев, я отвез Лорри в больницу, в хорошую погоду и без происшествий, и она родила Люси Джин.

Когда вышел послед, через несколько мгновений после того, как Мелло Мелодион перевязал и отрезал пуповину, он поздравил Лорри: «Легче, чем в прошлый раз. Так ловко, как опытная кобыла рождает жеребенка».

— Как только ты дотянешь фургон до дома, — пообещал я Лорри, — я угощу тебя отборным овсом.

— Смейся, пока можешь, — ответила она, — потому что теперь ты — единственный мужчина в доме трех женщин. И нас достаточно для того, чтобы организовать шабаш.

— Я не боюсь. Что еще может случиться со мной? Я уже заколдован.

Конрад Бизо наверняка имел возможность следить за нами издали. Иначе и быть не могло, учитывая его приезд в Сноу-Виллидж аккурат к рождению Энни. Если так, на этот раз он не рискнул показываться до того момента, как появится полная ясность с полем ребенка.

И пусть я хотел, чтобы когда-нибудь у меня появился сын, я бы не стал возражать, рождайся только дочери, пять, а то и десять, поскольку в этом случае нам не грозила очередная встреча с маньяком-клоуном.

На случай, если судьба и дальше будет баловать нас только девочками, я начал со всей серьезностью относиться к урокам бальных танцев, которые периодически давала мне Лорри. Если уж мне предстояло выдавать замуж пять дочерей, я мог лишиться многих приятных воспоминаний, не умея танцевать фокстрот.

И, как ни странно, учеба у меня пошла на удивление хорошо, учитывая, что я крупноват для своего размера и вообще увалень. Конечно, на лавры Фреда Астера[56] я претендовать не мог, но если бы вы позволили покружить вас по танцполу под Моцарта или Бенни Гудмана, мыслей о том, что вы танцуете с медведем, не возникло бы.

Но 14 июля 2000 года, после того, как я уже научился танцевать, судьба одним ударом выбила землю у меня из-под ног, подарив мне сына и дав повод безумному клоуну выполнить обещание, зафиксированное в записке, которую он оставил в стеклянной банке с завинчивающейся крышкой.

Появившись из чрева матери, маленький Энди на шлепок Мелло Мелодиона по попке ответил не обычным для младенца криком удивления и испуга. Он протестующе заревел и, если бы умел говорить, точно обрушил бы на доктора поток проклятий.

Я же сразу озабочился одной особенностью телосложения малыша и привлек к этому внимание Мелло:

— Слушай, она у него такая... крошечная.

— Кто она? .

— Пипи.

— Ты называешь это пипи?

— Ну... в медицинской школе пользуются другим термином.

— Эта штучка у него обычного размера, — заверил меня Мелло, — и достаточно большая для тех функций, которые ей положено выполнять в ближайшем будущем.

— Мой муж — идиот, — в голосе Лорри слышалась любовь. — Джимми, дорогой, единственный мальчик, который родится с хозяйством, размеры которого соответствуют твоим ожиданиям, будет еще и с рогами, потому что станет Антихристом.

— Что ж, я рад, что он — не Антихрист. Опять же, не придется покупать подгузники на два размера больше.

Но даже в этот счастливый момент мы думали о Бизо. Однако не собирались дрожать как осиновый лист. Смеялись, не желая позволить безумному клоуну омрачить нашу радость.

Глава 42

Став новым начальником полиции, Хью Фостер обеспечил охрану Лорри и Энди в больнице. Охранники (полицейские в свободное от службы время, в штатском) получили инструкции привлекать к себе как можно меньше внимания.

Через полтора дня, когда я привез супругу и малыша домой, еще один полицейский уже дежурил в нашем доме.

По распоряжению Фостера копы несли у нас двенадцатичасовые вахты. Приезжали и уезжали, по возможности незаметно, прячась на заднем сиденье автомобиля, моего или отца.

Хью руководствовался не только заботой о нас, но и желанием поймать Конрада Бизо.

После нервной недели, в течение которой клоун не появился, Хью больше не мог тратить деньги налогоплательщиков, обеспечивая нам защиту.

Кроме того, если его подсевшие на иглу выпечки люди набрали бы чуть больший вес, они не смогли бы застегнуть штаны.

На три следующие недели папа, мама и бабушка переехали к нам. Полагая, что увеличение численности повышает безопасность.

Мы воспользовались также услугами коллег из Колорадской гильдии пекарей и кондитеров. Эти парни тоже прибавили в весе, но, будучи опытными пекарями и кондитерами, они носили штаны с растягивающейся резинкой вместо ремня.

К концу месяца люди гильдии сделали все, что могли, и отбыли.

Также перебрались домой папа, мама и бабушка Ровена.

Мы начали думать, что Конрад Бизо мертв. С учетом ненависти, которую он питал к миру, его паранойи, наглости, склонности к самоубийственным поступкам, он должен был погибнуть давным-давно.

Если он и не умер, то мог стать пациентом закрытой психиатрической лечебницы. Возможно, слишком часто менял облик, и теперь у него произошло расщепление личности и он поверил, что он не только Конрад Бизо, но еще и множество разных людей, вместе взятых.

Хотя я опасался, что беда придет в тот самый момент, когда мы успокоимся и решим, что Бизо сгинул навсегда, мы не могли пребывать в тревоге до конца наших дней на земле. Потому что тревога эта быстро превращалась в непосильный груз.

Вот и приняли единственно верное решение — вернулись к прежней жизни.

К 14 июля 2001 года, когда Энди отметил свой первый день рождения, мы почувствовали, что уже пересекли границу между миром, где обитал Бизо, и миром, свободным от безумного клоуна.

Жизнь наша, и без того хорошая, становилась только лучше. Энни, три с половиной года, давно уже научилась справлять нужду в положенном месте. Люси, разменявшая третий год, только что перебралась с горшка на детское сиденье на унитазе для взрослых, и ей перемена эта очень даже нравилась. Энди знал, для чего предназначен горшок... и терпеть его не мог... пока не начал обращать внимание на то, с какой гордостью Люси забиралась на настоящий трон.

Энни и Люси делили комнату, которая находилась напротив нашей спальни. Энни нравилось желтое, Люси — розовое. Вот мы и разрисовали комнату в два цвета, с разделительной линией посередине.

Уже превратившись в сорванца, Энни пренебрежительно называла половину комнаты Люси «девчачьей». Еще не овладев мастерством сарказма, Люси называла половину комнаты Энни «глупым лимоном».

Обе девочки верили, что в их стенном шкафу живет чудовище.

Согласно Люси, у этого чудовища было много волос и большие зубы. Она говорила, что чудовище пожирает детей, а потом их выблевывает. Люси боялась, что ее сожрут, но еще больше боялась, что ее выблюют.

В свои двадцать восемь месяцев она ставила во главу угла чистоту и порядок, хотя

большинство малышей ее возраста даже не понимали, а что это такое. На ее половине комнаты все вещи лежали на положенных им местах. Когда я застилал ее кровать, она всегда была рядом, расправляла складки на покрывале.

Мы решили, что Люси станет или блестящим математиком, или известным на весь мир архитектором, или объектом пристального внимания психологов, изучающих феномен абсолютного неприятия беспорядка.

Если Люси обожала порядок, то Энни души не чаяла в беспорядке. Когда я застилал ее кровать, она следовала за мной, сменяя ее, чтобы придать более естественный вид.

Согласно Энни, чудовище в шкафу было чешуйчатым, со множеством мелких зубов, красными глазами и выкрашенными в синий цвет когтями. Ее чудовище, как и монстр Люси, ело детей, но не глотая целиком, а пережевывая кусочек за кусочком.

Хотя мы заверяли девочек, что никаких чудовищ в стенном шкафу нет и быть не может, все родители знают, что такие заверения никакого эффекта не дают.

Лорри на компьютере написала специальное объявление, раскрасила в черно-красные цвета, отпечатала на принтере и закрепила его на обратной стороне дверцы шкафа: «ЧУДОВИЩА, ВНИМАНИЕ! ВАМ НЕ РАЗРЕШЕНО ВХОДИТЬ В ЭТУ СПАЛЬНЮ! ЕСЛИ ВЫ ВОЙДЕТЕ ЧЕРЕЗ ЩЕЛОЧКУ В ПОЛУ СТЕННОГО ШКАФА, ТО ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО ВЫЙТИ ТЕМ ЖЕ ПУТЕМ! ТАКИМ, КАК ВЫ, ВХОД В НАШ ДОМ ЗАПРЕЩЕН».

Объявление это на какое-то время успокоило девочек. Но иррациональные страхи, как известно, очень навязчивы.

И не только у детей. В нашем мире многими государствами правят безумцы, жаждущие заполучить атомное оружие, но великое множество людей боится избытка жира в потребляемых ими продуктах и одной десятимиллионной доли пестицидов в яблочном соке куда больше, чем попадания атомной бомбы в руки этих безумцев.

Чтобы еще больше успокоить девочек, мы поставили капитана Пушистика, плюшевого медвежонка в военной фуражке, на стул у двери стенного шкафа. Капитан служил часовым, который защищал их от чудовищ.

— Он всего лишь глупый медвежонок, — заявила Энни.

— Да. Глупый, — согласилась Люси.

— Он не испугает чудовищ, — продолжила Энни. — Они его съедят.

— Да, — кивнула Люси. — Сожрут, и их им вырвет.

— Наоборот, — заверила дочерей Лорри, — капитан очень умный, и многие поколения его предков сотни лет охраняли маленьких девочек. Чудовищам не удалось съесть ни одного ребенка, находившегося под их охраной.

— Ни одного? — в голосе Энни слышалось сомнение.

— Ни одного, — поддержал я жену.

— Может, кого-то съели, но медведи в этом не признаются, — стояла на своем Энни.

— Да, не признаются, — поддакнула Люси.

— Разве капитан Пушистик похож на лгуна? — спросила Лорри.

Энни внимательно всмотрелась в медвежонка.

— Нет. Но прабабушка Ровена тоже не похожа на лгунью, а дедушка говорит, что не знает ни одного человека, который бы умер, пукнув, как рассказывает она.

— Да, умер, пукнув, — ввернула Люси.

— Дедушка никогда не обвинял прабабушку в том, что она лжет. Он просто говорил, что она иногда склонна к преувеличениям.

— Капитан Пушистик не выглядит лгуном, и он не лгун, — твердо заявила Лорри, — поэтому вы должны перед ним извиниться.

Энни пожевала нижнюю губу.

— Извини, капитан Пушистик.

— Да. Извини, — последовала примеру сестры Люси.

Уложив девочек спать, мы не только оставляли включенным ночник в форме Винни-

Пуха, но и снабдили каждую маленьким ручным фонариком. Всем известно, что луч света заставляет исчезнуть любое чудовище, как блюющее, так и жующее.

Прошло двенадцать месяцев, целый год, полный приятных воспоминаний, безо всякого ужаса.

Хотя три из пяти дат, перечисленных на оборотной стороне контрамарки, оставались в будущем, мы не могли предположить, что предстоящие испытания будут каким-то образом связаны с Конрадом Бизо. Благоразумие говорило, что мы должны сосредоточиться на угрозах, источник которых никак не связан ни с безумным клоуном, ни с его находящимся в тюрьме сыном.

С ночи моего рождения прошло двадцать восемь лет. Если Бизо еще не умер, его возраст приближался к шестидесяти годам. Он мог быть столь же безумным, что и очумевшая от беганья по лабиринту лабораторная крыса, но время должно было отразиться на нем, как отражалось на всех остальных. Ненависть его, как и ярость, наверняка пылали уже не столь ярким пламенем.

На исходе лета 2002 года я все больше склонялся к мысли, что новой встречи с Конрадом Бизо у меня не будет.

В сентябре, когда Энди исполнилось двадцать шесть месяцев, у него появилось свое обитающее в стенном шкафу чудовище. Поедающий детей клоун.

Нетрудно представить себе нашу реакцию. Пусть наш дом не очень-то для этого подходил, мы связались с соответствующей фирмой, которая установила охранную сигнализацию, с датчиками на всех окнах и дверях.

Мы никогда не рассказывали детям ни о Конраде Бизо и Панчинелло, ни о том, сколько они принесли нам горестей, ни об их угрозах. Энни, Люси и Энди были еще слишком малы, чтобы понять эту мрачную историю, чтобы взвалить на свои хрупкие плечики такой груз. В их возрасте они могли справиться только с чудовищами в шкафу.

Мы предположили, что они слышали часть истории от кого-то из соседских детей. Но вероятность такого варианта была очень мала, потому что наши дети играли с соседскими только в нашем присутствии.

Мы не позволяли себе поверить на все сто процентов в смерть Конрада Бизо, от старости или в кровавой разборке, вот почему один из нас всегда находился рядом с детьми, когда они играли. Зачастую компанию мне или Лорри составлял кто-то из моих родителей. Мы наблюдали. Слушали. И, конечно же, слышали бы, если бы кто-то из соседских детей заговорил о безумном клоуне.

Может, Энди увидел плохого клоуна в кино, по телевизору, в мультфильме. Хотя мы контролировали развлекательные программы, которые они смотрели, и старались уберечь их от вакханалии насилия, захлестнувшей телевидение, где-то мы могли не уследить, вот впечатлительный Энди и сумел увидеть злого клоуна с бензопилой.

Мальчик никак не объяснял причину своего страха. С его точки зрения, все было предельно просто.

Есть клоун.

Клоун плохой.

Плохой клоун хочет его съесть.

Плохой клоун прячется в стенном шкафу.

Если он заснет, плохой клоун начнет его жевать.

— Разве вы его не чувствуете?

Мы его не чуяли.

На обратной стороне двери стенного шкафа мы повесили бумагу, запрещающую клоуну-людоеду входить в комнату. Мы подарили Энди плюшевого медведя, которого назвали сержант Смышленный, которого определили на ту же роль, что и капитана Пушистика. Энди получил также и личный фонарик, луч которого изгонял чудовищ.

Помимо системы охранной сигнализации, мы купили баллончики с перечным аэрозолем, которые разместили в разных местах дома, достаточно высоко, чтобы дети не

могли их достать. Точно так же мы поступили и с четырьмя электрошокерами. Добавили по второму врезному замку на парадную входную дверь, двери черного хода и между кухней и гаражом.

Поскольку дедушка Джозеф не упомянул в своих предсказаниях 12 января 1998 года, день, когда Конрад Бизо попытался похитить Лорри, принять роды нашего первенца и убежать с ним, а назвал только 19 января, и в этот день сгорел наш дом, мы могли предположить, что и на этот раз он мог забыть предупредить нас о еще одном плохом дне, связанном с приближающейся третьей датой из его списка. Так что как минимум две недели нам предстояло жить со все возрастающей тревогой.

Мы насладились четырьмя годами мира... или нормальной жизни. Теперь, с приближением третьего из пяти ужасных дней, понедельника, 23 декабря 2002 года, мы почувствовали, как на нас ложится длинная тень, тень из времени, тень, берущая начало 9 августа 1974 года.

Глава 43

Я обожаю Рождество, и каждый год на этот праздник как могу украшаю дом.

На следующий день после Дня благодарения на крыше нашего дома появляется Санта-Клаус в человеческий рост. Стоит, подсвеченный вечером и ночью, у печной трубы с мешком подарков и машет свободной рукой проходим.

На трубу, окна, карнизы и стойки крыльца я навешиваю столько многоцветных электрических гирлянд, что наш дом, несомненно, виден астронавтам с околоземной орбиты.

На лужайке, с одной стороны ведущей к крыльцу дорожки, воспроизвожу сцену рождения Иисуса, со всем святым семейством, волхвами, ангелами, верблюдами. Плюс один вол, один осел, две коровы. А также одна собака, пять голубей, девять мышей.

На другой стороне дорожки ставлю эльфов, оленя, снеговиков, мальчиков и девочек. Все это механические игрушки, они не только двигаются, но и поют.

На нашей парадной двери висит венок, который, возможно, тяжелее самой двери. Еловые ветви переплетены с ветвями остролиста, украшены сосновыми шишками, грецкими орехами, серебряными колокольчиками, золотыми бусинами, шарами, кольцами, блестками.

В доме в эти шесть недель не найти лишенных украшений стены или угла. И над каждой дверью веточка омелы. Так же, как и на всех люстрах.

И хотя в ужасные дни дедушка Джозеф включил день накануне Рождества, 23 декабря, все рождественские украшения в положенное время достали из коробок, почистили, развесили и включили.

Жизнь слишком коротка, а Рождество бывает только раз в году. Мы не собирались позволить таким, как Конрад Бизо, отнять у нас праздник.

Вечером 22 декабря, в девять часов, мы предполагали сесть за стол с моими мамой, папой и бабушкой. Потом они остались бы у нас, чтобы вместе с нами начать третий день из списка дедушки Джозефа.

К семи часам мы уже накрыли стол: фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы и фужеры, сверкающие столовые приборы, свечи в снеговиках-подсвечниках, ваза с белыми хризантемами.

В 7:20 зазвонил телефон. Я взял трубку на кухне, где мы с Лорри готовили обед.

— Джимми, — раздался голос Хью Фостера, — я только что получил хорошие новости о Конраде Бизо. Думаю, ты захочешь их услышать.

— Негоже так говорить накануне Рождества, — ответил я, — но, надеюсь, этого клоуна нашли где-нибудь мертвым.

— Новости не столь радостные, но почти. У меня в кабинете сидит агент ФБР Портер Карсон, из их Денверского отделения. Ему нужно как можно быстрее поговорить с тобой и Лорри, и я знаю, ты захочешь услышать его рассказ.

— Так приводи его немедленно.

— Привести не смогу, но направлю к вам. В участке рождественская вечеринка. Яичный коктейль у нас по инструкции безалкогольный, но у меня есть право добавить в него

чего-нибудь крепкого, а потом я буду вручать премии. Я расскажу Портеру, как добраться до вас, хотя мог бы без этого обойтись. Всего-то делов, ехать на свет вашей иллюминации.

Когда я повесил трубку, Лорри хмуро смотрела на меня.

— Бизо?

Я передал ей слова Хью.

— Лучше отправим детей подальше, — предложила она. — Чтобы они нас не подслушали. Им это ни к чему.

Наши три эльфа расположились на полу в гостиной, с коробками цветных карандашей и шестифутовым рождественским транспарантом с красочной надписью: «МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, САНТА-КЛАУС», еще одним компьютерным творением Лорри. Дети получили задание с любовью раскрасить транспарант к Рождеству, чтобы добрый Санта-Клаус оставил им больше подарков.

Мы умели находить занятия для этой суперактивной троицы.

Энни в это Рождество оставалось совсем немного до пятилетия, Люси через три месяца исполнялось четыре года, Энди было два с половиной. И очень часто, я этим гордился, они могли играть втроем настолько мирно, что стрелка хаосметра, со шкалой от нуля до десяти, не заходила за четверку.

В тот вечер они вели себя особенно тихо. Энни и Люси с головой ушли в раскрашивание, работали сосредоточенно, высунув кончики язычков. Энди, потеряв интерес к транспаранту, раскрашивал ногти на ногах.

— Давайте-ка переберемся в вашу комнату, девочки, — я принялся помогать им собирать с пола карандаши. — Мне нужно прибраться в гостиной. Бабушка, дедушка и прабабушка скоро придут и посидят здесь. А кроме того, вам нужно переодеться, чтобы встретить их уже красивыми.

— Мальчики не бывают красивыми, — просветила меня Энни. — Мальчики бывают симпатичными.

— Я красивый, — запротестовал Энди, подняв одну ногу и демонстрируя выкрашенные в разные цвета ногти.

— Папа тоже красивый, — поддержала брата Люси.

— Спасибо тебе, Люси Джин. Твое мнение о красоте очень много для меня значит, поскольку со временем ты наверняка станешь «Мисс Колорадо».

— Я стану кое-кем получше, — объявила Энни, когда мы шли к лестнице. — Когда я вырасту, я собираюсь стать дерьмовой артисткой[57].

Дети удивляют меня. Постоянно. Я даже остановился.

— Энни, где ты это услышала?

— Вчера, когда молочник сказал прабабушке, что она выглядит лисичкой[58], та ответила: «Ты у нас действительно дерьмовый артист, Джордж». Потом он рассмеялся, а она ущипнула его за щеку.

Мы не хотим говорить им, что некоторые слова произносить нельзя. Если бы я допустил такую ошибку, они бы вставляли «дерьмовый артист» в каждое третье предложение, чем и запомнилось бы нам это Рождество.

Не став заострять внимание на «дерьме», в надежде, что и дети про него забудут, я оставил их в комнате девочек, вместе с транспарантом и цветными карандашами.

Тот факт, что они наверху, а мы с Люси — внизу, нас не тревожил. Во-первых, все двери были закрыты, во-вторых, работала система охранной сигнализации. Если бы кто-то попытался открыть дверь или окно, не только зазвучал бы сигнал тревоги, но и механический голос, через динамики, развешанные по всему дому, сообщил бы нам, в каком именно месте ломают окно или дверь.

Спустившись вниз, я прошел в холл и наблюдал за улицей через одно из высоких узких окон, которые обрамляли входную дверь с обеих сторон.

Полицейский участок находился в десяти минутах езды от нашего дома. Я хотел открыть дверь до того, как Портер Карсон позвонит и тем самым дает знать детям, что у нас

гость.

Через две минуты «Меркюри Маунтейнер» остановился у тротуара напротив дорожки, которая вела к крыльцу.

Из машины вышел мужчина в темном костюме, белой рубашке, темном галстуке, расстегнутом пальто. Высокий и стройный, расправив плечи, твердым шагом направился к крыльцу.

Когда он поднимался по ступенькам, я увидел, что лет ему под пятьдесят, лицо симпатичное, а черные волосы зачесаны назад.

Заметив меня в окне, он поднял палец, как бы говоря: «Одну минуточку!» — достал из кармана корочки с удостоверением, раскрыл и приложил к стеклу, чтобы я мог прочитать, что написано на удостоверении, и сверить физиономию с фотографией, прежде чем открою дверь.

Очевидно, Хью Фостер рассказал Карсону, что мы очень озабочены собственной безопасностью, а если агент знал историю Бизо, он, конечно, понимал, почему в нашем случае паранойя стала здравым смыслом.

Глава 44

Воспитанный Голливудом, я полагал, что Портер Карсон будет чеканить слова и держаться с холодной отстраненностью киношного фэбээровца. Вместо этого услышал голос, который сразу расположил меня к себе: дружелюбный, скругляющий все острые углы выговором уроженца Джорджии.

Когда я открыл ему дверь, механический голос охранной сигнализации возвестил: «Открыта парадная дверь».

— У нас дома такая же система, — сказал он, пожимая мне руку. — Моему сыну, Джейми, четырнадцать, и он компьютерный гений. Опасное сочетание. Он не смог устоять перед искушением расширить словарный запас охранной сигнализации. Внезапно компьютер стал говорить: «Парадная дверь открыта, береги задницу». Пришлось проводить воспитательную работу.

Я закрыл за ним дверь.

— У нас трое детей, от пяти и младше. Они растут вместе.

— Понятно.

Я повесил его пальто в шкаф.

— Мы уже подумываем над тем, чтобы посадить их в одну комнату и кормить через люк в двери, пока им не исполнится двадцать один.

Он втянул воздух через нос, принюхиваясь.

— Этот дом пахнет, как самый дорогой и престижный район рая.

Наверное, он был прав. Воздух благоухал ароматами кедровых веток, рождественской ели, орехового печенья, испеченного во второй половине дня, шариков попкорна, ароматических, с ванилью и корицей, свечей, свежего кофе, свинины, запекающейся в вишневом соусе, шоколадно-мармеладного торта, который готовился во второй духовке...

Оглядев нашу внушительную коллекцию Санта-Клаусов, Портер Карсон склонил голову, вслушиваясь в песню «Серебряные колокола», исполняемую Бинтом Кросби[59].

— Так, как вы, к Рождеству, похоже, уже никто не относится.

— И мы этого не стыдимся, — ответил я. — Пройдемте на кухню. Жена не может оторваться от картофеля «айдахо»[60].

Когда мы зашли на кухню, Лорри уже покончила с картофелем и вытирала руки бумажным полотенцем. Я представил ее Карсону.

Если остальная часть дома пахла как рай, то кухня располагалась на еще более высоком уровне, во дворце божеств.

Красота Лорри потрясла агента ФБР, как потрясала всех других мужчин, и он проявил по отношению к ней истинно южную галантность. Оставался на ногах, пока она наливала в три чашки колумбийский кофе, потом подержал стул, когда она садилась.

Я чувствовал себя дикарем, не знающим правил этикета, и напомнил себе, что кофе

нельзя прихлебывать.

Сев за стол последним, Карсон перешел к делу:

— Я не хочу будить в вас ложные надежды. Упаси бог, если мои слова заставят вас притупить бдительность, но я думаю, что ваши проблемы с Конрадом Бизо остались в прошлом.

— Не волнуйтесь, — ответила ему Лорри, — я не поверю, что Бизо мертв, пока не увижу, как его тело отправляют в печь крематория, а из трубы летит сажа.

Карсон улыбнулся.

— Миссис Ток, вы полностью отвечаете моему идеалу заботливой матери.

Насколько я знал, убийства, совершенные Бизо, не подпадали под федеральную юрисдикцию.

— Почему ФБР заинтересовалось его делом? — спросил я.

— У вас потрясающий кофе, мэ. Что вы добавляете для вкуса?

— Немного ванили.

— Великолепно. Бизо пошел по стопам сына, сколотил команду и начал грабить банки вскоре после того, как поджег ваш дом.

Грабеж банков — федеральное преступление. Таким же является изъятие результатов анализа набивки матраса перед его продажей. Как думаете, каким преступлением ФБР займется с большей охотой?

— Правда, еще ни одного не взорвал, — продолжил Карсон. — А вот перед убийством охранников, кассиров, любого, кто пытался ему помешать, не останавливался.

— Только не говорите мне, что свою команду он набрал из клоунов, — подала голос Лорри.

— Нет, мэ, клоунов у него не было. Может, его сын собрал под свои знамена всех клоунов с воровскими наклонностями. Один из его людей, Эмори Орнуолл, отсидел срок за ограбление банка. Двое других были цирковыми подсобными рабочими.

— Понятно, — кивнул я.

— В цирке эти люди ставят и снимают шатер, — пояснил Карсон, — поддерживают в рабочем состоянии различное оборудование, электрогенераторы и все такое.

— Сколько банков они ограбили? — полюбопытствовала Лорри. — У них это хорошо получалось?

— Да, мэ, хорошо. Семь в 1998-м, четыре в 1999-м. А также совершили два успешных нападения на инкассаторские автомобили, в августе и сентябре 1999 года.

— И ни одного в последние три года?

— Дело в том, что при втором ограблении инкассаторского автомобиля им достался крупный куш — шесть миллионов наличными плюс на два миллиона облигаций на предъявителя... Бизо решил, что он и Орнуолл могут отойти от дел, если убить подсобных рабочих. Что они и сделали.

— Трудно представить себе, что человек, знающий Конрада Бизо, повернется к нему спиной.

— Может, они и не поворачивались. Обоих подсобных рабочих убили выстрелом в лицо, причем пули были такого большого калибра, что головы разлетелись, как брошенные оземь арбузы.

Карсон улыбнулся и тут же понял, что этой улыбкой сообщает нам лишнюю информацию.

— Извините, мэ.

— Значит, с тех пор вы идете по следу Бизо? — спросила Лорри.

— Мы нашли Орнуолла в марте 2000 года. Он жил в Майами под именем Джона Диллинджера[61].

— Вы шутите, — не поверил я.

— Нет, сэр, — Карсон улыбнулся и покачал головой. — Орнуолл знает все о банках и инкассаторских автомобилях, но он недооценил наши умственные способности.

— Похоже на то.

— Быть Диллинджером, сказал он нам, все равно что оставаться невидимым на открытом месте, как в рассказе Эдгара Аллана По «Похищенное письмо». Кто мог ожидать, что разыскиваемый грабитель банков живет под именем знаменитого мертвого преступника?

— Очевидно, вы ожидали.

— Да, и не без причины. Когда мы арестовали Эмори Орнуолла первый раз и отправили в тюрьму, он скрывался под именем Джесси Джеймса[62].

— Невероятно, — вырвалось у меня.

— Многие преступники соображают туго, — пояснил Карсон.

— Еще кофе? — спросила Лорри.

— Нет, благодарю, мэм. Я вижу, вы готовите большой обед, так что я хочу закруглиться как можно быстрее.

— Мы будем рады, если вы останетесь.

— Не могу, к огромному сожалению. Но спасибо за приглашение. В общем... как я и сказал, Орнуолл... он знает все о банках и инкассаторских автомобилях, но не стратег и не тактик. Ограбления планировал Бизо, и планировал блестяще.

— Вы говорите о нашем Бизо? — недоверчиво спросила Лорри.

— Я хочу сказать, мэм, мы знаем многих умных парней, которые пошли по кривой дорожке, но среди них не было равных Бизо. Мы от него в восторге.

Меня это удивило.

— Он же безумный.

— Может, безумный, может, нет, но он гений, когда дело касается ограблений. Говорят, он мог стать величайшим клоуном своего времени, но, безусловно, нашел свое призвание в другом.

— По нашему опыту, им движет ярость, а не здравомыслие.

— Ну, ни Орнуолл, ни подсобные рабочие на гениев точно не тянули, они всего лишь исполнители. И обязательно напортачили бы, если бы не блестящие планы Бизо и его умение держать их в узде. Такое под силу только гению.

— Он показал свое умение планировать операцию, поставив «жучки» в нашем доме и устроив наблюдательный пункт в доме Недры Ламм, — напомнила мне Лорри. Потом повернулась к Карсону: — Где он сейчас?

— Орнуолл сказал нам, что где-то в Южной Америке. Точнее он ничего не знает, а континент большой.

— Когда я сидела с ним в «Эксплорере» в лесу, он сказал мне, что в 1974 году надолго уезжал в Южную Америку, — вспомнила Лорри. — После того, как застрелил доктора Макдональда.

Карсон кивнул.

— Тогда он провел шесть месяцев в Чили, два с половиной года в Аргентине. На этот раз... нам потребовалось немало времени, но мы нашли его в Бразилии.

— Вы его арестовали?

— Нет, мэм. Но обязательно арестуем.

— Он сейчас там... в Бразилии?

— Нет, мэм. Уехал первого декабря, за тридцать шесть часов до того, как мы узнали имя, под которым он скрывался, и его адрес в Рио.

Лорри многозначительно посмотрела на меня.

— Почти взяли его там, — продолжил Карсон, — но он улетел в Венесуэлу, а с этой страной у нас есть проблемы с выдачей преступников. Но мы все уладим. Он сможет покинуть Венесуэлу или в наручниках, или в гробу.

Только страх за свою семью может так изменить лицо Лорри, что ее красота блекнет.

— В Венесуэле его уже нет, — заверила она Портера. — Завтра, уж не знаю в котором часу... он появится здесь.

Глава 45

Шоколадно-мармеладный торт, свинина, тушенная в вишневом соусе, крепкий колумбийский кофе, запах страха, оставляющий металлический привкус во рту...

До этого момента я и представить себе не мог, сколь велика была моя надежда на то, что Бизо умер.

Да, конечно, я говорил себе, что нельзя списывать его со счетов, осторожность требовала предполагать, что он жив.

Но подсознательно я уже вбил осиновый кол в его сердце, засунул головку чеснока ему в рот, положил распятие на грудь и похоронил лицом вниз на церковном кладбище сознания.

А теперь Бизо восстал из мертвых.

— Завтра, а может, и в эту полночь, — предсказала Лорри, — он будет здесь.

Ее абсолютная уверенность удивила Портера Карсона, поставила в тупик.

— Нет, мэм, у него нет ни малейшего шанса.

— Я готова поставить на кон свою жизнь, — ответила она. — Собственно, мистер Карсон, именно это мне предстоит сделать, причем независимо от моих желаний.

Он повернулся ко мне:

— Мистер Ток, я приехал для того, чтобы задать вам несколько вопросов, но, поверьте мне, не собирался предупреждать вас о том, что Бизо у вашего порога. В Соединенных Штатах его нет. Уверю вас.

Взглядом Лорри задала мне вопрос, который я понял без слов: «Следует нам поделиться с ним историей про дедушку Джозефа и его пять дат?»

Только взрослые в нашей семье да еще несколько близких друзей, которым мы доверяли как себе, знали о пророчестве, которое определило всю мою жизнь. О пяти дамокловых мечах, которые висели над моей головой на пяти волосках. Два уже свалились, но мне удалось остаться в живых, три по-прежнему угрожали раскроить мне голову.

Хью Фостер знал, но я сомневался, что он мог поделиться этой историей с Портером Карсоном.

Расскажи такую историю прагматичному, приземленному агенту ФБР, и он тут же запишет тебя в категорию суеверных идиотов. Я буквально слышал его вопрос: «Так вы верите, что на вас наложили заклятье, мистер Ток? Как это делают ведьмы и колдуны вуду?»

Дедушка Джозеф не накладывал на меня заклятья. Он не хотел, чтобы в моей жизни случились пять ужасных дней. Каким-то чудом, в последние минуты своей жизни, ему даровали возможность заглянуть в будущее, чтобы предупредить меня, дать мне шанс спасти... возможно, не себя, а самых близких мне людей.

Но Карсон неизбежно воспринял бы происшедшее в больнице в далеком 1974 году как заклятье. И даже если бы я сумел развеять его скептицизм, убедить, что есть разница между заклятьем и предсказанием, он не поверил бы, что сверхъестественное возможно. Для таких, как он, что предсказание судьбы, что снятие порчи — всего лишь суеверия.

И, будучи ответственным сотрудником правоохранительных органов, он мог счесть своим долгом обратиться в службу защиты прав детей и сообщить, что Энни, Люси и Энди воспитываются родителями, которые полагают себя проклятыми, могут разделять свои страхи с детьми и таким образом ломать им психику.

В газетах частенько появлялись истории о ложных обвинениях в жестоком обращении с детьми, которые приводили к лишению родительских прав, семьи разрушали на долгие годы, до тех пор пока обвинители не сознавались во лжи или их не выводили на чистую воду. Но к этому времени судьбы были порушены, а психика детей травмировалась до такой степени, что уже не могла прийти в норму.

Поскольку никто не хотел подвергать риску детей, власти в таких случаях зачастую верили любой напраслине, которую возводили люди, хотевшие свести счеты с кем-либо. И на донесение агента ФБР, у которого не было оснований недолюбливать нас, отреагировали бы очень оперативно.

Не желая натравливать на нашу семью свору уверенных в собственной правоте бюрократов, появление которых мы могли сами и инициировать, рассказав Портеру Карсону

о дедушке Джозефе, я, отвечая на молчаливый вопрос Лорри, покачал головой.

Лорри вновь повернулась к Карсону.

— Послушайте, я не имею ни малейшего понятия, откуда мне это известно, но я точно знаю, что этот безумный сукин сын появится здесь между ближайшей полночью и последующей. Он хочет...

— Но, мэм, это не...

— Дайте мне договорить, умоляю, выслушайте меня. Он хочет забрать моего маленького Энди и, возможно, хочет убить нас. Если вы действительно намерены его поймать, забудьте про Венесуэлу, его нет в Венесуэле, если он там и был. Помогите нам расставить ему западню здесь.

Решимость, которая читалась на ее лице, твердость голоса определенно расстроили Карсона.

— Поверьте мне, мэм, я заверяю вас, абсолютно заверяю, что Бизо нет рядом с вашим порогом, не будет его и завтра. Он...

Сердитая, с посеревшим от тревоги лицом, Лорри отодвинула стул, поднялась.

— Джимми, ради бога, заставь его поверить. У меня такое ощущение, что на этот раз Хью не хватит полицейских, чтобы защитить нас. Удача может и отвернуться. Нам нужна помощь.

С отражающейся на лице печалью Карсон встал: не мог же джентльмен сидеть при стоящей даме. Я последовал его примеру.

— Миссис Ток, пожалуйста, позвольте мне повторить и объяснить все, что Фостер сказал вашему мужу по телефону чуть раньше. — Карсон откашлялся и продолжил: — «Джимми, я только что-получил хорошие новости о Конраде Бизо. Думаю, ты захочешь их услышать».

Он не просто в точности повторил два предложения, произнесенные Хью по телефону, но и произнес их голосом Хью, а не Портера Карсона.

Нет, Хью ничего такого по телефону не говорил. И чуть раньше я разговаривал не с Хью, а с этим человеком.

Агент ФБР уже смотрел на меня.

— И вы на это ответили: «Негоже так говорить накануне Рождества, но, надеюсь, этого клоуна нашли где-нибудь мертвым».

Теперь голос до мельчайших нюансов копировал мой, и у меня по спине пробежал холодок.

Из-под пиджака Портер Карсон извлек пистолет с намернутым на ствол глушителем.

Глава 46

Портер Карсон заверял Лорри, что не собирался предупреждать ее о появлении Конрада Бизо на ее пороге.

И говорил искренне. Во-первых, он действительно ни о чем не собирался ее предупреждать. Во-вторых, Бизо уже миновал порог и находился в ее кухне.

Опять же, он не сомневался в том, что завтра Бизо здесь не появится... потому что Бизо пожаловал сюда сегодня.

У Конрада Бизо были светло-карие глаза. У Портера Карсона — синие. Цветные контактные линзы продавались уже многие годы.

Бизо было под шестьдесят. Карсон выглядел на сорок пять. Теперь я видел некоторое сходство в фигуре, но в остальном это были два разных человека.

Некоторые из лучших специалистов в пластической хирургии живут и работают в Рио, чтобы обслуживать всех, кто может прилететь туда на реактивном лайнере. Если вы богаты, если готовы пойти на глубокую перестройку организма, тогда покинете клинику с новым лицом, помолодев телом, другим человеком.

Если вы — параноик и ваша навязчивая идея — месть, если верите, что вас ждало великое будущее, но вы лишились его стараниями злых людей, тогда, скорее всего, вашей мотивации вполне хватит для того, чтобы выдержать боль и опасности множества операций.

Безумие не всегда проявляется в безответственных действиях, многим убийцам-параноикам хватает терпения, чтобы долгие годы готовиться к мести.

Слушая, как Бизо блестяще имитирует мой голос, я вспомнил, что более двадцати восьми лет тому назад, в комнате ожидания, он с той же легкостью имитировал голос моего отца.

А когда мой отец подивился его мастерству, то услышал от Бизо: «Я уже говорил, что я талантлив, Руди Ток. И таланты у меня очень даже необычные».

В этих словах мой отец услышал только похвальбу тщеславного и взволнованного артиста, которого хлебом не корми, но дай распушить павлиний хвост.

Через почти три десятилетия я осознал, что никакой похвальбы не было и в помине, только предупреждение: не переходи мне дорогу.

И теперь, когда мы вдвоем стояли вокруг кухонного стола, Бизо лучился счастьем. И светло-карие глаза, скрытые синими контактными линзами, горели злобным огнем.

Уже своим собственным голосом, без мягкого выговора Портера Карсона, тем самым голосом, каким он обращался к Лорри в кабине «Эксплорера», Бизо сказал:

— Как я и говорил, я пришел, чтобы кое-что у вас попросить. Где моя компенсация?

Мой взгляд, как и взгляд Лорри, переместился чуть выше: от черного отверстия в глушителе, наверху на ствол пистолета, к лицу Бизо.

— Где моя *quid pro quo*?

Чтобы выиграть время, мы сделали вид, что не понимаем его вопроса.

— Что такое *quid pro quo*? — спросила Лорри.

— Услуга за услугу, компенсация, — нетерпеливо ответил Бизо. — Что-то за что-то. Ваш Энди за моего Панчинелло.

— Нет, — ответила Лорри, не сердито, без страха, но окончательно.

— Я буду хорошо относиться к нему, — пообещал Бизо. — Лучше, чем вы отнеслись к моему сыну.

Злость и ужас перехватили мне горло, но Лорри повторила:

— Нет.

— Меня лишили славы, которая должна была стать моей. Я хотел лишь бессмертия, но теперь готов довольствоваться отсветом чужой славы. Если я научу его всему, что знаю сам, он станет величайшим цирковым клоуном своего времени.

— Для этого у него нет таланта, — заверила Бизо Лорри. — Он потомок кондитеров и охотников за торнадо.

— Кровное родство значения не имеет, — возразил Бизо. — Главное — моя гениальность. Среди прочих моих талантов есть и умение научить другого всему тому, что я знаю сам.

— Уходите, — Лорри понизила голос и теперь словно произносила заклинание, надеясь, что оно подействует на безумного клоуна. — Найдите себе женщину, и пусть она родит вам еще одного сына.

Бизо настаивал:

— Даже если у мальчика имеется минимальная склонность к клоунаде, с таким наставником, как я, он станет великим.

— Найдите себе женщину, которая родит вам еще одного сына, — повторила Лорри. — Даже такой слизняк, как вы, сможет найти какую-нибудь безумную, которая раздвинет перед вами ноги.

Холодное презрение вкралось в ее голос, но я не понимал, почему она решила еще больше разозлить его.

А Лорри продолжила:

— За приличную сумму какая-нибудь наркоманка, какая-нибудь отчаявшаяся шлюха подавит рвотный рефлекс и спарится с вами.

Невероятно, но ее презрение не рассердило Бизо, наоборот, привело в замешательство. От ее слов его несколько раз передергивало, он нервно облизывал губы.

— И тогда вы сможете зачать еще одного мерзкого, снедаемого жаждой убийства червяка, такого же безумного, как ваш первенец.

Возможно, он более не мог заставить себя встретиться взглядом с горящими глазами Лорри, а может, в силу моего молчания почувствовал, что главная угроза — это я, но так или иначе Бизо посмотрел на меня.

Следом за взглядом последовал и пистолет в правой руке, так что на меня глянула черная дыра по центру глушителя.

В то самое мгновение, когда Конрад отвлекся, Лорри сунула руку в карман своего веселенького рождественского фартука и вытащила миниатюрный баллончик с перечным аэрозолем.

Осознавший свою ошибку, Бизо отвернулся от меня.

И поворачивался к Лорри, когда мощная ржаво-красная струя ударила ему в лицо.

Наполовину ослепленный, Бизо нажал на спусковой крючок. Пуля вышибла стеклянную панель буфета, разбив несколько стоявших на полке тарелок.

Я схватил стул, повернул к Бизо ножками и двинулся на него. Раздался второй выстрел, третий. Ножками стула я оттеснял его от кухонного стола, примерно так же дрессировщик вытесняет с манежа в клетку расвирепевшего льва.

Четвертая пуля пробила стул. Полетели щепки, клочки набивки, но в меня пуля не попала.

Когда он уперся спиной в раковину, я вогнал в него ножки стула.

Он закричал от боли, и пятая пуля попала в дубовый пол.

Загнанная в угол, крыса вдруг становится тигром. Он вырвал стул из моих рук, выстрелил шестой раз, разбив стеклянную панель духовки.

Швырнул в меня стул. Я увернулся.

Тяжело дыша, задыхаясь от паров перечного аэрозоля, со слезами, катящимися из налившихся кровью глаз, размахивая пистолетом, он пересек кухню, так сильно ударился головой о холодильник, что едва не лишился чувств, двинулся в столовую.

Лорри беззвучно упала, застыла на дубовом полу. Одна, может, и не одна пуля Бизо все-таки попала в нее. И, боже, потекла кровь!

Глава 47

Я не мог оставить ее одну и не мог оставаться рядом с ней, пока Бизо находился в доме.

Эту дилемму мгновенно разрешило одно из многих уравнений любви. Я любил Лорри больше жизни. Но мы оба любили наших детей больше, чем себя, то есть, языком математики, речь шла о любви в квадрате. Любовь плюс любовь в квадрате привела к неизбежному выводу.

В ужасе от того, что могу потерять жену, но понимая, что эта потеря может не стать последней, я двинулся за Бизо, чтобы не позволить ему найти детей.

Он не мог просто уйти, чтобы вернуться в другой день. Мы уже видели его новое, сделанное в Бразилии лицо. И он уже не мог захватить нас врасплох.

Вопрос стоял ребром. Если я не помешаю ему, он получит свою компенсацию, что-то за что-то, Энди за своего Панчинелло. А девочек убьет и скажет, что это проценты по долгу.

Когда я ворвался в столовую, Бизо выходил из нее. Его так шатало, что плечом он зацепился за косяк двери.

В гостиную он выстрелил в меня. Но вызванные перечным аэрозолем слезы туманили глаза, так что стрелял он скорее наудачу.

Мое правое ухо ожгло, будто огнем. И хотя боль не обездвижила меня, я споткнулся и упал.

Поднялся.

Бизо исчез.

Я нашел его в холле. С пистолетом в правой руке.

Левой он держался за перила и медленно, но верно поднимался по лестнице. Успел преодолеть уже половину первого пролета.

Должно быть, он решил, что я получил пулю в голову и она свалила меня с ног, может, даже убила, поэтому не оглядывался и, похоже, даже не слышал моих шагов.

Прежде чем он добрался до первой площадки, я схватил его и потащил назад.

Страх за семью, ужас от возможной потери жены не просто добавили мне храбрости, но и разъярили донельзя.

Нас бросило на перила. Затрещало дерево. Он выронил пистолет, и мы очутились на полу холла.

Оказавшись позади него, правой рукой я обхватил его шею, чтобы потом помочь ей левой, ухватившись за запястье, и задушить, пережав ему дыхательное горло, наслаждаясь тем, как его каблуки выбивают предсмертную дробь по полу.

Но прежде чем мне удалось осуществить задуманное, Бизо прижал подбородок к шее, лишив меня возможности давить непосредственно на горло.

Руками начал искать мою голову, чтобы добраться до глаз и ослепить меня. Эти жестокие руки задушили Недру Ламм. Эти безжалостные руки застрелили доктора Макдональда. Медсестру Хансон.

Я вертел головой, не позволяя ему добраться до моих глаз.

Он нашел задетое пулей ухо и рванул, одновременно выкручивая.

От дикой боли у меня пережало горло, я едва не потерял сознание.

Бизо тут же почувствовал, что моя хватка ослабла, и попытался вырваться из моих рук. Пальцы его стали липкими от моей крови, он обнаружил мое слабое место и поэтому одновременно продолжал искать мое ухо.

Я знал, что он его найдет, скорее раньше, чем позже.

И в следующий раз боль точно отправит меня в нокаут, а уж потом Бизо не позволит мне прийти в себя, пристрелит, совершенно беззащитного.

Пистолет лежал в нескольких футах, на нижней ступеньке лестницы.

Я убрал руки с его шеи и тут же оттолкнул Бизо.

Перекатился по полу, в мгновение ока оказавшись у лестницы. Схватил пистолет с нижней ступеньки, повернулся и выстрелил.

Практически в упор, потому что он уже тянулся ко мне. Пуля разорвала его горло. Он упал лицом вверх, раскинув руки, правая кисть дергалась, ритмично постукивая по полу.

Если только я не ошибся в расчетах, на спусковой крючок нажимали восемь раз, то есть в обойме оставались еще два патрона.

Хрипя, с пузырящейся на губах кровью, Конрад Бизо умирал на полу холла нашего дома.

Мне хотелось бы сказать, что я руководствовался милосердием, еще дважды выстрелив в него, но милосердие было ни при чем.

Смерть забрала не только его жизнь, а что-то худшее — душу. Я, можно сказать, почувствовал, какой холод шел от сборщика, когда тот явился за тем, что принадлежало ему по праву.

Глаза Бизо, один синий, второй светло-карий, стали круглыми, словно у рыбы, остекленевшими, лишенными мысли, но при этом наполненными тайнами глубин.

Мое правое ухо превратилось в чашку, до краев наполненную кровью, но я услышал голос Энни, донесшийся из коридора второго этажа:

— Мама? Папа?

Я услышал голоса Люси и Энди. Дети еще не подошли к верхней лестничной площадке, но приближались к ней.

Испугавшись, что они увидят мертвого Бизо, я крикнул:

— Быстро в комнату! Запритесь на замок! Здесь чудовище!

Мы никогда не смеялись над их чудовищами. Наоборот, относились к ним со всей серьезностью, уважительно.

Поэтому дети поверили мне на слово. Я услышал топот маленьких ножек, потом дверь спальни девочек хлопнула с такой силой, что задрожали стены и задребезжали оконные

стекла, а веточки омелы, закрепленные над дверью в гостиную, сорвались со стены и повисли на стягивающей их ленте.

— Лорри, — прошептал я, очень тихо, из страха, что смерть, пришедшая забрать Бизо, задержится в нашем доме, чтобы прихватить еще одну жертву.

И побежал на кухню.

Глава 48

«Любви преграды нет, но мертвого она не оживит».

Память загадочна, иной раз ничего не выдает, а то вдруг вытолкнет на поверхность фразу, забытую еще со школы, словно какой-то черный дух посмеивается над нами: да, вы это знаете, но какой с этого прок?

Когда я спешил на кухню, слова эти («Любви преграды нет, но мертвого она не оживит») вернулись ко мне с уроков английской литературы, вместе с именем поэтессы Эмили Дикинсон[63]. Она так часто писала, чтобы успокоить сердце, но эти слова рвали мое.

Торопясь на кухню, я поэтессе не верил. Знал, любовь моя настолько сильна, что способна на все, даже на то, чтобы вернуть любимую из мира мертвых, пусть Дикинсон утверждала обратное.

Я не сомневался: если найду Лорри мертвой, оживлю ее усилием воли, потому что не желал расставаться с ней, прикину губами к ее губам и волю в нее часть своей жизни.

Хотя я знал, что это безумие — верить в собственную способность воскрешать мертвых, какая-то моя часть не сомневалась, что безумием тут и не пахнет, иначе я бы просто завыл от бессилия.

На кухне я понял, что каждое мгновение дорого и действовать нужно не только быстро, но и предельно рационально. Только так мои усилия могли не пропасть даром.

Прежде всего, обегая разломанный стул, я метнулся к телефонному аппарату. Трубка едва не выскользнула из моей мокрой от пота руки, но я удержал ее, набрал 911, и два гудка показали мне вечность.

Диспетчер полиции сняла трубку на третьем гудке, и я узнал голос: Денис Диборн. Когда-то давным-давно я дважды приглашал ее на свидание. И мы оба поняли, что тратить время на третье нет никакого смысла.

Голос мой осип, дрожал от волнения.

— Денис это Джимми Ток, моя жена ранена, у нее тяжелое пулевое ранение, нам нужна «Скорая помощь», пожалуйста, очень быстро, пожалуйста.

Понимая, что наш адрес появился на дисплее компьютера Денис, как только она взяла трубку, я не стал диктовать его, бросил трубку, которая закачалась на шнуре, стучась о стену.

Я опустился на колени рядом с Лорри, в ее кровь. Такую идеальную и бледную красоту обычно можно найти только в скульптурах, высеченных из белоснежного мрамора.

Пуля или пули попали ей в живот.

Она лежала с закрытыми глазами. Под веками я не замечал никакого движения.

Приложив пальцы к шее, я попытался нащупать пульс, боясь самого худшего, но нет, нашел, быстрый и слабый. Сердце продолжало биться.

Из моей груди вырвалось рыдание, второе, но тут и осознал, что она, даже без сознания, может услышать меня и испугаться моего горя. Ради нее я сдержался и, пусть у меня разрывалась душа, позволил себе лишь часто и хрипло дышать.

Я коснулся ее лица, шеи. Кожа холодная, влажная на ощупь.

Шок.

Мой шок был чисто эмоциональный, разума и сердца, она же страдала от шока физиологического, вызванного болью и потерей крови. И умереть могла не от ран, а именно от шока.

Лежала она на спине, в положении, идеальном для лечения.

Сложив в несколько раз кухонное полотенце, к подложил его ей под голову, лишь для того, чтобы голова не лежала на полу. Поднимать-то следовало ноги.

Взяв с полки несколько поваренных книг, я сделал из них подставку и осторожно

поднял ее ступни на десять дюймов.

Помимо кровотечения, не меньшую опасность в ее состоянии представляла собой потеря тепла. Мне требовались одеяла, но я не решался оставить ее, чтобы принести их со второго этажа.

Если она умирала, я не мог позволить ей умереть в одиночестве.

Я метнулся в комнату-прачечную, которую мы использовали и как раздевалку. Сорвал с крючков шубы.

Вернувшись на кухню, укрыл ее. Моей шубой и ее. Шубками Энни, Люси, Энди.

Лег рядом, не обращая внимания на кровь, прижался всем телом, чтобы передать ей свое тепло.

Когда слышался вой приближающейся сирены, вновь прикоснулся к шее. Пульс не стал сильнее, но я заверил себя, что он не стал и слабее, хотя и знал, что лгу себе.

Потом начал шептать в ее миниатюрное ушко, надеясь, что она крепко ухватится за мой голос, что мои слова удержат ее в этом мире. Не помню, что я говорил, подбадривал, заверял, что все будет хорошо, но скоро мой монолог превратился в бесчисленное повторение трех слов, которые составляли основу моей жизни: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю...»

Глава 49

Мой отец просил встревоженных соседей отойти подальше от крыльца, с дорожки на лужайку, заставленную рождественскими фигурами.

Следом за отцом из дома вышли два фельдшера. На каталке, которую они катили, лежала Лорри. Без сознания, под шерстяным одеялом, с капельницей: в ее вену по трубке подавалась плазма.

Я шел рядом, держа в руке флакон с плазмой. Фельдшеры предпочли бы помощь полицейского, но эту работу я мог доверить только себе.

Им пришлось приподнять каталку, чтобы спуститься с крыльца по лестнице. Потом колесики стукнулись о бетон дорожки и покатались к улице.

Моя мать находилась в спальне девочек с тремя детьми, успокаивала их, следила за тем, чтобы они не выглядывали в окно.

Полдюжины патрульных машин стояли на улице, с работающими двигателями и включенными маячками, которые попеременно разрисовывали припущенные снегом деревья и соседние дома то в красное, то в синее. «Скорая помощь» ждала у тротуара, пристроившись в затылок к «Меркьюри Маунтейнер», на котором приехал Конрад Бизо.

Кевин Толливер, фельдшер, которому предстояло находиться рядом с Лорри по пути в больницу, взял у меня флакон с плазмой, забрался в кузов, а его напарник, Карлос Нунес, закатил туда каталку.

Когда я хотел подняться следом, Карлос остановил меня:

— Нет места, Джимми. У Кевина будет много дел. Ты же не хочешь мешать ему.

— Но я должен.

— Я знаю, — прервал меня Карлос. — Но по приезде ее сразу отвезут в операционную. Туда тебя тоже не пустят.

С неохотой я отступил на шаг.

Закрыв дверцы заднего борта, он отсек от меня Лорри, которую я, возможно, последний раз видел живой.

— Твой отец отвезет тебя в больницу, Джимми. Вы сможете поехать следом за нами, — и поспешил к водительской дверце.

Рядом появился отец и увел меня с улицы к дому.

Мы прошли мимо ангелов, волхвов и животных, наблюдающих за святым семейством.

Один из фонариков перегорел, оставив в тени одного ангела. И среди остальных, ярко подсвеченных, темная фигурка с наполовину сложенными крыльями выглядела очень зловеще.

На подъездной дорожке родительского дома вылетал парок из выхлопной трубы отцовского «Шевроле Блейзера».

Бабушка Ровена выкатила его из гаража и подготовила к использованию. Стояла рядом со внедорожником, одетая к обеду, без пальто.

В свои восемьдесят пять она еще могла сломать тебе ребра, сжав в объятьях.

Включив сирену, Карлос отъехал от тротуара. На перекрестке уже стоял полицейский, чтобы «Скорая помощь» могла не останавливаться на светофоре.

Сирена быстро затихала вдаль, когда бабушка что-то сунула мне в правую руку и втокнула на переднее пассажирское сиденье «Блейзера».

Коп обеспечил нам свободный проезд через перекресток, и когда мы мчались к больнице, я разжал пальцы правой руки. Их покрывала кровь, моя и моей любимой жены.

На ладони я увидел кулон-камею, который я подарил Лорри, когда мы только начали встречаться. Бабушка, пока находилась наверху с моей мамой и детьми, взяла кулон из шкатулки, где Лорри хранила свои драгоценности.

Кулон был одной из трех вещей, которые пережили пожар, уничтоживший наш первый дом. Маленький, он должен был потеряться. Золотые цепочка и оправка — расплавиться. А сама камея, женский профиль, вырезанный на белом мыльном камне, треснуть и почернеть от сажи.

Однако кулон остался прежним, разве что чуть потемнели несколько прядей волос, вырезанных в камне. Сама же камея, в том числе и профиль, осталась белоснежной.

Некоторые вещи не такие хрупкие, какими кажутся.

Я сжал окровавленный кулак так крепко, что ладонь, на которой лежал кулон, заболела, словно в нее вбили гвоздь.

Когда мы приехали в больницу, Лорри уже была в операционной.

Медсестра настояла на том, чтобы отвести меня в перевязочную. Пуля Бизо, когда тот выстрелил в меня в гостиной, повредила хрящ ушной раковины правого уха. Медсестра промыла рану и очистила евстахиеву трубу от сгустков крови. Я согласился только на местную анестезию, когда молодой врач зашивал мне рану.

И теперь, до конца моих дней, мое ухо будет сплюснутым, таким, как бывает у боксера, который много лет провел на ринге.

Нам не разрешили наблюдать за операцией с балкона над операционной. После завершения операции Лорри отвезли бы в одну из палат отделения интенсивной терапии, и мы с отцом расположились в комнате ожидания этого отделения.

Серой и мрачной. Меня это вполне устраивало. Не хотелось мне ни яркой раскраски стен, ни вызывающих прилив бодрости картин, ни удобных кресел.

Чему я бы порадовался, так это боли.

Бред какой-то, но я боялся, что Лорри умрет, если онемение рассудка, сердца или тела сокрушит меня, если я поддамся усталости. Я чувствовал, что лишь острая боль позволит мне привлечь внимание Господа, и Он наверняка услышит мои мольбы.

И при этом я не мог позволить себе слез, потому что слезы показали бы, что я ожидаю худшего. И таким признанием я приглашал бы смерть забрать то, что ей хотелось заполучить.

В ту ночь я составил себе множество суеверных правил, по их числу значительно превзошел людей, которые полагаются на эти правила в повседневной жизни, надеясь с их помощью отвести от себя удары судьбы.

Какое-то время мы находились в комнате ожидания с другими людьми, которые тоже тревожились за судьбу своих близких. Потом остались одни.

Лорри привезли в больницу в 8:12. В половине десятого доктор Уэйн Корнелл, хирург, который оперировал ее, прислал к нам медсестру.

Прежде всего она сказала, что доктор Корнелл — блестящий хирург, специализирующийся на операциях брюшной полости. И у него «потрясающая» команда.

Мне ее похвалы не требовались. Чтобы остаться в здравом уме, я уже убедил себя, что доктор Корнелл — гений, а руки у него чувствительнее и проворнее, чем руки величайших пианистов.

По словам сестры, состояние Лорри оставалось критическим, но операция шла

успешно. Предстояла долгая ночь, по прикидкам доктора Корнелла, он мог закончить операцию где-то около часа ночи, не раньше, в Лорри попали две пули. И причинили много вреда.

На тот момент я не хотел знать подробностей. Не вынес бы их.

Медсестра ушла.

Поскольку мы с отцом остались вдвоем, маленькая комната ожидания вдруг превратилась в огромный ангар.

— Она выкарабкается, — сказал мне отец. — Будет как новенькая.

Я не мог усидеть на месте. Кружил по комнате, сжигая нервную энергию.

Произошло все в воскресенье, 22 декабря, не в один из пяти дней, записанных на оборотной стороне контрамарки в цирк. Но в полночь начинался третий из дней в списке дедушки Джозефа.

Что более худшее могло произойти после полуночи в сравнении с тем, что уже случилось этим вечером?

Я притворился, что не знаю ответа. Выдавил из головы и этот опасный вопрос.

Устав кружить по комнате, я остановился у одного из двух окон. Не знаю, сколько простоял рядом с ним. Старался всмотреться в находящееся за стеклом, но ничего не видел. Только черноту. Бездонную черноту.

Схватился за подоконник. У меня закружилась голова. Я почувствовал, будто вываливаюсь в окно, в темный водоворот.

— Джимми? — позвал меня отец.

Когда я не ответил, положил руку мне на плечо.

— Сынок.

Я повернулся к нему. Потом сделал то, чего не случилось со мной с детства: заплакал в объятиях отца.

Глава 50

Около полуночи приехала мама с большой жестяной сладостей, привезла пирожки, пирожные, сдобное печенье.

За ней следовала бабушка Ровена в желтом комбинезоне. Несла два больших термоса с колумбийским кофе.

В больнице хватало автоматов, продающих закуски и кофе. Но даже в критической ситуации наша семья никогда не будет есть и пить то, что предлагают эти автоматы.

Энни, Люси и Энди остались в доме моих родителей под присмотром и зашитой фаланги соседей, которым мы могли доверять, как себе.

Мама также принесла мне смену одежды. Мои туфли, брюки и рубашку покрывали пятна засохшей крови.

— Дорогой, походи в мужской туалет в конце коридора, умойся и переоденься, — сказала она мне. — Тебе сразу полегчает.

Мне казалось, что я предавал Лорри, покидая комнату ожидания, даже для того, чтобы умыться и переодеться. Не хотел идти.

Прежде чем выехать из дома, мама нашла свою любимую фотографию Лорри и вставила в маленькую рамку. Теперь сидела, положив фотографию на колени, и пристально смотрела на нее, словно это был талисман, гарантирующий полное выздоровление невестки.

Мой отец присел рядом с матерью, взял за руку, крепко сжал. Что-то прошептал ей. Она кивнула. Провела по фотографии одним пальцем, словно разглаживала Лорри волосы.

Бабушка Ровена осторожно разжала мою руку, взяла кулон, положила на одну ладонь, накрыла другой, согревая, прошептала: «Иди, Джимми. Нельзя же в таком виде предстать перед Лорри».

Я решил, что с Лорри действительно ничего не случится из-за того, что я на несколько минут покину комнату ожидания. Потому что вахту продолжали нести дорогие мне люди.

В мужском туалете я поначалу не мог заставить себя помыть руки, из страха, что смою Лорри вместе с ее кровью.

Собственной смерти мы боимся не так сильно, как смерти наших близких. Чтобы не понести такую утрату, чего только не придумываем.

После моего возвращения в комнату ожидания мы поели сладкого и выпили кофе с такой торжественностью, будто принимали причастие.

В половине первого пришла медсестра, чтобы сказать: на операцию доктору Корнеллу требуется больше времени, чем он поначалу предполагал. И теперь он рассчитывал поговорить с нами только в половине второго.

Лорри находилась в операционной уже больше четырех часов.

От пирожных и кофе у меня начало жечь желудок.

Все еще в хирургическом зеленом костюме и шапочке, доктор Корнелл пришел в комнату ожидания в 1:33, в сопровождении Мелло Мелодиона. Ему было за сорок, но выглядел он моложе. Держался уверенно, определенно зная цену своему мастерству и опыту.

— Учитывая серьезность ранений, — сказал доктор Корнелл, — все прошло очень даже хорошо.

Он удалил поврежденную селезенку, без которой Лорри могла жить. Больше проблем возникло с удалением сильно поврежденной почки, но, с другой стороны, она могла вести полноценную жизнь и с одной почкой.

Немало хлопот доставили разрывы желудочной и мезентериальной вен. Ему пришлось заменять поврежденные участки венами, взятыми из ноги.

В двух местах он зашил тонкий кишечник. И вырезал двухдюймовый участок толстого.

— Ее состояние будет считаться критическим еще как минимум двадцать шесть часов, — сообщил нам доктор Корнелл.

Повреждения внутренних органов грозили возникновением перитонита. Если бы такое случилось, потребовалась бы вторая операция. Лорри начали вводить медикаментозные средства, разжижающие кровь, с тем чтобы уменьшить риск инсульта от тромбов, которые образовывались на появившихся на венах швах.

— Для Лорри опасность еще не миновала, — предупредил доктор, — но теперь уверенности в благополучном исходе у меня гораздо больше, чем в тот момент, когда я вскрыл брюшную полость. Подозреваю, она из тех, кто до конца борется за свою жизнь, так?

— Это точно, — подтвердил его предположение Мелло Мелодион.

— Она покрепче меня будет, — вставил я.

После того как Лорри привезли в одну из палат интенсивной терапии, мне разрешили зайти к ней буквально на пять минут.

Она еще не отошла от наркоза. Но даже на спящем, расслабленном лице я видел следы страданий.

Я прикоснулся к ее руке. Кожа была теплой, возможно, в сравнении с моими ледяными руками.

Бледное лицо светилось, как лицо святого на картинах того столетия, когда люди верили в святых, а художники — даже больше, чем большинство людей.

Она лежала под капельницей, подключенная к кардиомонитору, в ноздри по трубкам поступал кислород. Я отвел глаза от ее лица только для того, чтобы взглянуть на монитор, показывающий работу сердца.

Мама и бабушка провели пару минут у Лорри, а потом поехали домой, к детям.

Я предложил уехать и отцу, но он остался.

— Мы съели еще не все сладости, которые привезла мать.

В предрассветные часы мы были бы на работе, если б не приехали в больницу, поэтому сонливости я не чувствовал. И жил лишь ради коротких визитов в палату Лорри, которые разрешали мне медсестры отделения интенсивной терапии.

На заре медсестра зашла в комнату ожидания, чтобы сказать, что Лорри пришла в себя. И сразу сказала: «Позовите Джимми».

Увидев, что она очнулась после наркоза, я бы заплакал, если б не опасался, что слезы ослепят меня. А я так хотел смотреть на нее во все глаза.

— Энди? — спросила она.
— В безопасности. Цел и невредим.
— Энни, Люси?
— С ними тоже все в порядке.
— Правда?
— Абсолютная.
— Бизо?
— Мертв.
— Хорошо. — Она закрыла глаза. — Хорошо.
Потом спросила:
— Какое сегодня число?
Мне не хотелось говорить правду, но потом я решил не кривить душой.
— Двадцать третье.
— Тот самый день.
— Вероятно, дедушка ошибся на несколько часов. Ему следовало предупредить нас насчет двадцать второго.
— Возможно.
— Худшее позади.
— Для меня.
— Для всех нас.
— Может, не для тебя.
— Я в порядке.
— Не теряй бдительности, Джимми.
— Обо мне не волнуйся.
— Ни на минуту не теряй бдительности.

Глава 51

Отец поехал домой, поспать три часа, пообещав вернуться с сэндвичами с ростбифом и фисташково- миндальным тортом.

Утром, делая обход, доктор Корнелл объявил, что состояние Лорри внушает ему сдержанный оптимизм. Она определенно шла на поправку, хотя опасности возникновения осложнений еще не миновала.

Люди, родственники которых тоже лежали в отделении интенсивной терапии, приходили и уходили. Но мы находились в комнате ожидания вдвоем, когда к нам вновь заглянул доктор Корнелл и предложил мне присесть.

Я сразу понял, что он собирается сказать мне что-то важное и его слова будут той самой причиной, по которой дедушка Джозеф включил этот день в список ужасных.

Я думал о пулях, рвущих кишки, почки, сосуды, и гадал, какие еще органы могли получить повреждения. В голове сверкнуло: «Позвоночник» ,

— Господи, нет. У нее парализовало ноги, да?

На лице доктора Корнелла отразилось удивление.

— Ну что вы. Об этом я сказал бы прошлой ночью.

Я не позволил себе облегченно вздохнуть, потому что он не собирался поделиться со мной новостями которые следовало отпраздновать шампанским.

— Как я понимаю, у вас и Лорри трое детей,

— Да. Энни. Люси. Энди. Трое.

— Старшей дочери скоро исполнится пять лет?

— Да, Энни. Она такой сорванец.

— Трое детей младше пяти... это много.

— Особенно если у каждого из них свое живущее в стенном шкафу чудовище.

— Такой представляется Лорри идеальная семья?

— Дети у нас, конечно, хорошие, но не идеальные, и — я имею в виду количество детей.

— Ну, она хочет двадцать.

Он посмотрел на меня так, словно за ночь у меня выросла вторая голова.

— Скорее это шутка, — продолжил я. — Она согласна остановиться на пяти, в крайнем случае шести или семи. Двадцать — это преувеличение, показывающее, как важна для нее семья.

— Джимми, вы понимаете, как повезло Лорри том, что она осталась жива?

Я кивнул.

— И я понимаю, что ей предстоит долгий период выздоровления, но насчет детей не беспокойтесь. Ими будут заниматься мои родители и я. Лорри сможет спокойно набираться сил.

— Я не об этом. Джимми, дело в том... Лорри больше не сможет иметь детей. Для нее это будет ударом, вот я и не хочу, чтобы она узнала об этом до того, как поправится.

Если бы у меня остались только Лорри, Энни, Люси и Энди, я бы каждое утро и каждый вечер благодарил Бога за то, что Он дал мне так много.

Я не мог точно сказать, как воспримет она эту новость. При всей практичности она любила и помечтать, в ней сочетались реализм и романтика.

— Мне пришлось удалить один из ее яичников и фаллопиеву трубу. Второй яичник остался невредимым, но повреждения соседней фаллопиевой трубы неизбежно приведут к появлению спаек, из-за которых яйцеклетки не смогут проникать в матку.

— И восстановить ничего нельзя?

— Я в этом сомневаюсь. Кроме того, у нее осталась одна почка. Ей все равно не стоило бы беременеть.

— Я ей скажу. Выберу наиболее подходящий момент.

— Я сделал все, что мог, Джимми.

— Я знаю. И не могу выразить свою признательность только словами. Отныне и до конца жизни вы будете обеспечены выпечкой.

Доктор Корнелл ушел, но день продолжался, и я по-прежнему держался настороже, чтобы меня не застали врасплох неприятные сюрпризы, которые, возможно, увидел мой дедушка в последние минуты своей жизни. И при этом продолжал думать о бесплодии Лорри. Для меня это было грустное известие, но не более того. Она, возможно, решила бы, что это трагедия.

Отдохнув, папа вернулся с сэндвичами с ростбифом, оливковым салатом, фисташково-миндальным тортом.

Позже, когда я на несколько минут заглянул к Лорри в палату интенсивной терапии, она сказала:

— Панчинелло все еще жив.

— Он в тюрьме строгого режима. Беспокоиться не о чем.

— Все равно я буду беспокоиться.

Слабенькая, она закрыла глаза.

Я постоял у кровати, глядя на нее, потом прошептал:

— Ты уж меня прости.

Она, оказывается, не спала. Спросила, не открывая глаз:

— За что мне тебя простить?

— За то, что втянул тебя в эту историю.

— Никуда ты меня не втягивал. Ты спас мне жизнь.

— Когда ты вышла за меня замуж, мое заветное легло и на тебя.

Она открыла глаза, встретилась со мной взглядом.

— Послушай, человек-блин. Никакого заветного нет. Есть только жизнь.

— Но...

— Разве я не сказала «послушай»?

— Да, мэм.

— Никакого заветного нет. Есть жизнь, которая идет своим чередом. И в моей жизни ты

— это счастье, о котором я могла только мечтать. Ты ниспослан мне за все мои молитвы.

В следующий визит Лорри спала, я осторожно надел ей на шею цепочку с кулоном-камеей, защелкнул замочек.

Хрупкая вещица, но неразрушимая. Может выдержать любые удары. Совсем как истинная любовь.

Глава 52

Одиннадцатого января Лорри выписали из больницы. Какое-то время она находилась в доме моих родителей, соседнем с нашим, где ей всегда могли прийти на помощь.

Она спала на раскладушке в примыкающей к гостиной нише, где обычно рисовала мама, а с неоконченного портрета за ней наблюдал Шалтай-Болтай, чья-то черепаха.

К 26 января Лорри уже достаточно поправилась, чтобы угоститься праздничным обедом, какие устраивали в семье Ток.

Обычно даже на Рождество стол так не ломился от яств. Мы засомневались, а выдержит ли он такую нагрузку. После произведенных расчетов, в которые и дети внесли свои математические познания, основанные еще не на школьных знаниях, а на жизненной практике, мы пришли к выводу: ресурс стола на пределе, и еще два длинных батона приведут к тому, что ножки подломятся.

Пировать мы у ourselves в восьмером, детям положили на стулья большие подушки.

Никогда еще свечи не освещали наши лица таким теплым, таким ярким светом. Глядя на детей, Лорри, маму, папу и бабушку, мне казалось, что я попал в компанию ангелов.

За супом бабушка сказала:

— Вино напоминает мне то время, когда Спарки Андерсон откупорил бутылку «Мерло» и нашел в ней отрезанный палец.

Дети заверещали от радости.

— Ровена, — предупредил мой отец, — это вообще не застольная история, и она совершенно неуместна за праздничным обедом.

— Наоборот, — возразила бабушка Ровена, — это самая что ни на есть праздничная история.

— Нет в ней ничего праздничного, — раздраженно отрезал отец.

Мама пришла на помощь бабушке:

— Нет, Руди, она права. Это рождественская история. В ней есть даже олень.

— И толстяк с седой бородой, — добавила бабушка.

— Вы знаете, — подала голос Лорри, — я ведь так ни разу и не услышала историю о том, как Гарри Рамирес обварился до смерти.

— Это тоже праздничная история, — заявила моя мать.

Отец застонал.

— Да, конечно, — согласилась бабушка. — В ней есть карлик.

Папа вытаращился на нее.

— Каким образом появление карлика превращает историю в праздничную?

— Разве ты не слышал об эльфах? — удивилась бабушка.

— Эльфы и карлики — не одно и то же.

— А по мне одно, — ответила бабушка.

— И по мне, — поддакнула Люси.

— Карлики — это люди, — настаивал отец. — Эльфы — сказочные существа.

— Сказочные существа тоже люди, — возразила бабушка, — даже если они предпочитают спать только со своими.

— Карлика звали Крис Рингл? — спросила мама.

— Нет, дорогая Мэдди, Крис Прингл, — поправила ее бабушка. — С «П» в начале.

— Если в истории есть карлик, по мне, она тоже праздничная, — высказала свое мнение Лорри.

— Это безумие, — вырвалось у отца.

Мама похлопала его по плечу:

— Ну что ты так разнервничался, дорогой.

— Итак, — начала бабушка, — Спарки Андерсон платит восемнадцать долларов за бутылку «Мерло», а в те дни на такие деньги можно было купить гораздо больше, чем сегодня.

— Все так подорожало, — вздохнула мама.

— Особенно если хочется купить что-то с отрезанным пальцем внутри, — уточнила Лорри.

До следующего из пяти ужасных дней оставалось десять месяцев, и казалось, что эта ночь, со звоном бокалов, напоенная ароматом жареной индейки, будет длиться вечно.

Часть 5

ТЫ УМЫЛ РУКИ, КАК ПОНТИЙ ПИЛАТ

Глава 53

Федеральная тюрьма строгого режима «Скалистые горы» расположена в девяти милях от Денвера. Стоит на холме, у которого срезали вершину, а по склонам вырубili, все деревья. Вокруг сплошные леса, но окружающая тюрьму территория растительности лишена, так что тому, кто пытается сбежать из тюрьмы или подойти к ней, негде укрыться ни от лучей прожекторов, ни от часовых на сторожевых вышках.

Никому еще не удавалось сбежать из «Скалистых гор». Заключенные покидали тюрьму или отсидев положенное, или мертвыми.

В высоких каменных стенах виднеются забранные решетками окошки, слишком маленькие, чтобы в них мог протиснуться взрослый человек.

Над главными воротами, которые ведут на обнесенную стеной автомобильную стоянку, в камне выбиты слова: «ИСТИНА * ЗАКОН * СПРАВЕДЛИВОСТЬ * НАКАЗАНИЕ». Судя по внешнему виду тюрьмы и по контингенту закоренелых преступников, которые сидят в ней, можно сделать вывод, что слову «раскаяние» в этом ряду места нет.

В ту пятницу, 26 ноября, четвертый из моих пяти ужасных дней, серое небо, что давило на тюрьму, выглядело таким же унылым, как будущее здешних заключенных. Ледяной ветер пробирал до костей.

Прежде чем мы миновали ворота и попали на огороженную стоянку, нам троим пришлось выйти из «Эксплорера». Двое охранников быстро, но тщательно обыскали автомобиль, заглянули под днище. Искali прежде всего чемоданчики-бомбы и гранатометы.

— Я боюсь, — призналась Лорри.

— Тебе необязательно идти с нами, — ответил я.

— Обязательно, — возразила она. — Слишком многое поставлено на карту.

Получив разрешение заехать на стоянку, мы остановились как можно ближе к двери, ведущей в здание тюрьмы. Хотелось до минимума сократить прогулку на обжигающем ветру.

Сотрудники пользовались теплым подземным гаражом. Стоянка обслуживала только посетителей.

Накануне Дня благодарения их вроде бы должно было быть много. Однако на каждый автомобиль приходилось девять пустых ячеек.

Учитывая, что заключенных привозили сюда из всех западных штатов, возможно, ко многим родственники не имели возможности приезжать регулярно: слишком далеко. А может, плевать хотели на заблудшую овцу в своем стаде.

Впрочем, в тюрьме сидели и те, кто убил свою семью, а потому не мог ожидать приезда жены или детей.

Даже в наше сентиментальное время я не мог сочувствовать этим одиноким мужчинам, сидевшим в камерах и с тяжелым сердцем наблюдающим, как птицы летят по небу, куда им только вздумается. Я никогда не понимал стремление Голливуда романтизировать преступников и тюремную жизнь. А кроме того, у большинства этих парней был телевизор, они подписывались на «Хастлер» и имели доступ к любым наркотикам.

За дверью, в коротком коридоре, где дежурили три охранника, один с помповым ружьем, мы назвали свои имена, показали удостоверения личности с фотографиями и

расписались в регистрационном журнале. Прошли через рамку металлоискателя, нас проверили и на флюороскопе. При этом мы находились под постоянным наблюдением видеокамер, смонтированных под потолком.

Симпатичная немецкая овчарка, натасканная на наркотики, лежала у ног своего инструктора, положив морду на переднюю лапу. Собака подняла голову, принялась, глядя на нас, зевнула.

Наш запас аспирина и средств для понижения кислотности в желудке не заставил ее вскочить на все четыре лапы, оцетиниться, зарычать. Мне оставалось только гадать, как отреагирует эта немецкая овчарка на посетителя, который явится с прописанными ему врачом таблетками «прозака»[64].

В конце коридора нас внимательно рассмотрела еще одна камера. Потом охранник открыл дверь, чтобы пропустить нас в «предбанник».

Поскольку наш визит организовывал Хью Фостер и из-за необычности нашего дела, нас принимали, как дорогих гостей. Заместитель начальника тюрьмы, в сопровождении вооруженного охранника, из «предбанника» провел нас к лифту, мы поднялись на два этажа, прошли по лабиринту коридоров, дважды останавливаясь перед закрытыми решетчатыми дверьми. Они открывались лишь после того, как заместитель начальника тюрьмы прикладывал правую руку к настенной пластине сканера. У совещательной комнаты нас попросили снять пальто и повесить их на вешалку. Мы прочитали список «ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ», который, забранный в рамку, висел рядом с дверью.

Мы с Лорри вошли в еще пустовавшую совещательную комнату размером примерно двадцать на пятнадцать футов, с серым полом, серыми стенами и флуоресцентными лампами под низким потолком.

Серый свет дня практически не проникал в забранные толстыми решетками два маленьких окна.

Середину комнаты занимал длинный, в восемь футов, прямоугольный стол. У дальнего торца стоял один стул, вокруг ближнего — четыре.

На одиноком стуле сидел Панчинелло Бизо, который еще не знал, что может или спасти нашу семью от трагедии, или приговорить к невыносимым страданиям.

Глава 54

Руки Панчинелло были прикованы к кольцам, вваренным в стол. Длина цепей позволяла Панчинелло встать и размять ноги, топчась на месте, но обойти стол он не мог. Каждая ножка стола двумя болтами крепилась к полу.

Обычно посетители разговаривают с заключенными через переговорное устройство, находясь по разные стороны стеклянной перегородки. Причем несколько человек, рассредоточившись вдоль перегородки, беседуют одновременно. Совещательные комнаты используют адвокаты, если разговор с клиентом не предназначен для чужих ушей.

Мы попросили устроить нам встречу с Панчинелло в такой вот комнате не потому, что хотели сказать ему что-то конфиденциальное. Просто чувствовали, что в более доверительной атмосфере у нас больше шансов убедить его откликнуться на нашу просьбу.

Но давящая атмосфера совещательной комнаты определенно не способствовала тому, чтобы человек с закаменевшим сердцем сподобился на доброе дело.

Оставшись в коридоре, охранник, сопровождавший нас, теперь закрыл дверь, через которую мы только что вошли.

Охранник, приведший Панчинелло, вышел через другую дверь в соседнюю комнату. Встал у окошка в двери. Он ничего не слышал, но все видел.

Мы остались наедине с человеком, который убил бы нас более девяти лет тому назад, если бы мы предоставили ему такую возможность, которого приговорили к пожизненному заключению, в том числе и благодаря нашим показаниям.

Учитывая большую вероятность того, что наше появление он встретит враждебно, я очень сожалел, что правила этой тюрьмы не разрешали взять с собой сладкую выпечку.

Девять лет, проведенные за решеткой, практически не отразились на Панчинелло. Разве

что прическа не была такой же модной, как девятью годами раньше, когда он взорвал городскую площадь. Он оставался все тем же зеленоглазым красавчиком.

И улыбка кинозвезды казалась искренней. Сверкающие зеленые глаза с интересом смотрели на нас.

Едва мы сели за стол у нашего края стола, он помахал нам пальцами правой руки, как обычно здороваются со знакомыми бабушки в скверике.

— Ты хорошо выглядишь, — заметил я.

— Я и чувствую себя хорошо.

— Трудно поверить, что прошло девять лет.

— Может, вам трудно. Мне кажется, что прошло столетие.

Мне не очень-то верилось, что он не затаил на нас обиду. В конце концов, он был Бизо, а эта семейка ненавидела всех и вся. И тем не менее враждебности в его голосе я не находил.

— Да, как я понимаю, у тебя тут много свободного времени.

— Я использовал его с толком. Заочно окончил юридическую школу, защитил диплом. Разумеется, как преступника, меня никогда не примут в коллегия адвокатов.

— Диплом юриста. Это впечатляет.

— Я подавал кассационные жалобы как на свой приговор, так и на приговоры, вынесенные другим заключенным. Вы не поверите, узнав, как много осужденных невиновны в преступлениях, которые на них повесили.

— Они все невиновны? — высказала догадку Лорри.

— Почти все, да, — ответил он безо всякой иронии. — Временами трудно не впасть в отчаяние, понимая, сколь несправедливо общество, в котором мы живем.

— Пирог есть всегда, — вырвалось у меня, прежде чем я понял, что Панчинелло, который никогда не слышал любимой присказки моего отца, может подумать, что у меня не все в порядке с головой.

Панчинелло, однако, воспринял мои слова иначе.

— Да, я люблю пироги, но справедливость ставлю выше. Помимо защиты диплома, я научился свободно говорить на немецком, потому что немецкий — язык справедливости.

— Это почему немецкий — язык справедливости? — удивилась Лорри.

— Честно говоря, не знаю. Слышал, как актер произнес эту фразу в старом фильме о Второй мировой войне. — Он что-то сказал Лорри на незнакомом мне языке, вероятно на немецком, потом перевел: — Этим утром ты прекрасна.

— Ты всегда знал, как угодить девушке.

Он улыбнулся Лорри, подмигнул.

— Я также научился свободно говорить на шведском и норвежском.

— Я не знаю ни одного человека, который бы изучал шведский или норвежский, — заметила Лорри.

— Видишь ли, я подумал, что, принимая Нобелевскую премию, следует обратиться к членам комитета на их родном языке.

— И в какой категории будет эта Нобелевская премия? — полюбопытствовал я.

— Я еще не решил. Может, премия мира, может, по литературе.

— Честолюбие — это хорошо, — одобрила Лорри.

— Я пишу роман. Половина из тех, кто сидит здесь, говорят, что пишут роман, но я действительно пишу.

— Я думал о том, чтобы написать что-то документальное, — поделился я с ним своими мыслями, — автобиографичное.

— Я сейчас на тридцать второй главе, — мои планы Панчинелло не интересовали. — Мой герой только что узнал, насколько злобен этот воздушный гимнаст. — Он что-то произнес, возможно, на норвежском или шведском, потом перевел: — Скромность, с которой я принимаю эту награду, эквивалентна мудрости вашего решения вручить ее мне.

— Они расплачутся, — предрекла Лорри.

И пусть я не сомневался в безумстве Панчинелло, его достижения произвели на меня

впечатление.

— Защитить диплом по юриспруденции, выучить немецкий, норвежский и шведский, начать писать роман... мне бы на это потребовалось гораздо больше девяти лет.

— Секрет в том, что я могу разумно использовать большую часть моего времени и концентрироваться на главном, не отвлекаясь на яйца.

Я понимал, что рано или поздно нам придется коснуться этой темы.

— Мне очень жаль, что все так вышло, но ты не оставил мне выбора.

Он небрежно взмахнул рукой, словно потеря мужского хозяйства особого значения не имела.

— Не будем никого винить. Что сделано, то сделано. Я не живу в прошлом. Я живу ради будущего.

— В холодные дни я хромаю, — признался я.

Он погрозил мне пальцем, звякнув цепью, которая пристегивала руку к кольцу на столе.

— Нечего хныкать. Ты тоже не оставил мне выбора.

— Полагаю, это правда.

— Я хочу сказать, если мы будем мериться виной, то главный козырь у меня. Ты убил моего отца.

— Если бы только твоего, — вздохнул я.

— И ты не назвал своего первого сына в его честь, как обещал. Энни, Люси, Энди, никакого Конрада.

Холодок пробежал у меня по спине, когда он перечислял имена наших детей.

— Откуда ты знаешь, как их зовут?

— Прочитал в газетах в прошлом году, после всей этой суеты.

— Под суетой ты подразумеваешь его попытку убить нас и похитить Энди? — спросила Лорри.

— Расслабься, расслабься, — Панчинелло лучезарно улыбнулся. — Нам тут делить нечего. Иногда с ним было трудно.

— Может, «трудно» — это мягко сказано? — спросила Лорри.

— Пусть будет трудно. Кому знать об этом лучше меня? Может, вы помните, но девять лет тому назад, в подвале под банком, когда всем еще было весело и хорошо, я сказал вам, что у меня было холодное, лишенное любви детство.

— Сказал, — кивнул я. — Именно так ты и сказал.

— Он пытался быть мне хорошим отцом, но не было в нем родительских чувств. Вы знаете, что за все годы, которые я здесь провел, он ни разу не прислал мне ни рождественской открытки, ни денег на сладости?

— Это плохо, — и я действительно, пусть и немного, посочувствовал ему.

— Но, разумеется, вы приехали сюда не для того чтобы мы могли рассказать друг другу, каким он бы мерзавцем.

— Если уж на то пошло... — начал я.

Он поднял руку, останавливая меня.

— Прежде чем вы скажете, зачем приехали, давайте обговорим условия.

— Какие условия? — спросила Лорри.

— Вероятно, вам нужно от меня что-то важное. В бы не приехали сюда, чтобы извиниться за то, что кастрировали меня, хотя я был бы вам признателен, если бы приехали. Если вы хотите что-то от меня получить, я имею право на компенсацию.

— Может, тебе лучше сначала узнать, что нужно нам? — возразил я.

— Нет, сначала я бы хотел поговорить о компенсации, — Панчинелло покачал головой. — А потом, если я сочту, что отдаю больше, чем получаю, мы сможем пересмотреть условия сделки.

— Хорошо, — кивнула Лорри.

— Прежде всего, я хочу ежегодно получать две поздравительные открытки, девятого августа, с днем рождения, и к Рождеству. Здесь многие парни изредка получают открытки, а я

— никогда.

— Две открытки каждый год, — согласился я.

— И не какие-нибудь дешевки или с надписями, которые вроде бы забавные, а на самом деле злобные, — уточнил он. — Что-нибудь от «Холмарка»[65], с душевным стихотворением.

— «Холмарк», — согласился я.

— Библиотека здесь плохонькая, и мы можем получать книги только от издателя или из магазина, но не от частных лиц, — объяснил он. — Я бы очень хотел, чтобы вы договорились с каким-нибудь магазином. Пусть присылают мне каждый новый роман Констанс Хаммерсмит. В формате-pocketбук[66].

— Я знаю эти книги, — кивнул я. — Она пишет о детективе, страдающем неврофиброматозом. Он мотается по Сан-Франциско в плаще с капюшоном.

— Это знаменитые книги! — воскликнул он, довольный тем, что мы разделяем его литературные пристрастия. — Он похож на Человека-слона, и никто никогда его не любил. Над ним смеются, он — изгой, ему бы плюнуть на всех, но он не может. Помогает людям, попавшим в беду, когда ни от кого другого ждать помощи уже не приходится.

— Она пишет по два романа в год, — сказал я. — Ты будешь получать их сразу после публикации pocketбуков.

— И последнее... мне разрешено иметь денежный счет. Мне нужно немного денег на сладости, жевательную резинку, чипсы.

Каким же жалким он оказался монстром.

— Деньги — не проблема, — заверила его Лорри.

— Много мне не нужно. Долларов пятьдесят в месяц... даже сорок. И не на всю жизнь, но на достаточно длительный срок. Без денег здесь адская жизнь.

— Когда мы объясним, почему мы здесь, ты поймешь, что мы не сможем дать тебе денег, — сказал я. — Но я уверен, что мы найдем человека или благотворительный фонд, который будет каждый месяц посылать тебе эти пятьдесят долларов, если ты будешь держать язык за зубами.

Он просиял.

— Как мне это нравится! Читая Констанс Хаммерсмит, самое оно — жевать шоколадный батончик.

Уродливый, скрывающий лицо под капюшоном детектив обожал шоколад. И любил играть на клавишине.

— Клаведин мы тебе передать не сможем, — предупредил я.

— Ничего страшного. Музыкального таланта у меня все равно нет. Только то, о чем мы договорились... я сразу почувствую разницу. Жизнь тут такая... слишком много ограничений, так мало радостей. И они относятся ко мне так, будто я убил тысячу людей.

— Несколько ты убил, — напомнила ему Лорри.

— Но не тысячу. И колокольня, которая упала на старушку. Я же не собирался ее убивать. Наказание должно соответствовать масштабу преступления. — Тут Панчинелло наклонился вперед, положил скованные руки на стол. — Ладно, хватит об этом. Теперь мне не терпится узнать, что привело вас сюда?

— Синдактилия, — ответил я.

Глава 55

Синдактилия.

Его передернуло, словно я отвесил ему затрецину. Серый цвет ушел с лица, уступив место мертвенной бледности.

— Как вы об этом узнали? — спросил он.

— Ты родился с пятью сросшимися пальцами на левой ноге...

— Вам сказал этот мерзавец, так?

— Нет, — покачала головой Лорри. — О твоей синдактилии мы узнали неделю тому назад.

— И с тремя сросшимися пальцами на левой руке, — добавил я.

Он поднял обе руки, широко развел пальцы. Красивые кисти, красивые пальцы, только в тот момент они сильно тряслись.

— Срослась только кожа, не кости. Но он сказал мне, что ничего сделать нельзя и мне придется с этим жить.

Его глаза наполнились слезами, которые тут же потекли по щекам. Панчинелло составил из ладоней чашу, окунул в нее лицо.

Я посмотрел на Лорри. Она покачала головой.

Мы дали ему время. Ему требовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

За окнами небо потемнело, словно какой-то небесный редактор сократил дневную пьесу с трех действий до двух, вырезал полдень и соединил утро с сумерками.

Я не знал, как отреагирует Панчинелло на наши откровения, но никак не ожидал, что он упадет в такое отчаяние. И вновь пожалел его.

Наконец он поднял голову, щеки блестели от слез.

— Великий Бизо сказал мне, что пять сросшихся пальцев на ноге — для клоуна плюс. Естественность измененной походки очень важна.

У охранника, который наблюдал за происходящим в совещательной комнате через стеклянную панель в двери за спиной Панчинелло, на лице отразилось удивление. Похоже, ему нечасто доводилось видеть рыдания безжалостного убийцы.

— Люди не могли бы видеть мою стопу, только мою странную походку. Но они увидели бы мою руку. Я не мог всегда держать ее в кармане.

— Это не уродство, — заверил я его. — Всего лишь физиологическое отличие... чертовски неудобное, конечно.

— Для меня это было уродством. Я ненавидел сросшиеся пальцы. Моя мать была совершенством. Великий Бизо показывал мне ее фотографии. Много фотографий. Моя мать была совершенством... а я — нет.

Я подумал о моей матери. Мэдди. Миловидная, на совершенство она, конечно же, не тянет. Ее доброе, великодушное сердце, однако, совершенно, а вот это стоит дороже той красоты, что так ценится в Голливуде.

— Время от времени, пока я подрастал, великий Бизо фотографировал мои деформированные руку и ногу. Без обратного адреса посылал фотографии этой свинье из свиней, этому сифилитическому хорьку, Виргилио Вивасементе.

— Зачем? — спросила Лорри.

— Чтобы показать Виргилио, что его самая прекрасная и талантливая дочь не смогла родить воздушного гимнаста, что следующее поколение цирковых звезд в династии Вивасементе придется растить из детей менее талантливых артистов. Как я мог с такой ногой ходить по натянутой проволоке? Как я мог с такой рукой перелетать с трапеции на трапецию?

— И когда тебе разъединили пальцы? — спросил я.

— В восемь лет я заболел скарлатиной. Великому Бизо пришлось отвезти меня в больницу. Врач сказал, что сращивания костей нет, а разделить кожу очень легко. После этого я наотрез отказался учиться на клоуна, пока не будет сделана операция.

— Но клоунского таланта у тебя не оказалось.

Панчинелло кивнул.

— После операции я очень старался выполнить данное отцу обещание, но клоуном был паршивым. Я понял это, едва мне разделили пальцы на ноге и руке.

— Ты прирожденный воздушный гимнаст, — сказала Лорри.

— Да. Втайне от отца брал уроки. Начал поздно. В этом деле оттачивать мастерство нужно с детства. А кроме, того, в глазах Виргилио я был замаран клоунской кровью. И он сделал бы все, чтобы не позволить мне выйти на манеж воздушным гимнастом.

— Вот ты и решил посвятить жизнь мести. — Вроде бы что-то такое он нам говорил в далеком 1994 году.

— Не умея летать, можно и умереть, — согласился Панчинелло.

— Вся эта безумная история о ночи твоего рождения, о медсестре — наемной убийце и

о подкупленном Виргильо враче, который убил твою мать, — ложь от начала и до конца, — сказал я ему.

Панчинелло улыбнулся сквозь слезы и покачал головой.

— Я подозревал, что так оно и есть.

От его признания у меня похолодело внутри.

— Ты подозревал, что эта история — ложь? И тем не менее вернулся в Сноу-Виллидж, чтобы убить ни в чем не повинных людей и взорвать город?

Он пожал плечами:

— Какое-то, а занятие. Иногда приходится держаться за ненависть. Если нет ничего другого.

«Какое-то, а занятие. Вечер выдался скучным, так давайте взорвем город».

Но эту мысль я озвучивать не стал.

— У тебя явные способности к иностранным языкам. Ты мог бы стать учителем, переводчиком.

— Всю мою жизнь я ничем не мог порадовать великого Бизо. А кроме него, ни один мужчина, ни одна женщина — совершенно никто не хотел, чтобы я его или ее порадовал. Стань я учителем — его бы это не впечатлило. А вот отомстить за смерть матери... я знал, тогда он будет мною гордиться, — губы разошлись в ослепительной улыбке. — Я знал, за это мой отец любил меня.

— Правда? — полностью изгнать из голоса презрение мне не удалось. — Ты уверен, что любил? Он не прислал тебе ни единой рождественской открытки.

Улыбка поблекла.

— Я уже говорил, он никогда не был хорошим отцом. Но уверен, любил меня за то, что я сделал в Сноу-Виллидж.

— Я не сомневаюсь, что любил, Панч, — подала голос долго молчавшая Лорри. — Думаю, ты сделал то, что должен был сделать, — этими словами она напомнила мне о цели нашего приезда: мы хотели расположить его к себе, а не настраивать против себя.

Ее одобрение, лживое для моего уха и искреннее для его, вернуло улыбку на лицо Панчинелло.

— Если бы в ту ночь в Сноу-Виллидж все прошло, как я и планировал, ты прожила бы эти годы со мной, а не с ним.

— Что ж, тут есть о чем подумать, не так ли? — и она ответила улыбкой на улыбку.

— Синдактилия, — повторил я.

Он моргнул, улыбка ушла, ее место заняло недоумение.

— Ты так и не сказал, откуда узнал об этом.

— С пальцами на руках у меня все было в порядке, но я родился с тремя сросшимися пальцами на правой ноге и двумя — на левой.

— Да что это за жуткая больница? — в его голосе слышался скорее ужас, чем удивление.

Иногда казалось, что он в здравом уме, иной раз его безумие не вызывало ни малейших сомнений. Ему хватило ума защитить диплом по юриспруденции и выучить несколько языков, и при этом он мог ляпнуть такую вот чушь.

— Больница тут ни при чем.

— Мне следовало взорвать и ее.

Я вопросительно взглянул на Лорри.

Она глубоко вдохнула, кивнула.

Я повернулся к Панчинелло.

— У нас обоих были сросшиеся пальцы, потому что мы — братья. Близнецы.

Он изумленно вытаращился на меня, потом перевел взгляд на Лорри. Недоверчиво усмехнулся.

— Расскажи это какому-нибудь олуху, который никогда не смотрелся в зеркало.

— Мы не похожи, — ответил я, — потому что мы — разнояйцевые близнецы, не

одноййцевые.

Глава 56

Я не хотел быть его близнецом, даже разноййцевым, и не только потому, что становился братом маньяка-убийцы. Не было у меня никакого желания вклеивать фотографию Конрада Бизо в семейный альбом за подписью. «ПАПА». Натали Вивасементе Бизо могла быть писаной красавицей, совершенством во плоти, но даже ее я не хотел видеть среди своих ближайших родственников.

У меня уже были отец и мать, Руди и Мэдди Ток. Они, и только они, сделали меня таким, какой я есть, дали мне шанс стать тем человеком, каким мне хотелось стать. Я создан для того, чтобы быть пекарем, а не кем-то еще. Если их кровь не течет в моих венах, то течет их любовь, переливания которой они делали мне всю мою жизнь.

Другие варианты... Натали могла остаться в живых, а если бы умерла, меня мог воспитывать Конрад, не стоит даже рассматривать.

Прежде всего потому, что все они из категории невероятных. Подумайте вот над чем. Дедушка Джозеф, пусть и не мой настоящий дедушка, предсказывал будущее не своего настоящего внука, который в ту ночь родился мертвым, а младенца, которого Руди и Мэдди Ток сразу же приняли за своего. Разве дедушке Джозефу могли открыться события из жизни «внука», к которому он не имел никакого отношения?

Мне остается только верить в существование какой-то высшей силы, которая, верша судьбы людей, использовала моего дедушку совсем не для того, чтобы предупредить меня о пяти ужасных днях в моей жизни. Скорее главная цель была другой: заставить Руди поверить всем сердцем, что младенец со сросшимися пальчиками на ногах, совершенно не похожий ни на одного из родителей, и есть тот ребенок, которого Мэдди носила под сердцем девять месяцев. Дедушка Джозеф сказал Руди, что я появлюсь на свет в 22:46, ростом в двенадцать дюймов, весом в восемь фунтов и десять унций, со сросшимися пальчиками на ногах. К тому времени, когда меня, завернутого в одеяльце, передали ему, папа уже знал, кого держит на руках, и принял как сына, который полностью соответствовал предсказаниям его отца, произнесенным на смертном одре.

Мой ангел-хранитель не хотел, чтобы я оказался в приюте или меня усыновила другая семья. Он хотел, чтобы я занял место Джимми Тока, который умер по пути в этот мир.

Почему?

Возможно, Бог полагал, что этому миру не хватает одного хорошего шеф-кондитера по пирожным.

Может, Он думал, что Руди и Мэдди заслужили ребенка, чтобы воспитывать его с любовью, заботой и нежностью, как воспитывали они меня.

Полного и истинного ответа на все эти загадки я не найду никогда... разве что он откроется мне после смерти.

Одно я сказал неправильно: Джимми Ток не умер по пути в этот мир. Кто умер, так это безымянный младенец. Я — единственный Джимми Ток, единственный, кому было суждено им быть, сын Руди и Мэдди, независимо из того, из чьего чрева я вышел. Я создан для пирожных, для Лорри Линн Хикс и для Энни-Люси-Энди, создан для многого другого, чего я еще не знаю, и каждым прожитым днем я реализую некий замысел, пусть мне никогда его не осознать.

Я испытываю безмерную благодарность. И смирение. А иногда — страх.

В 1779 году поэт Уильям Каупер[67] написал: «Загадочен путь Господа, непостижимы Его чудеса».

В глазах Панчинелло все еще читалось недоверие.

— Расскажите мне об этом.

— Мы привезли с собой человека, рассказ которого покажется тебе более убедительным, — ответила Лорри.

Я встал, подошел к двери, открыл ее, выглянул в коридор и попросил зайти в совещательную комнату Шарлей Коулман, земной инструмент моего ангела-хранителя.

Глава 57

Шарлей Коулман, которая дежурила в родильном отделении в ту ночь, когда я появился на свет, в свои пятьдесят девять лет по-прежнему работала в той же больнице. И, несмотря на долгие годы проживания в Колорадо, не потеряла выговор уроженки штата Миссисипи. Лицо ее оставалось таким же добрым, каким было тогда, и таким же черным.

Она набрала вес, по ее словам, исключительно из-за бесплатных сладостей, которые все годы получала от моего отца. Но, как говорит она, если ты хочешь попасть в рай, сначала ты должен пройти по жизни, и тебе требуется слой набивки, чтобы смягчить удары, которые по пути можно заполучить от судьбы.

Редкие женщины могут сравниться с Шарлей. Она прекрасно знает свое дело, но не кичится этим. Решительна, но никем не понукает, уверена в своих моральных принципах, но никого не поучает. Любит себя, но понимает, что до совершенства ей еще далеко.

За стол Шарлей села между мною и Лорри, напротив Панчинелло.

— Ты родился маленьким, с красным, сморщенным личиком, но превратился в красавца, который разбивает сердца, не прикладывая к этому никаких усилий.

К моему удивлению, его бледные щеки зарделись румянцем.

Комплимент, несомненно, Панчинелло понравился, но он сказал:

— Да только пользы мне это не принесло.

— Маленький барашек, никогда не ставь под сомнение дары Божьи. Если мы не можем воспользоваться тем, что нам даровано, это наша вина, не Его. — Она несколько мгновений пристально смотрела на Панчинелло. — Я думаю, ты никогда не отдавал себе отчет в том, какой же ты красавец. Даже сейчас ты не очень-то в этом уверен.

Он посмотрел на руку с когда-то сросшимися пальцами. Развел их, пошевелил каждым, словно разделили их только вчера и он учится использовать их по отдельности.

— И твоя мама тоже была красоткой, — продолжила Шарлей. — Нежной, как дитя, и хрупкой.

Оторвавшись от руки, он ухватился за безумную фантазию, придуманную его отцом.

— Ее убил врач, потому что...

— Ничего подобного, — прервала его Шарлей. — Ты распознаешь выдумку, когда слышишь ее, точно так же, как распознаю ее я. Притворяясь, что веришь тому, чего не было, поскольку иметь дело с фактами жизни куда как труднее, ты превращаешь всю свою жизнь в ложь. И куда тебя может привести этот путь?

— Сюда, — признал он.

— Когда я говорю, что твоя мама была хрупкой, речь не только о том, что она умерла в родах, что с ней и произошло, пусть врач из всех сил пытался ее спасти. Хрупкой была и ее душа. Кто-то, похоже, ее сломал. Она много чего боялась, бедняжка, не только родов. Схватила меня за руку и не хотела отпускать, пыталась что-то рассказать мне, но боялась услышать себя.

Я чувствовал, если бы не цепи, которые приковывали Панчинелло к кольцам на столе, и правила поведения в совещательной комнате, он потянулся бы к Шарлей, как почти что тридцать лет тому назад потянулась его мать. Он смотрел на нее как зачарованный. На лице отражалась печаль, в глазах застыли рухнувшие мечты.

— Хотя твоя мама умерла, — продолжала Шарлен, — она дала жизнь двум здоровеньким близнецам. Ты был поменьше, Джимми — побольше.

Я смотрел на него, не сводящего глаз с Шарлей, и думал о том, какой иной была бы моя жизнь, если бы она, пытаясь спасти хоть одного из нас, унесла из родильного отделения его, а не меня.

Вероятность того, что я мог прожить его жизнь, а он — мою, помогала мне увидеть и почувствовать в нем брата, но я все равно не мог открыть ему свои объятья. Он оставался для меня незнакомцем.

— У Мэдди Ток роды тоже шли тяжело, — тем временем рассказывала Шарлей Панчинелло, — но итог их был прямо противоположным. Мэдди осталась живой, а ребенок

умер. Ее последняя схватка оказалась настолько болезненной, что Мэдди лишилась чувств... и так и не узнала, что родила мертвого младенца. Я взяла крошку и положила в детскую кроватку, чтобы, придя в себя, она не увидела тельце...

Странное дело, думая о мертворожденном младенце, я скорбел о нем, как о потерянном брате, как не смог бы скорбеть о смерти Панчинелло.

— А потом доктор Макдональд пошел в комнату ожидания, чтобы утешить Конрада Бизо, потерявшего жену, и Руди Тока, потерявшего сына.

В ту ночь на работу в родильном отделении вышли не все. В городе была эпидемия гриппа, и несколько человек болели. Кроме меня, принимать роды доктору Макдональду помогала только одна медсестра, Лоис Хансон. Когда Конрад Бизо начал кричать на доктора, так злобно, ругая его последними словами, мы обе подумали о близнецах, но по разным причинам. Лоис решила, что от одного только вида детей Конрад успокоится, но я только что развелась с жестоким человеком и знала, услышав крики Конрада, что его ярость добротой не успокоить, он будет бушевать, пока ярость полностью не выгорит. Поэтому я думала только о спасении детей. Лоис пошла в комнату ожидания, и Конрад убил ее, я же побежала в другую сторону, с Джимми, и спряталась.

Ранее меня тревожило, что Панчинелло, несмотря на тот факт, что мы оба родились с синдактилией, скептически воспримет историю Шарлей, а то и с порога отметет ее. Но нет, он не просто поверил медсестре, он жадно ловил каждое ее слово.

Возможно, думал о том, что его судьба так схожа с судьбой героя романа Александра Дюма «Двадцать лет спустя». Он — несчастный близнец, посаженный в крепость, тогда как я — узурпатор французского трона.

— Когда я узнала, что наш добрый, милый доктор Макдональд убит, как и Лоис Хансон, — продолжила Шарлей, — я осознала, что, кроме меня, ни одна живая душа не знает о том, что ребенок Мэдди родился мертвым, а Натали Бизо родила двух мальчиков. Если бы я ничего не сделала, перед Руди и Мэдди разверзлась бы пропасть, из которой они могли бы и не выбраться. А младенца, которого я спасла, определили бы в приют или его кто-нибудь усыновил... а может, забрали родственники Конрада Бизо, такие же безумные, как и он сам. И всю жизнь люди указывали бы на него пальцем и говорили: «Это сын убийцы». Я знала, что Руди и Мэдди — хорошие, честные, добропорядочные люди, я знала, какой любовью окружают они мальчика, вот и сделала то, что сделала, и Господин Наш Иисус простит меня, если подумает, что я взяла на себя роль Бога.

Панчинелло закрыл на полминуты глаза, переваривая сказанное медсестрой, потом посмотрел на меня:

— А что случилась с настоящим тобой?

Сначала я не понял вопроса, потом до меня дошло, что под «настоящим тобой» он подразумевает родившегося мертвым ребенка мамы и папы.

— У Шарлей была большая сумка. Она завернула тельце в белую пеленку, положила в сумку и прямо из больницы отнесла своему священнику.

— Я от рождения баптистка, — сказала Шарлей Панчинелло. — И платья для утренней церковной службы у меня наряднее, чем для субботнего вечера. Я — из семьи, в которой во славу Господа поют госпелы. Если бы мой священник сказал, что я поступила неправильно, я бы вернулась в больницу и во всем призналась. Но, если у него и были сомнения, сострадание убедило его взять мою сторону. При нашей церкви есть свое кладбище, вот мы, священник и я, нашли там местечко для ребенка Мэдди. Похоронили с молитвой, вдвоем, а годом позже я купила маленький надгробный камень. И когда душа ребенка зовет меня, я иду на могилу с цветами и рассказываю ему, какая замечательная жизнь у Джимми, который занял его место, как бы он гордился таким братом, как Джимми.

Я побывал на кладбище с мамой и папой и видел это надгробие, простенький гранитный прямоугольник толщиной в два дюйма. На нем выбиты слова: «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ РЕБЕНОК, КОТОРОГО БОГ ТАК ВОЗЛЮБИЛ, ЧТО ЗАБРАЛ К СЕБЕ ПРИ РОЖДЕНИИ».

Может, наша свободная воля направлена не в ту сторону, может, дело в постыдной

гордыне, но мы живем, убежденные, что находимся в центре событий. Редко нам удается забывать про себя, оторваться от собственных проблем и увидеть общую картину, осознать, что мир — это огромное тканое полотно, а каждый из нас — всего лишь ниточка этого полотна, однако каждая ниточка важна для того, чтобы полотно оставалось цельным.

И когда я стоял перед этим надгробием, у меня вдруг создалось ощущение, будто огромная волна подняла меня, вознесла высоко-высоко, а потом вернула на берег с куда большим уважением к невообразимой сложности жизни, к неразрешимым загадкам окружающего нас мира.

Глава 58

Обжигающий холод превратил снежинки в гранулы, которые стучали по окнам, словно души жертв здешних заключенных.

После того как Шарлей все рассказала и вернулась в коридор, Панчинелло наклонился ко мне.

— Ты иногда задумываешься, настоящий ли ты? — В голосе слышался неподдельный интерес.

Вопрос заставил меня занервничать. Я не понимал его смысла, встревожился, что после него разговор сложится не так, как хотелось бы, и мы не сможем перейти к просьбе, ради которой и приехали сюда.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты не знаешь, о чем я, поскольку никогда не сомневался в том, что ты настоящий. Иногда я шагаю по улице, и создается такое впечатление, будто никто меня не видит, и я уверен, что стал невидимым. Или я просыпаюсь ночью, убежденный: за окном ничего нет, ничего, кроме темноты, вакуума, и я боюсь раздвинуть шторы и выглянуть, боюсь, что увижу абсолютную пустоту, а когда отвернусь от окна, комната тоже исчезнет, я буду кричать, но с губ не сорвется ни звука, я останусь один, ничего не чувствуя, ничего не ощущая, ничего не видя и не слыша, мир исчез, словно никогда и не существовал, и у меня уже нет тела, которое я могу пощупать, нет сердцебиения, которое я могу слышать, однако я по-прежнему думаю, думаю, думаю о том, что я хочу и чего у меня нет, о том, что у меня есть и от чего я не могу освободиться, о том, что для других я — ничто, как и другие для меня, и нет ничего реального, кроме всех этих воспоминаний, жгущих, настырных, ненавистных воспоминаний!

Безысходность — потеря надежды. Отчаяние — активная безысходность, зачастую выражающаяся в безрассудных действиях. Он говорил мне, что за все, чему научился, от владения всеми видами оружия до немецкого языка, от юриспруденции до норвежской грамматики, брался от отчаяния, словно впитывая в себя знания, обретал субстанцию, становился реальным. Но все равно просыпался ночью в полной уверенности, что за окном пустота.

Он распахнул дверь в себя, и увиденное за ней вызывало жалость и вселяло ужас.

Его слова открыли мне больше, чем он сознавал. Он показал, что после самого глубокого самоанализа, на который он был способен, ему так и не удалось увидеть в себе самого главного, он по-прежнему жил ложью. Он позиционировал себя, и мне, и себе, как человека, который сомневается в собственной реальности, а значит, и в смысле своего существования. А на самом-то деле им ставилось под сомнение существование окружающего мира, и верил он только в реальность себя самого.

Такой подход имеет научное название — солипсизм, и даже шеф-кондитер по пирожным, каким был я, слышал о нем: согласно этой теории, доказанным можно считать только существование собственного «я», индивидуального сознания со всеми его чувствами и желаниями. И Панчинелло не дано было увидеть себя ниточкой в едином полотне. Он полагал себя вселенной, а нас всех — своими фантазиями, которые можно убивать или оставлять в живых, в зависимости от его желаний, безо всяких последствий для нас или для него.

Такой образ мышления не начинается как безумие, но может к нему привести. Такой образ мышления начинается как выбор (это направление философии изучается в лучших

университетах), и сделанный им выбор превратил его в более страшную фигуру, чем та, которой он мог стать, будучи всего лишь несчастным мальчишкой, сведенным с ума силой обстоятельств.

И я перепугался еще больше. Мы пришли сюда, надеясь тронуть его сердце, но теперь-то мне окончательно стало ясно, что ничего у нас не получится. Потому что наши уговоры воспринимались им как бормотание призрака, увиденного во сне.

Это был четвертый из моих пяти ужасных дней, и теперь я знал, почему он станет худшим из всех, уже пережитых мною. Нас ждал отказ, и отказ этот приговаривал нас к безмерным страданиям.

— Зачем вы сюда пришли? — спросил он.

Не в первый раз, когда я не находил нужных слов.

Лорри приходила на помощь. Она продолжала прикидываться, будто видит в нем жертву, а не монстра.

— Мы пришли, чтобы сказать тебе, что ты — настоящий и у тебя есть способ доказать это раз и навсегда.

— И что же это за способ?

— Мы хотим, чтобы ты спас жизнь нашей дочери. Ты — единственный, кто может это сделать, и это будет самым убедительным доказательством твоей реальности.

Глава 59

Из сумочки Лорри достала фотографию Энни и положила ее на стол перед Панчинелло.

— Миленькая, — к фотографии он не прикоснулся.

— Через два месяца ей исполнится шесть лет, — сказала Лорри. — Если она проживет так долго.

— У меня никогда не будет детей, — напомнил он нам.

Я промолчал. Один раз уже извинился за то, что так эффективно кастрировал его, пусть работу и завершил профессиональный хирург.

— У нее аденомиосаркома, — добавила Лорри.

— Звучит пугающе, — ответил Панчинелло.

— Это рак почек, — пояснил я. — Опухоли растут очень быстро, и если не обнаружить их на ранней стадии, распространяются на легкие, печень, мозг.

— Слава богу, диагноз поставили вовремя, — подхватила Лорри. — У Энни вырезали обе почки, потом провели курсы радио- и химиотерапии. Сейчас раковых клеток в ее организме нет.

— Это хорошо, — кивнул он. — Ни у кого не должно быть раковых клеток.

— Но сложность теперь в другом.

— Все это не столь интересно, как подмена детей.

Я не решался открыть рта. Чувствовал, что жизнь Энни висит на тоненьком волоске и одно мое слишком резкое слово может этот волосок оборвать.

Поскольку и он не продолжил свою мысль, заговорила Лорри:

— Теперь почек у нее нет, и ей делают гемодиализ, три раза в неделю по четыре часа.

— Шесть лет, — Панчинелло покачал головой. — Она не сможет ходить в школу или на работу. У нее будет масса свободного времени.

Я не мог решить, то ли ему просто наплевать на Энни, то ли хочется власть поиздеваться над нами.

— Главная часть установки для гемодиализа — большой контейнер, который называется диализатором, — Лорри его словно и не услышала.

— У Шарлей могут возникнуть проблемы с законом за то, что она сделала? — спросил Панчинелло.

Дав себе слово, что ему ни при каких обстоятельствах не удастся вывести меня из себя, я ответил:

— Возможно, если мои родители подадут иск. Они этого не сделают.

— Диализатор состоит из множества крошечных волокон, через которые прогоняется

кровь, — Лорри не сбивалась с курса.

— В принципе, я черных людей не люблю, но она, похоже, хорошая женщина.

— И там есть жидкость, очищающий раствор, который забирает из крови шлаки и избыток солей.

— Она, правда, толстая, — и Панчинелло говорил о своем. — И если подумать о том, сколько она должна есть каждый день, поневоле задашься вопросом, а вдруг она не похоронила младенца, а съела?

Лорри закрыла глаза. Дважды глубоко вдохнула.

— Так бывает крайне редко, но есть случаи, когда у пациентов, которым гемодиализ необходим, возникает аллергия на один или более компонентов очищающего раствора.

— Нет у меня предубеждения к черным людям. Они должны иметь равные права и все такое. Мне просто не нравится, что они не белые.

— Диализат, очищающий раствор, содержит много компонентов. И в организм с кровью возвращаются их микроскопические дозы, настолько малые, что обычно они не представляют собой никакого вреда.

— Не нравится мне, что ладони у них светлые, а руки темные. И подошвы стоп у них тоже светлые. Все равно что они натянули на себя вторую кожу, а вот на ладони и подошвы ее не хватило.

— Если врач прописывает диализат, который не очень хорошо справляется с очисткой или у пациента повышенная чувствительность к этому диализату, его состав можно скорректировать.

— Одна из причин, по которым я знаю, что мир создан не так, как следовало, это наличие в нем черных людей. Замысел удался бы куда лучше, если бы все люди в этом мире были белыми.

Возможно, сам того не понимая, он максимально близко подошел к признанию, что, по его разумению, мир — это сцена, иллюзия, созданная, чтобы обмануть его, а он — единственный элемент правильного мира.

Лорри посмотрела на меня. Лицо ее оставалось спокойным, но глаза сверкали от раздражения. Я кивнул, предлагая ей продолжить.

Понимал, что с каждой минутой наши шансы достучаться до него уменьшались, но если бы мы сдались, то лишили бы Энни последней надежды.

— И уже совсем редко, такие случаи единичны, выясняется, что у пациента сильнейшая аллергия на самые минимальные дозы компонентов, составляющих основу диализата, и подобрать состав, не вызывающий аллергии, невозможно. У Энни тот самый случай. Аллергическая реакция нарастает с каждой процедурой диализа и может привести к анафилактическому шоку.

— Господи, так отдай ей одну из своих почек, почему ты этого не сделаешь? — спросил он. — Твои почки должны ей подойти.

— Благодаря твоему отцу, — напомнила ему Лорри, — у меня осталась только одна почка.

Он повернулся ко мне:

— Тогда одну из твоих.

— Если бы я мог, то уже лежал бы на операционном столе, — ответил я. — Когда меня проверяли на совместимость, выяснилось, что у меня гемангиомы обеих почек.

— Так ты тоже собрался умирать?

— Гемангиомы — доброкачественные опухоли. С ними можно жить всю жизнь, но пересаживать такие почки нельзя.

Перед самой смертью дедушка Джозеф воскликнул: «Почки! Почему почки должны быть таким важным органом? Это же абсурд, полнейший абсурд!»

Мой отец думал, что дедушка вновь впал в полузабытье, так что его последние слова никакой смысловой нагрузки не несут.

Мы знаем, что сказал бы на этот счет английский поэт Уильям Каупер, если бы не умер

в 1800 году.

Помимо фразы о неисповедимости путей Господних, старина Билл написал: «За наводящим ужас бедствием Бог прячет улыбающееся лицо».

Я всегда в это верил. Но в последнее время задумывался и готов в этом сознаться, а вдруг улыбка эта такая же «чокнутая», как те улыбки, которыми потчевал нас Панчинелло.

— Запишите вашего ребенка в лист ожидания, как делают все, — предложил мой брат-убийца.

— Нам придется ждать год, может, дольше, пока отыщется подходящий донор, — ответила Лорри. — Люси и Энди слишком малы, чтобы стать донорами.

— Год — не такой большой срок. Я прождал восемь лет, прежде чем мне разъединили пальцы.

— Ты меня не слушал, — в голосе Лорри появились резкие нотки. — Энни этот год может прожить только на диализе. А диализ ей противопоказан. И я объяснила почему.

— Я, возможно, подойду в доноры.

— Почти наверняка подойдешь, — возразил я.

— Опять в ведро попадет голова, а не нога, — предсказал он. — Так бывало всегда.

Лорри попыталась сыграть на эмоциях:

— Ты — ее дядя.

— А ты — мой брат, — обратился он ко мне. — И где ты был все эти девять лет, когда американская система правосудия распинала меня? Как Понтий Пилат, ты умыл руки.

Иррациональность его обвинения, и мания величия, это ж надо, сравнить себя с Иисусом, не требовали ответа.

— И вот еще что неправильно с черными людьми, — продолжил он. — Сперма черного человека должна быть черной, как у белого — белой. Но она тоже белая. Я видел достаточно порнофильмов.

Бывают дни, когда мне кажется, что за всю историю литературы мир, в котором мы живем, наиболее точно отражен в фантасмагорическом королевстве, куда Льюис Кэрролл отправил Алису.

Лорри не унималась: .

— Рано или поздно анафилактический шок убьет Энни. И случиться это может при следующей процедуре диализа. Мы не можем идти на такой риск. Мы загнаны в угол. Практически у нее осталось...

У Лорри перехватило дыхание, так что фразу пришлось заканчивать мне:

— Практически Энни осталось только два дня.

Произнеся эти слова, я почувствовал, как ледяные пальцы сжали мне сердце, и какие-то мгновения не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Значит, опять все возвращается к старому, доброму Панчинелло, — изрек мой брат. — Величайшим клоуном в истории человечества станет Панчинелло Бизо. Но нет, Панчинелло Бизо будет величайшим воздушным гимнастом нашей эпохи! Да только мне не позволили им стать. Никто не сможет отомстить за смерть матери лучше Панчинелло! Да только деньги я сохранить не смог и еще лишился яиц. И снова из всех людей только Панчинелло, один-единственный Панчинелло, может спасти маленькую Энни Ток, которую правильнее называть Энни Бизо. Только Панчинелло! Но в результате она все равно умрет, потому что, потому что, как и в прошлые разы, это всего лишь интрига, затеваемая с тем, чтобы вновь посадить меня в лужу.

Его речь добила Лорри. Она поднялась со стула, отвернулась от Панчинелло, ее начала бить дрожь.

Я смог выдавить из себя только одно слово:

— Пожалуйста.

— Уходи, — сказал он мне. — Возвращайся домой. Когда эта маленькая сучка умрет, похорони ее на баптистском кладбище рядом с безымянным младенцем, чью жизнь ты украл.

Глава 60

Когда мы вышли из совещательной комнаты в коридор, Шарлей Коулман сразу все поняла по выражению наших лиц. Раскрыла объятия Лорри, и Лорри, рыдая, припала к ее груди.

Мне же очень хотелось повернуть время вспять, вспоминая, что произошло в последние полчаса, и вновь обратиться к Панчинелло, найти другие, более убедительные слова.

Разумеется, я знал, что еще один разговор с ним не приведет к иному результату, как не приведут десять разговоров, сто. Говорить с ним все равно что говорить с ветром, слова глохли, не долетали до него.

Я знал, что не подвел Энни, что наш приезд сюда был обречен на провал. И тем не менее чувствовал, что подвел ее, и такое меня охватило отчаяние, что я сомневался, хватит ли мне сил дойти до автомобильной стоянки.

— Фотография, — внезапно вспомнила Лорри. — Фотография Энни осталась у этого мерзавца.

Она могла не уточнять. Я знал, почему мрачно сверкнули глаза, а губы в отвращении закаменели.

Я тоже не хотел, чтобы в уединении камеры он смотрел на фотографию Энни и утолял свою жажду жестокости мыслями о ее болезненной смерти.

Вернувшись в совещательную комнату, я нашел его на том же месте, только охранник уже собрался снять наручники, которые приковывали Панчинелло к столу.

— Фотография принадлежит нам.

После короткого колебания он протянул мне фотографию, но не отпустил, когда я взялся за другой ее край.

— Как насчет открыток? — спросил он.

— Каких открыток?

— На мой день рождения и Рождество.

— Да, конечно.

— От «Холмарка». Как мы и договорились.

— Мы ни о чем не договорились, сукин ты сын.

Кровь бросилась ему в лицо.

— Не смей оскорблять мою мать.

К этому он относился серьезно. Я это знал.

Но тут же злость ушла из него.

— Но я забыл... она ведь и твоя мать, не так ли?

— Нет. Моя мать дома, в Сноу-Виллидж, рисует игуану.

— То есть на сладости денег не будет?

— И на чипсы тоже.

Такое отношение вызвало у него неподдельное удивление.

— А как насчет романов Констанс Хаммерсмит?

— Дай мне фотографию.

Отдав фотографию, он повернулся к охраннику:

— Нам нужно еще несколько минут, чтобы закончить разговор.

Охранник посмотрел на меня.

— Сэр?

Я просто кивнул, не доверяя собственному голосу.

Охранник проверил, хорошо ли закреплены наручники, и вышел из совещательной комнаты, закрыл дверь и остался у стеклянной панели, наблюдая за Панчинелло.

— Ты привез с собой заявление, которое я должен подписать? — спросил Панчинелло.

Ответила ему Лорри. Она стояла на пороге совещательной комнаты, держа дверь открытой, чтобы я мог побыстрее выйти.

— У меня в сумочке три экземпляра. Заявление составлено хорошим адвокатом.

— Заходи, — попросил он. — Закрой дверь.

Лорри присоединилась ко мне, и у нее, как и у меня, наверняка возникла мысль о том,

что он опять нас разыгрывает, чтобы вновь отказать.

— Когда мы это сделаем?

— Завтра утром. В больнице в Денвере все готово. Им нужно сообщить за двенадцать часов.

— Сделку, которую мы заключили...

— Мы выполним все условия, — заверила его Лорри, доставая из сумочки ручку и три экземпляра заявления с просьбой отпустить его в больницу для операции по пересадке почки маленькой девочке.

Он вздохнул.

— Я люблю эти детективные романы.

— И шоколадные батончики, — напомнил я ему.

— Когда мы вели переговоры, я не знал, что мне придется отдать почку. Вы многого просите, учитывая, что уже лишили меня яиц.

Мы ждали.

— Я попрошу у вас еще кое-что.

Я не сомневался, что сейчас он что-нибудь отчудит, а потом будет громко хохотать, наслаждаясь нашим горем.

— В этой комнате нет подслушивающих устройств, — доверительно сообщил он нам, — потому что здесь адвокаты обычно беседуют с заключенными.

— Мы знаем, — кивнула Лорри.

— И я сомневаюсь, что этот козел у окна умеет читать по губам.

— Что ты хочешь? — спросил я, уверенный, что он попросит меня достать с неба луну.

— Я знаю, ты не доверяешь мне, как должен доверять брату. И я не жду, что ты исполнишь мое условие до того, как я отдам почку. Но, как только ей пересадят мою почку, ты будешь обязан выполнить мое условие.

— Если ты попросишь то, что мне по силам.

— Я уверен, что по силам, — радостно ответил он. — Если учесть, что ты сделал с великим Бизо.

Я его совершенно не понимал, не знал, сведет ли он все к злой шутке или действительно предложит мне что-то сделать.

— Я хочу, чтобы ты убил этого прыща на заднице Сатаны, Виргилью Вивасементе. Я хочу, чтобы ты заставил его страдать. Я хочу, чтобы он узнал, что тебя послал я. И чтобы в конце он стал мертвее всех мертвых.

Какая там шутка. Он говорил на полном серьезе.

— Хорошо, — пообещал я.

Глава 61

Белые флуоресцентные лампы на сером потолке, белые документы на сером стальном столе, белые гранулы снега, появляющиеся из серого дня и барабнящие по окнам, шариковая ручка, выводящая подписи на бумаге...

Свидетелями стали два охранника, которые привели в совещательную комнату, соответственно, Панчинелло и нас. Они расписались под подписью моего брата.

Один экземпляр Лорри оставила Панчинелло, два других убрала в сумочку. Мы заключили сделку, пусть ее условий и не было на бумаге.

Мы не пожали друг другу руки. Я бы пожал, если бы он захотел, почему нет, ведь благодаря ему Энни получала шанс остаться в живых. Но он, похоже, не видел необходимости рукопожатия.

— После того как все будет сделано и Энни поправится, — сказал он, — я бы хотел, чтобы вы изредка привозили ее сюда, скажем, на Рождество.

— Нет, — без запинки отрезала Лорри, хотя я сказал бы именно то, что он хотел услышать.

— Во-первых, я ее дядя, — напомнил он. — И спаситель.

— Не буду тебе врать, — сказала ему Лорри. — И Джимми тоже. Ты никогда не

сыграешь даже самую маленькую роль в ее жизни.

— Может, маленькую сыграю, — и Панчинелло похлопал себя по тому месту, где была его левая почка.

Лорри молча смотрела на него.

Он улыбнулся.

— А ты та еще штучка.

— То же самое можно сказать о тебе.

Мы оставили его в совещательной комнате и поспешили к Шарлей Коулман, дожидавшейся в коридоре, чтобы сообщить о кардинальном изменении ситуации.

Из тюрьмы мы поехали в Денвер. Энни на всякий случай уже находилась в больнице, а мы остановились в отеле «Мариотт».

Серое небо продолжало плевать снежными гранулами.

В городе на мостовой образовалась ледяная корочка. Редким пешеходам ветер заворачивал полы пальто чуть ли не на голову.

Утром, после объятий и поцелуев, мы отправили Шарлей домой, в Сноу-Виллидж.

И когда уже вдвоем, с Лорри за рулем, ехали в «Эксплорере» в больницу, я заметил:

— Вчера ты ужасно напугала меня, сказав ему, что он не будет играть никакой роли в жизни Энни.

— Он знал, что мы этого не допустим, — ответила она. — Если бы мы согласились, он бы понял, что мы лжем. И, соответственно, решил бы, что мы лжем и насчет убийства Вивасемента. Но теперь он думает, что ты это сделаешь... потому что, как он и сказал, посмотрите, что ты сделал с великим Бизо. А если он будет думать, что ты собираешься убить Вивасемента, то выполнит свою часть сделки.

Мы молчали квартал или два, прежде чем я спросил:

— Он — псих или просто очень злой?

— Мне без разницы. В любом случае нам пришлось с ним договариваться.

— Если он сначала свихнулся, а потом нашел свой путь к злу, это хоть что-то объясняет. И даже вызывает к нему сочувствие.

— От меня он сочувствия не дожидается, — отрезала она, ибо была львицей, детенышу которой грозила опасность. И тут хищник не мог рассчитывать на снисхождение или понимание.

— Если он сначала стал злым, а потом зло свело его с ума, тогда я ничего ему не должен, я ему не брат.

— Ты думаешь об этом со вчерашнего дня.

— Да.

— Выбрось эти мысли из головы. Забудь. Суд уже расставил все точки над «i», когда решал, может ли он нести ответственность за свои действия или его нужно отправить в психиатрическую лечебницу.

Она остановилась на красный свет.

Мимо нас проехал черный катафалк-«Кадиллак». С затемненными окнами. Возможно, перевозил какую-нибудь умершую знаменитость.

— Я не собираюсь убивать Вивасемента, — заверил я Лорри.

— Хорошо, — кивнула она. — Но если ты решишь переквалифицироваться в убийцы, пожалуйста, не кроши всех подряд. Сначала переговори со мной. Я дам тебе список.

Красный свет сменился зеленым.

Когда мы пересекали перекресток, трое смеющихся подростков на углу, все в черных перчатках, дружно показали нам выставленный вверх средний палец. Один бросил снежок, который ударился в мою дверцу.

В квартале от больницы я все еще размышлял о Панчинелло и волновался за Энни.

— Он даст задний ход.

— Даже не думай об этом.

— Потому что это четвертый из моих ужасных дней.

— Ужаса нам в последнее время и так хватает.

— Это не тот ужас. Самое ужасное впереди. Так должно быть, если судить по прошлому.

— Помни о силе негативного мышления, — предупредила она меня.

Корочка льда начала нарастать на «дворниках», которые теперь скребли по лобовому стеклу.

По календарю назавтра был День благодарения. По погоде казалось, что на дворе январь. По настроению — Хэллоуин.

Глава 62

Капитан Пушистик, храбрый плюшевый медвежонок, не позволяющий чудовищам по ночам вылезать из стенного шкафа и пожирать детей, делил больничную кровать с Энни. Пожалуй, это задание было самым трудным за всю его карьеру.

Когда мы приехали, наша дочь спала. Всегда усталая, она много спала в эти дни. Слишком много.

Хотя Энни понятия не имела, на какой тонкой ниточке висела жизнь ее матери одиннадцатью месяцами раньше, историю кулона-камеи она знала: он пережил пожар и висел на шее матери, когда та лежала в палате интенсивной терапии, она попросила кулон. И теперь он висел на ее шее.

Моя прекрасная маленькая Энни превратилась в ее тень, с серой кожей, хрупкими волосами. Глаза прятались в черных кругах, губы побелели. Выглядела она как крошечная старая птичка.

Ни журналы, ни телевизор, ни вид из окна меня не интересовали. Я не мог оторвать глаз от дочки, мысленным взглядом видел, какой она была и снова могла стать.

Мне не хотелось отворачиваться от нее или покидать палату, из страха, что по возвращении мне уже не удастся посмотреть на Энни, только на ее фотографии.

Ее негибаемая душа, мужество, с которым она переносила болезнь и боль, поддерживали меня. Но мне требовалось нечто большее, чем поддержка. Я хотел увидеть ее поправившейся, веселой, полной жизни. Хотел увидеть моего маленького сорванца.

Мои родители научили меня не просить у Бога каких-либо благ или привилегий. Наставить на путь истинный — да. Дать силы поступить правильно, тоже. Но не выигрышный лотерейный билет, не любовь, здоровье или счастье. Молитва — это не список «Дай мне». Бог — не Санта-Клаус.

И еще они объяснили мне, полагаю, не дожидаясь моих вопросов, что нам дадено все необходимое. Мы должны иметь ум и мудрость, чтобы понять, какие силы и средства есть в нашем распоряжении, и мужество делать то, что должны.

В данной ситуации мы, похоже, сделали все, что могли. И если бы ее судьба была в руках Бога, мне бы, наверное, было спокойнее. Но ее судьба, похоже, находилась в руках Панчинелло Бизо, и озабоченность не отпускала меня, кружила голову, жгла желудок, болью отзывалась в суставах.

Вот я и молил Бога оставить мне моего сорванца, просил Его убедить Панчинелло довести нашу сделку до конца, пусть даже веря, что я готов совершить дурной поступок, убить Виргилио Вивасементе.

Как будто Богу требовался калькулятор, чтобы рассчитать, чего больше в моих мотивах — добра или зла.

Пока я сидел рядом с Энни, обездвиженный тревогой, Лорри наполняла реальным содержанием нашу бумажную договоренность с Панчинелло. Звонила куда следовало, координировала действия больницы и тюремной администрации.

Когда Энни просыпалась, мы говорили о многом, о капусте и королях, о поездке в Диснейленд и на Гавайи, о катании на лыжах и выпечке, но не касались того, что происходило здесь и теперь, не заикались о том, что произойдет, если...

Ее лобик согрелся, но пальцы оставались ледяными. А запястья стали такими хрупкими, что, казалось, переломятся, если она оторвет руку от одеяла.

Философы и теологи потратили столетия, обсуждая существование и природу ада, но я, сидя в больнице, знал, что ад существует, и мог подробно его описать. Ад — это потерявшийся ребенок и страх, что найти его уже не удастся.

Чиновники, что больничные, что тюремные, во всем шли нам навстречу. Во второй половине дня Панчинелло Бизо уже привезли в больницу, в наручниках и ножных кандалах, в сопровождении двух вооруженных охранников. Я его не видел, мне лишь сказали, что он в больнице.

После проведения анализов стало ясно, что почка Бизо подойдет Энни.

Операцию назначили на шесть утра.

До полуночи этого ужасного дня оставалось еще несколько часов. Панчинелло мог передумать... или сбежать.

В половине девятого вечера отец позвонил из Сноу-Виллидж, чтобы сказать, что предсказание дедушки Джозефа исполнилось, только совсем не так, как мы ожидали. Бабушка Ровена прилегла поспать перед обедом и не проснулась, уйдя в мир иной в возрасте восьмидесяти шести лет.

Лорри против моей воли увела меня в коридор, чтобы Энни не услышала эту печальную весть.

Какое-то время я посидел на стуле в пустой палате, чтобы Энни не увидела моих слез и не подумала, что я оплакиваю ее.

По мобильнику позвонил маме, мы поговорили о бабушке Ровене. Разумеется, смерть близких — это горе, но если жизнь была долгой и счастливой, а смерть пришла без боли и страха, то горевать слишком уж сильно — святотатство.

— Она ушла перед обедом, и вот это больше всего меня удивляет, — сказала мама. — Если б она знала, что должно случиться, она прилегла бы лишь после того, как мы бы поели.

Пришла полночь. И утро Дня благодарения.

Учитывая быстро ухудшающееся состояние Энни, операцию нельзя было откладывать еще на день, поэтому в шесть часов она уже была в операционной.

Панчинелло не передумал, не сбежал.

Когда он пришел в себя после операции, я навестил его. Он лежал, прикованный к кровати, под наблюдением охранника. Последний вышел в коридор, чтобы дать нам возможность поговорить наедине.

И хотя я знал, с каким чудовищем имею дело, мой голос переполняла благодарность, когда я сказал:

— Спасибо тебе.

Он одарил меня улыбкой кинозвезды, подмигнул.

— Не нужно благодарностей, братец. Я с нетерпением жду поздравительных открыток, сладостей и детективов... и еще того момента, когда одного воздушного гимнаста с сердцем змеи расчленият заживо. Если, конечно, тебя устроит такой вариант.

— Да, твое предложение мне нравится.

— Я не хочу ограничивать твое воображение, — заверил он меня.

— Обо мне не волнуйся. Главное — выполнение твоего желания.

— Может, ты прибьешь его гвоздями к стене, прежде чем примешься за него по-настоящему.

— Молотком гвозди в бетонную стену не вобьешь. Нужен специальный инструмент. Я его куплю.

Он кивнул.

— Да, подготовиться нужно заранее. И прежде чем ты начнешь отрезать у него пальцы и кисти, отрежь нос. Этот тщеславный, мерзавец очень гордился своим носом. Мне рассказывал великий Бизо.

— Хорошо, но, может, ты хочешь что-то еще. Тогда я начну записывать.

— Это все. — Панчинелло вздохнул. — Господи, как же мне хочется при этом присутствовать.

— Я был бы только рад.

Энни прекрасно перенесла операцию.

В отличие от донора, почка не была ни безумной, ни исчадием зла и столь идеально подошла племяннице Панчинелло Бизо, что не возникло и послеоперационных осложнений.

Энни выжила, Энни расцвела.

И в эти дни она такая же веселенькая и шустрая, какой и была до того, как врачи выявили у нее рак.

Впереди у меня остался только один из ужасных дней, 16 апреля 2005 года. А потом меня ждала странная жизнь, без черных дат календаря, без будущего под дамокловым мечом. При условии, что я переживу этот день.

Часть 6

Я - ОЖИВШИЙ ЛУННЫЙ СВЕТ, ЛЮБОВЬ ВСЕХ ЖЕНЩИН, ЗАВИСТЬ ВСЕХ МУЖЧИН

Глава 63

В свободное время, остающееся от выпечки и совершенствования мастерства владения стрелковым оружием, отрываясь от разработки нового рецепта шоколадно-орехового торта и переговоров с наемными убийцами, за год, предшествующий последнему, пятому, ужасному дню из предсказанных дедушкой Джозефом, я закончил предыдущие шестьдесят две главы этой книги.

Не могу точно сказать, что заставило меня сесть за нее.

Насколько мне известно, ни один из кондитеров не написал мемуаров, которые попали бы в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Современных читателей интересуют воспоминания знаменитостей, политические трактаты, диетические откровения о том, как похудеть, питаюсь исключительно сливочным маслом, книги из серии «Помоги себе сам», учащие, как разбогатеть до неприличия, используя в деловых отношениях кодекс самураев.

Я не мог рассчитывать на то, что благодаря этой книге завоюю большой почет и уважение. Даже если бы она продавалась, как горячие пирожки, все равно в городе все бы думали, что я крупноват для своего размера, увалень. И не быть мне Джеймсом, с тысячью написанными книгами. Я родился Джимми, и Джимми меня положат в могилу.

Частично я написал эту книгу, чтобы рассказать моим детям, как попали они сюда, через какие шторма, мимо каких рифов. Я хочу, чтобы они знали, что такое семья и что бывает, если ее нет. Я хочу, чтобы они знали, как их любили и любят, на случай если я не проживу достаточно долго, чтобы сказать об этом каждому из них сто тысяч раз.

Частично я написал ее для моей жены, чтобы она точно знала, что без нее я бы умер в первый из пяти ужасных дней. У каждого из нас есть своя нить жизни, но иногда две нити сплетаются, да так крепко, что Судьба не может перерезать одну, не тронув второй.

И я написал эту книгу, чтобы объяснить себе жизнь. Ее загадочность. Юмор, светлый и черный. Абсурдность. Ужас. Надежду. Радость, горе. Бога, которого мы можем видеть лишь опосредованно, через Его дела.

В этом я потерпел неудачу. Прожил без четырех месяцев тридцать один год, многое пережил, написал столько страниц и при этом понимаю жизнь ничуть не больше, чем в тот день, когда Шарлей Коулман уберегла меня от судьбы Панчинелло.

Я не могу объяснить, что такое жизнь, по каким рельсам она движется, почему вдруг делает резкие повороты. Я не могу этого объяснить... но как же я ее люблю!

И наконец, через семнадцать месяцев мира и счастья, наступило утро пятого дня, 16 апреля 2005 года.

Мы готовились к этому дню исходя из опыта, накопленного за четыре прошедших ужасных дня, но при этом знали, что подготовиться как следует не удастся. Потому что без сюрпризов не обойтись.

Поскольку семья наша жила в режиме пекарей и мы не хотели, чтобы у детей был другой распорядок дня, им приходилось учиться дома. Занятия начинались у них в два часа ночи и заканчивались в восемь, после чего они завтракали с нами, играли на солнце или в

снегу и шли спать.

Занимались они за столом в столовой, откуда изредка отправлялись на кухню, чтобы подкрепиться. Учила их Лорри, и учила хорошо.

В прошлом январе Энни отпраздновала свой седьмой день рождения, получив торт в форме почки. Люси скоро должно было исполниться шесть, Энди уверенно продвигался к пяти. Учиться им нравилось, и знания они впитывали в себя как губка.

Как и всегда в дни, указанные дедушкой Джозефом, я на работу не пошел. Если бы считал, что неплохо привлечь к охране дома посаженных на цепь крокодилов или забить окна досками, так бы и сделал. Но в итоге какое-то время помогал детям с уроками, потом приготовил завтрак.

Мы сидели за кухонным столом, ели блины с клубникой, когда в дверь позвонили.

Люси сразу подошла к телефону, сняла трубку, чтобы без промедления набрать 911.

Энни взяла ключи от автомобиля с полочки, открыла дверь между кухней и прачечной, потом другую, между прачечной и гаражом, готовясь к отступлению на колесах.

Энди поспешил в примыкающий к кухне туалет, чтобы пописать и таким образом подготовиться к отъезду.

Лорри вместе со мной дошла до арки между столовой и гостиной, где и остановилась, поцеловав меня.

В дверь вновь позвонили.

— Сейчас середина месяца, скорее всего, это разносчик газет пришел за деньгами, — сказал я.

— Конечно, он.

Чтобы скрыть плечевую кобуру, я был в твидовом пиджаке спортивного покроя. Выходя в холл, сунул руку под пиджак.

Через высокое окно от пола до потолка у двери я увидел нашего гостя, стоящего на крыльце. Он мне улыбнулся и показал серебристую коробку, перевязанную красной лентой.

Симпатичному зеленоглазому мальчугану с иссиня-черными волосами в сшитых по фигуре серебристых брючках и красной шелковой рубашке с серебряными пуговицами было лет десять. Поверх рубашки он носил серебристый пиджак с большими серебристо-красными пуговицами.

У меня создалось впечатление, что его готовят в двойники Элвиса.

Если десятилетние мальчики нынче приходили для того, чтобы убить меня, мне не оставалось ничего другого, как умереть, потому что я не собирался стрелять в детей, какими бы ни были их намерения.

Когда я открыл дверь, он спросил:

— Джимми Ток?

— Он самый.

Протягивая коробку, он ослепительно улыбнулся:

— Это вам!

— Нет, благодарю.

Улыбка поблекла.

— От меня вам.

— Это не от тебя. Кто тебя послал?

От улыбки не осталось и следа.

— Мистер, ради бога, возьмите эту чертову коробку. Если я вернусь с ней к машине, он меня высечет.

У тротуара стоял сверкающий серебристый «Мерседес» с красными полосами и тонированными стеклами.

— Кто? — спросил я. — Кто тебя высечет?

Смуглое лицо мальчика посерело от страха.

— Я стою здесь слишком долго. Он захочет узнать, о чем мы говорили. Мне не велено разговаривать с вами. Почему вы так со мной поступаете? Почему ненавидите меня? Почему

вы такой злой?

Я взял коробку.

И тут же мальчишка широко улыбнулся, отсалютовал мне и воскликнул: «Готовьтесь увидеть нечто?»

Размышлять над тем, где я слышал эту фразу, необходимости не возникло.

Он развернулся на каблуках, плавно, одним движением, словно на шарнире, и направился к лестнице.

Я заметил, что туфли у него особенные, похожие на балетные тапочки, с мягкой подошвой. И красные.

Он грациозно спустился со ступеней и словно полетел, а не пошел к «Мерседесу». Нырнул на заднее сиденье и захлопнул за собой дверцу.

Мне не удалось увидеть ни водителя, ни пассажиров.

Лимузин отъехал, а я унес серебристую бомбу в дом.

Глава 64

Блестящая, завлекающая коробка стояла на кухонном столе,

Я не верил, что это бомба, но Энни и Люси не сомневались, что, кроме бомбы, в коробке ничего быть не может.

Энди отнесся к выводу сестер с нескрываемым презрением.

— Никакая это не бомба. В коробке — отрезанная голова, с ключом в зубах.

Никто никогда не сомневался, что он был истинным правнуком бабушки Ровены, если не по крови, то по темпераменту и складу ума.

— Это глупо, — возразила Энни. — Ключом к чему?

— К тайне.

— Какой тайне?

— Тайне того, кто прислал нам эту голову, бестолочь.

Театральным вздохом Энни выказала свое раздражение.

— Если бы человек, который послал нам голову, хотел, чтобы мы узнали, кто ее послал, почему бы ему так на этом и не написать?

— На чем — на этом? — спросил Энди.

— На том, я уж не знаю, на чем именно, что будет зажато в зубах этой глупой головы, — объяснила Энни.

— Если там голова, я сейчас плевану, — с важным видом предупредила Люси.

— Нет в коробке никакой головы, сладенькие, — успокоила детей Лорри. — И бомбы нет. Они не привозят бомбы в роскошных серебристо-красных лимузинах.

— Кто не привозит? — спросил Энди.

— Никто не привозит, — ответила Энни.

Лорри достала большие ножницы из ящика буфета и разрезала красную ленту.

Я решил, что, судя по размерам, в коробке вполне могла бы уместиться отрезанная голова. Или баскетбольный мяч. Если бы мне предложили пари на то или другое, я бы поставил на голову.

Когда я протянул руки, чтобы снять крышку, Энни и Люси закрыли ручками уши. Шум тревожил их куда больше, чем осколки.

Содержимое коробки закрывал лист бумаги.

Забравшись на стул, чтобы лучше видеть, Энди предупредил меня, когда я протянул руку к бумаге:

— Под ней могут быть змеи.

Но вместо змей в коробке оказались пачки двадцатидолларовых купюр.

— Вау, теперь мы богаты! — объявил Энди.

— Это не наши деньги, — указала Лорри.

— Тогда чьи? — спросила Энни.

— Не знаю, — ответила Лорри, — но это наверняка плохие деньги, и мы не сможем оставить их у себя. Я чувствую идущий от них запах зла.

Энди обнюхал сокровище.

— Я ничего не чувствую.

— А я чувствую запах фасоли, которую Энди вчера съел за обедом, — объявила Энни.

— Может, это будут мои деньги, — предложила Люси.

— Пока я твоя мама, не будут.

Впятером мы вытащили деньги из коробки и горкой положили на стол, чтобы лучше понять, чем они пахнут.

В коробке лежали двадцать пять пачек двадцаток. По сто купюр в каждой. Пятьдесят тысяч долларов.

На дне белел конверт. Из конверта Лорри достала обычную почтовую открытку с надписью на оборотной стороне.

Прочитала надпись, хмыкнула, передала открытку мне. Все шесть детских глазок с большим интересом смотрели на белый прямоугольник из плотной бумаги.

Прежде чем прочитать надпись, я обратил внимание на почерк. Ровные, аккуратные буквы словно печатала машина.

«Пожалуйста, примите эти деньги как знак уважения и доказательства моей искренности. Я прошу оказать мне честь и встретиться со мной в семь часов вечера у фермы Хэллоуэя. По прибытии вы сразу определите точное место нашей встречи».

И подпись: «Вивасементе».

— Это грязные деньги, — сказал я детям. — Сейчас я сложу их в коробку, а потом мы все вымоем руки мылом и такой горячей водой, что она будет немного обжигать кожу.

Глава 65

Меня зовут Лорри Ток.

Я — не богиня, пусть Джимми так меня называл. Во-первых, у меня заостренный нос. Во-вторых, зубы такие ровные и симметричные, что не выглядят настоящими.

И каким бы хорошим ни был хирург, если пуля попадает тебе в живот и ты надеваешь бикини, люди оборачиваются и смотрят на тебя, но совсем не так, как на Мисс Америку.

Джимми уверял вас, что меня ничем и никому не сломить, совсем как этих жуков с кислотой вместо крови в фильме «Чужой». Это, разумеется, преувеличение, но и не принимать меня в расчет — ошибка.

В ту ночь, когда я родилась, никто не предсказывал моего будущего, и я этому только рада. Мой отец гонялся за торнадо в Канзасе, а моя мать только недавно решила, что по части компании змеи определенно лучше, чем он.

Я должна взяться за эту историю по причинам, которые будут указаны ниже, но вы, возможно, о них уже догадались. Если вы, образно говоря, позволите взять вас за руку, то дальше мы пойдем вместе.

Итак...

Ближе к сумеркам, под грозовым небом, мы отвели детей в соседний дом, к родителям Джимми. Руди и Мэдди мы нашли в гостиной. Они практиковались с бейсбольными битами «Луисвилль слагтерс», приобретенными в 1998 году.

Вскоре после нас в гости к ним пожаловали шестеро соседей, с которыми родители Джимми поддерживали самые теплые отношения. Вроде бы поиграть в карты, но тоже с битами.

— Бридж у нас обычно очень агрессивный, — прокомментировала Мэдди.

Джимми и я обняли детей, поцеловали на прощание, снова поцеловали, но постарались не устраивать из расставания спектакль, чтобы не испугать их.

Вернувшись домой, переоделись, дабы подготовиться к встрече. Поскольку дело дошло до пятого ужасного дня, наш наряд включал плечевые кобуры, пистолеты и баллончики с перченым спреем.

Джимми предложил мне побыть с детьми, заявив, что на встречу с воздушным гимнастом поедет один. Я, однако, довольно быстро переубедила его: «Ты помнишь, что случилось с яйцами Панчинелло? Если ты попытаешься оставить меня дома, то увидишь, что

Панч легко отделался».

Мы оба пришли к выводу, что ставить в известность Хью Фостера и брать с собой копов — идея не из лучших.

Во-первых, пока Вивасементе не сделал нам ничего плохого. Нам пришлось бы сильно постараться, убеждая присяжных, что подарок в пятьдесят тысяч долларов — угрожающий поступок.

А кроме того, нас более всего интересовали намерения Вивасементе, и мы опасались, что в присутствии копов он постарается пустить нам пыль в глаза, а уж потом без лишнего шума осуществит задуманное. И, даже предупрежденные его появлением, мы не сможем предотвратить удар. Поэтому хотелось сразу разобраться с его замыслами.

Погода для апрельского вечера в горной части Колорадо удалась на удивление теплая. Вам это ничего не скажет, потому что у нас и на равнине под теплом подразумевают разное. Для Джимми факты — те же ингредиенты в рецепте, поэтому он, прежде чем написать о температуре, обязательно посмотрел бы ее точное значение в «Сноу-Виллидж газетт». Полагаю, термометр показывал порядка пятидесяти градусов[68].

По пути к ферме Хэллоуэя мы поговорили о том, где нас может встретить Вивасементе, и решили, что увидим стоящий посреди поля огромный красно-белый цирковой шатер.

На этом большом, ровном лугу в августе 1974 года, когда родился Джимми, цирк пробыл ровно неделю. С тех пор они не приезжали в Сноу-Виллидж ни разу, возможно решив, что народу на представления придет немного, поскольку один из их клоунов убил двух местных жителей.

Ни Джимми, ни я ничего не слышали об апрельских гастролях цирка. И дети тоже не слышали, иначе давно бы спрашивали: «Вы купили нам билеты, купили, купили, купили?»

Энди снова приснился бы прячущийся в шкафу клоун. Мне, наверное, тоже.

Подъехав к лугу, мы поняли, что приехал не весь цирк. Такой большой команде требовалось множество трейлеров, домов на колесах, дизельные генераторы, другая техника. На этот раз неподалеку от дома Хэллоуэя стояли четыре трейлера, дом на колесах и лимузин, в котором приехал одетый в серебристо-красное мальчик, передавший нам коробку с деньгами.

На серебристом борту каждого трейлера горели огромные красные буквы, складывающиеся в одно слово: «ВИВАСЕМЕНТЕ!» Ниже шла надпись буквами поменьше: «ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА! БОЛЬШОЕ ШОУ! НЕ ПРОПУСТИТЕ!»

— Пропустишь тут, — пробурчала я.

Джимми нахмурился.

— Большое шоу. Скорее большая беда.

Глава 66

Нас с Джимми поджидал один огромный шатер. Маленьких рядом не было, как не было клеток с животными и киосков, торгующих хот-догами, сахарной ватой, попкорном.

Возвышающийся посреди чистого поля шатер производил сильное впечатление. Пожалуй, оно смазывалось, когда шатер окружала обычная суета средневековой ярмарки.

Четыре высоченные стойки по углам, формирующие верхний периметр шатра, напоминали сторожевые башни. На каждой реял красный флаг с серебряным кругом по центру. Середину круга занимали красные буква «V» и восклицательный знак.

Стены шатра украшали гирлянды из чередующихся красных и белых ламп. Над главным входом и по его сторонам перемигивались белые лампы.

В кузове одного из фургонов стоял мощный дизель-генератор. Только его гудение и нарушало тишину.

Повыше мигающих белых ламп над входом висел большой транспарант с предупреждением: «ГОТОВЬТЕСЬ УВИДЕТЬ НЕЧТО».

Дабы предупреждение не пропало даром, мы, как по команде, достали пистолеты из плечевых кобур, убедились, что обойма снаряжена полностью (хотя проверяли количество патронов дома, перед выездом), несколько раз вернули пистолет в кобуру и достали снова,

чтобы точно знать, что при необходимости ничто не помешает быстро пустить оружие в ход.

Никто не встретил нас, когда мы вышли из автомобиля. Несмотря на фургоны, работающий дизель-генератор, шатер и яркие огни, луг казался покинутым.

— Мы, возможно, составили неправильное мнение о Виргильо, — сказал Джимми.

— Если Конрад Бизо считал его монстром, тогда, скорее всего, он — святой, — согласилась я. — Потому что все сказанное Бизо следует воспринимать с точностью до наоборот.

— Именно так, — кивнул Джимми. — И если Панч думает, что Виргильо — вздувшийся прыщ на заднице Сатаны...

— ...свинья из свиней...

— ...ожившая собачья блевотина...

— ...червь из кишок сифилитического хорька...

— ...отродье ведьминоного сортира;..

— тогда, возможно, он — хороший парень, — заключила я.

— Да.

— Готов?

— Нет.

— Так пошли?

— Хорошо.

Серебристую коробку мы перевязали новой красной лентой. За эту ленту Джимми и нес ее в левой руке.

Вместе, бок о бок, мы направились к шатру. Вошли в него.

Внутри шатра луговую траву коротко выкосили, но не засыпали опилками.

Трибуны для зрителей отсутствовали. В этот день артисты собирались продемонстрировать свое мастерство только нам двоим.

Смонтированные в каждом из углов шатра мощные ферменные конструкции поддерживали платформы и трапеции, на которых работали воздушные гимнасты. Веребочные лестницы и канаты позволяли подняться наверх.

Направленные вверх прожектора освещали артистов. Мужчины в серебристо-красных обтягивающих комбинезонах напоминали суперменов, только без плаща. Женщины были в серебристо-красных цельных гимнастических трико, с обнаженными руками и ногами.

Они висели на трапециях на руках, зацепившись коленями, делали сальто, кружились, летали, ловили друг друга.

Оркестр не играл, да и необходимости в музыке не было. Музыкой было само выступление воздушных гимнастов, их элегантная гармония, четкий ритм, идеально выверенная точность движений.

Джимми положил коробку на землю.

Несколько минут мы стояли, зачарованные, чувствуя тяжесть нашей одежды, тяжесть пистолета, оттягивающего плечо, но мысль о грозящей опасности отступала в глубины сознания.

Они закончили на удивление сложный номер, когда трое из воздушных гимнастов работали на двух трапециях, перелетая с одной на другую. Тут требовалась удивительная синхронность, поскольку один из них постоянно находился в воздухе, а столкновение или малейшая задержка грозили катастрофой. А потом одна из этих бескрылых птиц, мужчина, стоявший под самым куполом, прыгнул вниз, сложился, вращаясь все быстрее, в последний момент распрямился, раскинул руки и приземлился спиной на страховочную сеть.

Сеть высоко подбросила его, еще раз, третий, потом он подкатился к краю, спрыгнул на землю, легко и изящно, и вскинул руки над головой, словно закончил номер.

С расстояния в тридцать футов он выглядел очень даже симпатичным: решительное лицо, гордый римский нос. Прибавьте к этому грудь колесом, широкие плечи, узкую талию. Импозантный мужчина, лев в образе человеческом.

Несмотря на иссиня-черные волосы и внешность сорокапятилетнего, я знала, что перед

нами Виргилио Вивасементе, ибо он излучал гордость, короля, мастера, патриарха.

Поскольку в 1974 году он уже был патриархом, ярчайшей звездой знаменитой цирковой семьи и отцом семерых детей, включая двадцатилетнюю Натали, по всему выходило, что в апреле 2005 года ему было больше семидесяти, скорее всего, много больше. Он не просто выглядел моложе, но и находился в превосходной физической форме.

Цирковая жизнь была для него источником юности.

Один за другим остальные артисты спрыгивали с небес на страховочную сеть, подсакивали, потом спускались на землю, вставали полукругом за спиной Виргилио.

Когда все оказались на земле, они как один вскинули правую руку и, глядя на нас, хором прокричали: «Летающие Вивасементе летают для вас!»

Джимми и я принялись аплодировать, но остановились, а потом с трудом стерли с лиц глупые детские улыбки.

В труппе были мужчины и женщины, юноши и девушки, даже девочка лет восьми или девяти и десятилетний мальчик. Они выбежали из шатра, как газели, словно показывая, что их полеты под куполом не отнимают никаких сил, суший пустяк.

И тут же к Виргилио Вивасементе подошел мускулистый мужчина с алым халатом на руке. Подержал халат, пока патриарх всовывал руки в рукава.

У этого мужчины лицо было грубым, в шрамах, даже с такого расстояния мы видели, что глаза у него угрожающие, будто змеи.

И хотя он ушел, оставив нас наедине со своим боссом, я порадовалась, что мы вооружены пистолетами. И пожалела, что не взяли с собой бойцовских псов.

В тяжелом, прекрасно расшитом халате из дорогой материи, возможно, из кашемира, с подложными плечами и широкими лацканами, главный воздушный гимнаст выглядел кинозвездой 1930-х годов, когда блеск Голливуда был настоящим, не глянцевым.

Улыбаясь, он направился к нам, и чем ближе он подходил, тем яснее мы видели, что он принял определенные меры, чтобы выглядеть моложе. Волосы для настоящих были слишком уж черными, конечно же, он их красил. Возможно, мышцы оставались мощными, крепкими и гибкими благодаря неустанным физическим упражнениям (и каждодневной порции стероидов на ленч), но с лица возраст изгонялся батальонами скальпелей.

Нам доводилось видеть несчастных женщин, которые слишком молодыми увлеклись подтяжкой лица, а потом слишком часто прибегали к помощи специалистов пластической хирургии, в результате чего к шестидесяти годам, а то и раньше, кожа на лице натягивалась до такой степени, что, казалось, могла лопнуть в любой момент. Накачанные «ботоксом»[69] лбы этих женщин выглядят пластмассовыми. Они не могут полностью закрыть глаза даже во сне. Ноздри постоянно расширены, словно стараются уловить какой-то неприятный запах, надутые губы раскрыты в полуулыбке, которая напоминает Джокера из «Бэтмена», сыгранного Джеком Николсоном.

И пусть Виргилио Вивасементе был мужчиной, лицом он не отличался от тех самых несчастных женщин.

Он подошел так близко, что мы с Джимми поневоле отступили на шаг или два, отчего губы нашего хозяина разошлись в акульей улыбке. Вероятно, он так поступал всегда, вторгаясь в чужое пространство.

Его баритон был ближе к басу, чем к тенору.

— Разумеется, вы знаете, кто я.

— Догадываемся, — ответил Джимми.

Поскольку мальчик, который передал нам коробку с деньгами, до смерти боялся этого человека, да и сами деньги предназначались для того, чтобы оплатить что-то гадкое, он не заслуживал доброго отношения. Раз уж предпочел говорить загадками, мы решили ответить тем же.

— В любом уголке мира все знают, кто я, — гордо заявил патриарх.

— Поначалу мы подумали, что вы — Бенито Муссолини, — ответила я, — но потом вспомнили, что он никогда не был воздушным гимнастом.

— А кроме того, — добавил Джимми, — Муссолини убили в конце Второй мировой войны.

— А вы совсем не выглядите мертвым, — пояснила я.

Улыбка Виргилио Вивасементе стала шире и все более походила на звериный оскал.

И хотя из-за натянутой кожи прочесть, что написано на лице, не представлялось возможным, взгляд, которым он одарил меня и Джимми, раскрыл мне многое: у этого человека начисто отсутствовало чувство юмора. Его не было вовсе.

Он не понимал, что мы шутим между собой, наш тон ничего ему не говорил, он не отдавал себе отчета в том, что мы его оскорбляем. Ему казалось, что мы просто несем чушь, он задавался вопросом, а вдруг мы умственно неполноценные.

— Много лет тому назад, когда «Летающие Вивасементе» стали звездами мирового уровня, — торжественно произнес он, — я смог купить цирк, в котором когда-то работал. А сегодня три цирка «Вивасементе» гастролируют по всему миру!

— Настоящие цирки? — Джимми изобразил недоверие. — У вас есть даже слоны?

— Разумеется, у нас есть слоны! — воскликнул Вивасементе.

— Один? Два?

— Десятки слонов!

— У вас есть львы? — спросила я.

— Много львов!

— Тигры? — спросил Джимми.

— Еще больше тигров!

— Кенгуру?

— Какие кенгуру? Ни в одном цирке нет кенгуру.

— Без кенгуру цирк — это не цирк, — настаивал Джимми.

— Абсурд! Вы ничего не знаете о цирках.

— У вас есть клоуны? — спросила я.

И без того застывшее лицо Вивасементе превратилось в каменную маску. И когда он заговорил, голос с шипением прорывался сквозь зубы:

— Каждый цирк должен иметь клоунов, чтобы привлекать слабоумных и глупых маленьких детей.

— Ага, — кивнул Джимми. — Значит, у вас не так много клоунов, как в других цирках.

— У нас клоунов сколько нужно, и даже больше. Наши цирки просто кишат клоунами. Но никто не приходит в цирк ради клоунов.

— Лорри и я, всю нашу жизнь мы без ума от клоунов, — не унимался Джимми.

— Скорее, — поправила его я, — всю нашу жизнь клоуны без ума от нас, просто не дают прохода.

— То ли они без ума от нас, то ли просто обезумели.

Но Вивасементе нас не слушал.

— Зрителей привлекают прежде всего «Летающие Вивасементе», величайшая цирковая семья в истории человечества. Во всех трех труппах каждый воздушный гимнаст — Вивасементе, они все родственники по крови или таланту, отчего прочие артисты плачут от зависти. Я — отец некоторых, духовный отец всех.

Джимми повернулся ко мне.

— Человека, который столь многого достиг, могла бы переполнять гордыня, но ничего этого нет и в помине.

— Скромность, — согласилась я. — Потрясающая скромность.

— Скромность — удел неудачников! — прогремел Вивасементе.

— Я где-то это слышал, — сказал Джимми.

— Так говорил Ганди? — предположила я.

Джимми покачал головой:

— Думаю, Иисус.

По зеленым глазам я вновь прочитала, что он видит в нас идиотов.

— И из всех «Летающих Вивасементе» я — лучший, — заявил Вивасементе. — На трапеции я — поэзия в движении.

— «Поэзия в движении», — повторил Джимми. — Песня Джонни Тиллотсона[70], входила в десятку лучших в начале 1960-х. Отличная мелодия, под нее даже можно танцевать.

Не услышал Вивасементе и этих слов.

— На туго натянутом канате я — оживший лунный свет, любовь всех женщин, зависть всех мужчин. — Он глубоко вдохнул, выпятил грудь. — Я достаточно богат и достаточно решителен, чтобы всегда получать то, что хочу. В данном случае я хочу то, что нужно и вам, потому что ваша семья обретет богатство и славу, которые, если бы не я, обошли вас стороной.

— Пятьдесят тысяч — большие деньги, — ответил Джимми, — но это не богатство.

Вивасементе подмигнул нам, насколько позволяли подтянутые веки.

— Пятьдесят тысяч — это задаток, доказательство моей искренности. А всего вы получите триста двадцать пять тысяч долларов.

— А что за эти деньги получите вы? — спросил Джимми.

— Вашего сына, — ответил Вивасементе.

Глава 67

Джимми и я могли бы сразу покинуть шатер и уехать домой, более не сказав ни слова безумному воздушному гимнасту. Однако если бы мы ушли, то не узнали бы его мотивов, не смогли предугадать следующий ход.

— Его зовут Энди, — продолжил Вивасементе, как будто мы могли забыть имя нашего единственного сына. — Но я дам ему имя получше, более звучное, не столь плебейское. Если я хочу сделать из него величайшего воздушного гимнаста своего поколения, его обучение должно начаться до того, как ему исполнится пять лет.

Я поняла, что продолжать игру дальше опасно, пусть занятие это нас забавляло.

— Из Энди, которого будут звать так всегда, воздушного гимнаста не получится, — отрезала я.

— Ерунда, — возразил он. — В нем течет кровь Вивасементе. Он — внук моей Натали.

— Если вы знаете об этом, то вам известно, что он также внук Конрада Бизо, — напомнил ему Джимми. — И вы первым должны признать, что клоунам не место под куполом цирка.

— Его кровь не замарана, — ответил патриарх. — Она чистая. Я наблюдал за ним. Смотрел видеофильмы о нем. Он — прирожденный воздушный гимнаст.

Видеофильмы о нем.

Пусть ночь выдалась теплой, внутри у меня все похолодело.

— Люди не продают детей, — привела я едва ли не последний аргумент.

— Еще как продают, — заверил меня Вивасементе. — Я сам покупал детей у моих европейских родственников, если видел, что они смогут стать воздушными гимнастами. Некоторых чуть ли не младенцами, других — в два или три года, но старше пяти лет — никогда.

С отвращением, которого наш хозяин не заметил, так же, как и наш юмор, Джимми указал на стоящую на траве коробку с деньгами.

— Мы привезли ваши деньги. Они нам не нужны.

— Триста семьдесят пять тысяч, — поднял цену Вивасементе.

— Нет.

— Четыреста пятнадцать тысяч.

— Прекратите, — потребовал Джимми.

— Четыреста двадцать две тысячи пятьсот долларов, и это моя последняя цена. Я должен заполучить этого особенного мальчика. Он — мой последний шанс, мой лучший шанс создать такого же, как я. В нем особенно велика концентрация крови воздушных гимнастов.

Бушующие эмоции попытались отразиться на лице Вивасементе, и я даже испугалась, что растянутая до предела кожа сейчас лопнет и лохмотьями повиснет на костях.

Он сложил руки перед грудью, словно в молитве, и обратился к Джимми не злобным, а просящим голосом:

— Если бы я узнал в 1974 году или в последующие годы, что Натали родила двойню, тебя бы не отдали пекарю и его жене, — тут он счел уместным перейти на «ты», а слово «пекарь» произнес с презрением, достойным сноба голубых кровей. — Я пришел бы за тобой, клянусь. Выкупил бы тебя или спас каким-либо другим способом. Я всегда получаю то, что хочу. Но я думал, что у меня родился только один сын и его похитил этот злобный Бизо.

Джимми с порога отверг отцовскую любовь Вивасементе.

— Вы — не мой отец, даже в том смысле, что вы считаете себя духовным отцом всех членов своей труппы. Панчинелло и я никогда не состояли в вашей труппе, и мы никоим образом не можем считаться вашими детьми. Да, учитывая, что вы — отец Натали, мы номинально считаемся вашими внуками. Но я не принимаю такого родства. Я отказываю вам в праве быть моим дедом, я не хочу иметь с вами ничего общего.

Руки, сложенные в молитве, разошлись, сжались в кулаки. Костяшки пальцев побелели.

И если чувство юмора у Вивасементе отсутствовало полностью, ярости у него хватало с избытком. Глаза превратились в щелочки, взглядом он буквально пронзил Джимми.

А когда заговорил, слова припечатывали, как паровой молот:

— Конрад Бизо не мог зачать ребенка ни с одной женщиной. Он был бесплоден.

Я тут же вспомнила (и Джимми, естественно, тоже) Конрада Бизо у нас на кухне, перед тем как он выстрелил в меня, когда более не прикидывался Портером Карсоном. Он хотел взять Энди в качестве компенсации за то, что Панчинелло оказался в тюрьме, «что-то за что-то». Он не знал, что Джимми и Панчинелло — близнецы, не понимал, что Энди — его внук. Он лишь хотел получить компенсацию. И когда я спросила Конрада, почему он не уложил в кровать какую-нибудь шлюху, чтобы она родила ему ребенка, мои слова привели его в замешательство, он не решался встретиться со мной взглядом. Теперь я знала почему.

А эта ядовитая мразь, этот двуногий червяк в алом халате, что стоял перед нами, выпрямился в полный рост и гордо продолжил:

— Я хотел добиться максимальной концентрации генов воздушных гимнастов. И реализовал свою мечту. Но Натали сбежала с Бизо, лишив меня того, что принадлежало мне по праву. Натали — моя дочь, но я - твой дед и твой отец.

Вот те на!

Мой бедный, мой сладкий Джимми только-только успел примириться с тем, что он — сын Конрада Бизо и брат Панчинелло, а теперь его ввергли в еще больший кошмар: мало того, что он брат Панчинелло, так еще и сын и внук Вивасементе, плод инцеста.

Подвинься, Джонни Тиллотсон. Уступи место новым хитам!

Глава 68

Движение по периметру шатра привлекло наше внимание. В проеме главного входа появился громила с глазами кобры. Встал, широко раздвинув ноги, показывая всем своим видом, что может остановить слона. В руках он держал помповое ружье.

Еще один мужчина, такой же бандит, как и первый, только с толстыми шрамами на лице и шее, словно и его слепил из подручного материала Виктор Франкенштейн, возник с ним рядом. Также с помповиком.

Трое других появились из-за полотнища, висевшего вдоль боковой стены. Они стояли в тени, так что я не знала, вооружены они или нет. Но склонялась к тому, что вооружены.

— Как ты сам видишь, твой сын Энди — внук моей Натали. Он также мой внук и правнук. В твоём поколении довести до конца реализацию моей мечты не удалось. Что ж, я реализую ее в следующем. Если вы не продадите мне маленького Энди за четыреста двадцать две тысячи пятьсот долларов, — теперь эта тварь обращалась к нам обоим, — я убью вас прямо сейчас. А потом убью Руди и Мэдди и заберу всех троих детей, не заплатив ни цента.

Понятное дело, Джимми не хотел отрывать глаз от Виргилио Вивасементе. Не нравилось ему и то, что у нас за спиной стоят эти бандиты, но тем не менее он повернулся ко мне.

Обычно я могу сказать, о чем думает Джимми. Его мысли для меня — открытая книга.

Но на этот раз по его глазам я ничего понять не смогла. И лицо было бесстрастным, загадочным.

Человека с более слабым характером такие откровения шокировали бы, ввергли в отчаяние, вызвали отвращение. Возможно, Джимми испытывал шок и отвращение, но в отчаяние точно не впал.

— Впечатляет, не так ли?

— Впечатляет, — согласилась я.

Чувствуя приближающийся триумф, с написанным на лице самодовольством, Вивасементе, сунув руки в карманы алого халата, покачивался взад-вперед, с пятки на носок красных туфель на мягкой подошве.

— Если вы думаете, что я не смогу убить вас и выйти сухим из воды, то вы ошибаетесь. Когда вы двое и Руди с Мэдди будете мертвыми лежать у моих ног, я расчленю вас всех, вымочу в бензине ваши останки, сожгу, помочусь на золу и брошу получившуюся кашу в навоз в углу свинарника. Я это уже проделывал. Никто не может мстить страшнее, чем мстит Виргилио Вивасементе.

Джимми заговорил, все еще глядя на меня:

— Если вы найдете подходящую шлюху, то сможете зачать еще одного мерзкого, снедаемого жадой убийства червяка, такого же безумного, как ваш первенец.

Вивасементе склонил голову набок.

— Что ты сказал?

Я узнала слова Джимми. Он процитировал сказанное мною Конраду Бизо на кухне нашего дома декабрьским вечером 2002 года, аккурат перед тем, как клоун подстрелил меня.

Я пыталась воздействовать на Бизо, так или иначе заставить отвести глаза, и в какой-то степени мне это удалось. Он таки посмотрел на Джимми, дав мне возможность вытащить баллончик и прыснуть ему в глаза перечным спреем.

Джимми предлагал использовать ту же тактику с Вивасементе.

И увидел по моим глазам, что я его поняла.

Маньяк же гнул свое:

— Когда оставшаяся от вас зола, смоченная моей мочой, перемешается с навозом, я увезу ваших детей в мое поместье в Аргентине. Там сделаю из Энди и, возможно, из Люси лучших воздушных гимнастов их поколения. Может, гимнасткой станет и Энни. Если окажется слишком старой, все-таки семь лет... в цирке ей найдется другое занятие. Или вы теряете жизнь и всех ваших детей, или продаете мне Энди. Только клоун не смог бы сделать правильный выбор из двух предложенных вам вариантов.

— Большие деньги, — сказал мне Джимми. — Без малого полмиллиона, наличными, никаких налогов.

— И у нас останутся Энни и Люси, — подыграла ему я.

— Мы всегда сможем родить еще одного сына, — предположил Джимми.

— С новым ребенком мы быстро забудем про Энди.

— Я забуду его через три месяца, — подсчитал Джимми.

— Мне потребуется шесть.

— Мы молоды. Даже если у нас уйдет восемь месяцев на то, чтобы забыть его, впереди остается целая жизнь.

Вивасементе улыбался, или вроде бы улыбался, ответ на это могли дать только специалисты по пластической хирургии.

Невероятно, но он, похоже, верил тому, в чем мы хотели его убедить. И нужно отметить, такая доверчивость не очень-то меня и удивила. В конце концов, мы с Джимми научились говорить с маньяками на их языке.

— Но, послушай, — добавил Джимми, — у меня появилась идея получше.

Я изобразила крайнее любопытство.

— Какая же?

Джимми повернулся к Вивасементе.

— Как насчет того, чтобы купить двоих?

— КОГО ДВОИХ?

— Двух мальчиков. Если мы родим еще одного, вы сможете купить его совсем маленьким, прямо из колыбели.

— Джимми... — начала я.

— Заткнись, дорогая, — оборвал он меня. — Финансы — это не по твоей части. Так что не мешай мне.

Джимми никогда не говорил мне: «Заткнись». Я понимала его цель: полностью переключить на себя внимание Вивасементе и дать мне шанс, в котором я так нуждалась.

— По части детей я просто бык, — говорил Джимми безумному воздушному гимнасту, — а эта женщина, она может рожать их одного за другим. И не только по одному, но и по двое за раз.

Нам с Джимми предстояло умереть. Мы понимали, что уже трупы, пусть еще и стояли на ногах. Учитывая перевес противника в огневой мощи, мы не могли покинуть шатер живыми. Но, умирая, мы могли взять с собой Вивасементе. И если бы это чудовище рухнуло на землю изрешеченным пулями и мертвым, наши дети были бы в полной безопасности, под опекой Руди и Мэдди.

И своим энтузиазмом Джимми действительно отвлек старика, поэтому, сочтя момент удачным, я ухватила за пистолет.

Не верю, что Вивасементе уловил мое движение краем глаза. Скорее, как мастерский игрок в покер, он смог определить по поведению Джимми, что мы реализуем некий план.

Не вынимая рук из карманов кашемирового халата, он начал стрелять в Джимми из пистолета, спрятанного в правом кармане. Выстрелил дважды, прежде чем я выхватила свой пистолет, и обе пули попали Джимми в грудь. Судя по грохоту, патроны были большого калибра. И если первые две пули отбросили Джимми назад, то две последующие свалили на землю.

Собираясь всадить в меня пятаю, Вивасементе повернулся ко мне, но недостаточно быстро. Я успела выстрелить ему в голову, и он упал.

Крича, как валькирия, охваченная праведным гневом, который, однако, не туманил рассудок, я выстрелила в него еще трижды, в этого подонка, изнасиловавшего собственную дочь, в этого монстра, покупающего детей, в этого демона, который не моргнув глазом мог оставить меня вдовой.

На его изувеченном лице отразилось изумление. Он и представить себе не мог, что может умереть.

Мне следовало беречь патроны, потому что эти громы уже бежали ко мне. Я не могла положить их всех, да и вообще мне не хотелось в них стрелять, при условии, что Вивасементе мертв.

Когда я повернулась к первому из приближающихся ко мне мужчин, он отбросил помповик. Второй разоружился еще раньше.

Остальные трое также направлялись к нам. Один бросил на траву топор. Второй — кувалду. Если третий и был вооружен, то оставил свое оружие у полотнища, перед которым стоял.

Охваченная изумлением и ужасом, я наблюдала, как все пятеро окружили труп Виргилио Вивасементе. Смотрели на него, потрясенные, зачарованные... а потом внезапно расхохотались.

Мой милый Джимми, мой человек-блин, лежал на спине, не шевелился, а эти громы хохотали. Потом один из них сложил руки рупором у рта и что-то крикнул на цирковом жаргоне.

Когда я опустилась на колени рядом с Джимми, воздушные гимнасты ворвались в шатер, в тех же костюмах, пронзительно крича, как птицы.

Глава 69

Несколько дней грудь и живот сильно болели, и я, можно сказать, не верил, что пули расплющились о кевларовый бронежилет под рубашкой и не проникли под ребра и в брюшину. А отвратительные синяки окончательно сошли только через четыре недели.

Как Лорри и сказала вам, после ухода из дома родителей мы переоделись, готовясь к встрече, не исключая варианта, что судьба сведет нас с очередным маньяком. Кевларовые бронежилеты мы приобрели через Хью Фостера годом раньше.

Ладно, мы снова разыграли вас, как и в главе двадцать четвертой вам бы не доставило никакого интереса читать о том, что произошло в большом шатре, если бы вы заранее знали, что я останусь в живых.

Кевлар остановил сами пули, но сила ударов была столь велика, что из меня вышибло дух и я упал на землю. Мне даже успел присниться короткий и неприятный сон о том, что у меня подгорел творожный пудинг с шоколадом и амаретто.

Когда я пришел в себя, какие-то люди громко хохотали, а кто-то даже визжал от восторга.

Взрослые, подростки, дети подходили к телу Виргилио. Ни у кого его смерть не вызывала ни злости, ни сожаления.

С одной стороны, они никак не могли поверить, что их патриарх умер, с другой — уже начинали радоваться обретенной свободе.

Вивасементе не верил, что может умереть. Не верила в это и его труппа, члены которой дрожали от одного взгляда великого воздушного гимнаста. Так что крушение Советского Союза удивило их куда меньше, чем смерть Виргилио Вивасементе.

Однако, когда воздушные гимнасты поняли, что увиденное ими не сон, их вдруг начала распирать энергия. В едином порыве по канатам и лестницам они подняли на свои платформы и трапеции. И когда издали донесся вой полицейских сирен, а Лорри помогла мне подняться, артисты вновь выступали, пусть на этот раз никто на них не смотрел, даже мы.

Глава 70

Ранее я написал, что месть и справедливость разделены лишь линией, тонкой, как натянутая под куполом струна, по которой должен пройти воздушный гимнаст, и, не удержав равновесия, человек обречен упасть, а куда падать, вправо или влево, значения не имеет. Сдержанная реакция на зло аморальна, как и избыточное насилие.

После случившегося Лорри мучило только одно; следовало ли ей только ранить и обездвижить Виргилио Вивасементе или она имела полное право всадить в него все четыре пули с полой передней частью.

Она размышляла об этом добрых двадцать четыре часа, но за десертом в доме моих родителей вечером 17 апреля, когда Вивасементе еще лежал в морге, сумела разрешить эту нравственную дилемму. Если бы она выпустила в этого сукиного сына пять пуль, включая четыре после того, как он умер, а не три, как было в действительности, то, конечно, перегнула бы палку и действия ее подпадали под категорию «избыточное насилие». А поскольку пятый патрон остался в стволе, она могла не сомневаться (я вот точно не сомневался), что ей удалось сохранить равновесие и не свалиться со струны.

С любой нравственной дилеммой, когда человек старается проанализировать свои мотивы и поступки, ее разрешению очень способствует потребление большого количества сахара.

Что же касается меня, то меня моральная сторона дела совершенно не волновала. И пусть я узнал о себе многое, новая информация несколько не изменила моих представлений о том, кем я был, кем стал. Я по-прежнему считал себя сыном Руди и Мэдди и не собирался менять полученную профессию.

А самое главное состояло в том, что последний из пяти дней, предсказанных дедушкой

Джозефом, миновал и мне удалось его пережить. Собственно, все члены моей семьи по-прежнему здравствовали, за исключением бабушки Ровены, которая мирно умерла во сне.

Мы, конечно, настрадались по пути в эту безопасную гавань, но разве кому-то удастся пройти по жизни без страданий? Боль в конце концов проходит, а пирог есть всегда.

Страховые компании рассчитывают суммы ежемесячных выплат на основании множества факторов. Они применяют сложные формулы для определения продолжительности жизни клиента и быстро бы разорились, не имея таких формул.

Для меня самое важное не продолжительность жизни, а ее качество, что я рассчитываю получить и что получаю. И от моего истинного отца, Руди, моей истинной матери, Мэдди, моей обожаемой жены и любимых детей я научился следующему: чем больше ты будешь ожидать от жизни, тем в большей степени будут реализовываться твои ожидания. Когда человек смеется, он же не использует смех, а, наоборот, увеличивает его запасы. Чем больше ты любишь, тем больше любят тебя. Чем больше даешь, тем больше возвращается тебе.

Жизнь доказывает мне эту истину каждый час, каждый день.

И продолжает удивлять.

Через четырнадцать месяцев после смертельной схватки с Вивасемента Лорри забеременела. Ей говорили, что детей у нее не будет, врачи настолько не сомневались в ее бесплодии, что мы не предохранялись.

Учитывая ранения, полученные Лорри, и наличие только одной почки, доктор Мелло Мелодион предложил нам подумать об аборте.

В постели, после того, как стало известно о беременности, Лорри сказала мне:

— Пятерых детей у нас не будет. Четверо — это все, на что мы можем надеяться. Это наш последний шанс. Возможно, это риск. Может, и нет.

— Я не хочу тебя терять, — прошептал я в темноте спальни.

— Ты и не сможешь, — ответила она. — Я буду преследовать тебя в этой жизни, а в следующей дам пинка за то, что ты так долго не присоединялся ко мне.

— Я не знаю, что и сказать, — вырвалось у меня после долгой паузы.

— Ответь на вопрос.

— Какой?

— С того момента, как судьба свела нас и мы поняли, что это навсегда, после того, как каждый из нас осознал, что может полностью положиться на другого, когда мы хоть раз дали слабину?

Я задумался, но смог ответить только вопросом:

— Когда?

— Никогда. Так чего начинать сейчас?

Беременность протекала гладко, роды — тоже, и Ровена выпрыгнула на свет божий, как гренок из тостера. Ростом в восемнадцать дюймов. Весом ровно в восемь фунтов. Без синдактилии.

Мы все еще находились в «родилке», и Шарлей Коулман (она через несколько месяцев уходила на пенсию) протягивала Лорри спеленатую малышку, когда открылась дверь, вошла молодая медсестра и попросила разрешения переговорить с доктором Мелло.

Он вышел с ней в коридор, провел там несколько минут, вернулся с медсестрой, подвел ее ко мне.

— Ее зовут Бриттани Уолтере. Она работает в отделении интенсивной терапии, и я хочу, чтобы ты выслушал ее историю.

По словам Бриттани Уолтере, сорок восемь часов тому назад в отделение интенсивной терапии доставили Эдну Картер, пожилую женщину, перенесшую обширный инсульт, который парализовал ее и лишил дара речи. Но этим вечером Эдна, более не парализованная, села на кровати, за несколько минут до того, как Лорри родила, и заговорила.

К тому моменту, когда медсестра Уолтере добралась до этой части своей истории, я уже не решался взглянуть на Лорри. Не знал, что увижу в ее глазах, но боялся ужаса, который она увидела бы в моих.

А медсестра продолжала:

— Она настаивала на том, что через несколько минут в больнице родится девочка по имени Ровена. Ростом в восемнадцать дюймов и весом ровно в восемь фунтов.

— Господи, — выдохнула Шарлей Коулман.

Медсестра Уолтере протянула мне вырванный из блокнота листок.

— Эдна настояла на том, чтобы я записала пять дат. Едва я это сделала... она упала на кровать и умерла.

Моя рука тряслась, когда я брал у нее листок.

Я посмотрел на Мелло Мелодиона, лицо его не было таким печальным, как я ожидал увидеть. Все-таки он был нашим другом.

С неохотой я просмотрел все пять дат и просипел:

— Пять ужасных дней. — От волнения у меня сел голос.

— Что вы сказали? — переспросила медсестра Уолтере.

— Пять ужасных дней, — повторил я. Сил объяснять не было.

На лице медсестры отразилось недоумение.

— Но она сказала мне, что это будут прекрасные дни, пять особо радостных дней в благословенной жизни. Это странно, не так ли? Вы думаете, ее слова что-то значат?

Наконец-то я встретился взглядом с Лорри.

— Ты думаешь, ее слова что-то значат? — спросил я.

— Скорее да, чем нет, — ответила Лорри.

Я сложил листок, сунул в карман. Вздохнул.

— Просто мурашки бегут по коже.

— Но уже от радости.

— Это так загадочно.

— Как и всегда.

— Но приятно.

— Это точно, — согласилась Лорри. — Приятно.

Осторожно, с благоговейным трепетом, я взял у

Лорри крошечную Ровену. Она была такой маленькой, но душой и потенциальными возможностями ничем не отличалась от нас.

Повернув ее спинкой к себе, я закружился на месте, описал полный круг, все триста шестьдесят градусов. И пусть ее взгляд еще не сфокусировался, возможно, она увидела комнату, в которой родилась, и людей, которые при этом присутствовали. Возможно, задалась вопросом, кто они и что находится за стенами этой комнаты.

Поворачиваясь вместе с ней, поворачиваясь, я говорил:

— Ровена, это мир. Это твоя жизнь. Готовься увидеть нечто.

[1] Соответственно, порядка 50 см и 3,5 кг.

[2] Телесериалу предшествовали два фильма, «Флиппер» (1963) и «Новые приключения Флиппера» (1964). успех которых инициировал создание телесериала.

[3] Приключенческий телесериал (основой также послужил фильм — «Лэсси, вернись»), главная героиня которого — колли по кличке Лэсси. Шел в 1954-1971 гг.

[4] Джон Денвер (р. 1943) — настоящее имя Генри Джо Дойтшендорф, один из наиболее популярных исполнителей Америки в 1970-х гг. "Песня Энн" принесла певцу мировое признание.

[5] Во многих триллерах клоун — одна из ипостасей зла. К примеру, в романе Стивена Кинга «Оно».

[6] Келли, Эмметт (1898—1979) — цирковой клоун, создатель образа-маски «Грустного Вилли». С успехом выступал США и Англии.

[7] Братья Ринглинг - ятеро братьев из г. Барабу, ил Висконсин, создатели крупнейшего в мире цирка (1907 г.), которым семья Ринглинг владела до 1967 г.

[8] Преэклампсия — токсикоз второй половины беременности.

[9] Эклампсия — пик негативных нарушений функционирования организма, вызванных

токсикозом второй половины беременности, который может наложиться на роды.

[10] Окситоцин — средство, стимулирующее родовую деятельность.

[11] Келли, Джин (1912—1996) — звезда Бродвея и Голливуда 1940 - 1950-х гг. Танцовщик, певец, актер и хореограф.

[12] Астер, Фред (1899—1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц, знаменитый танцовщик и актер.

[13] «Федерал экспресс» — крупнейшая частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

[14] «Юнайтед парселс с е р в и с » — частная служба доставки посылок. Владеет собственным воздушным и автомобильным транспортом.

[15] Семейство Аддамсов — персонажи серии комиксов художника Чарльза Аддамса, появившиеся в журнале «Ньюйоркер» в 1935 г. Жутковатое, но смешное семейство монстров.

[16] Ай-кью (IQ аббревиатура Intelligence Quotient) — коэффициент умственного развития.

[17] Сноу (snow) — снег (*англ.*)

[18] Glacage de Fromboise - иней на малине (*фр.*)

[19] Злой Койот - герой популярной серии мультфильма киностудии «Уорнер Бразерс».

[20] Полианна — героиня одноименной детской повести Элеанор Портер, неисправимая оптимистка. Имя Полианна стало нарицательным — символом ничем не оправданного оптимизма.

[21] На французском bijou (бижу) означает драгоценность, украшение, безделушка.

[22] Лобел, Арнольд (1933—1987) — американский детский писатель и иллюстратор, автор более 70 книг.

[23] «Мотель «Бейтс» — фильм ужасов (1987), действие которого разворачивается в одноименном мотеле.

[24] Бигфут — одно из прозвищ снежного человека, в переносном смысле — здоровяк.

[25] Гарфункель, Арт (р. 1941) — известный американский певец. Начиная карьеру в составе дуэта «Саймон и Гарфункель».

[26] De nada - Пустяки (*исп.*)

[27] Б и г л — от beagle, коротконогая гончая, ищейка (*англ.*).

[28] Рудольфе Валентино (1895—1926) — настоящее имя Родольфо Альфонсо Рафаэль Пьер Филиберт Гульелми, голливудский киноактер, который пользовался потрясающим успехом у женщин. Звездой стал в 1921 г., сыграв главную роль в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса». Умер от прободения язвы.

[29] «Беовулф» («пчелиный волк», т.е. медведь) — англосаксонское эпическое произведение, написано в конце VII — начале VIII века, рукопись датируется приблизительно 1000 г.

[30] Хайсмит, Патриция (1921—1995) — известная американская писательница, работавшая на стыке жанров детектива и «ужасиков».

[31] Эбботт и Костелло (Эбботт, Бад, Костелло, Лу) — знаменитый комедийный дуэт 1940— 1950-х гг.

[32] «Панч и Джуди» — традиционное уличное кукольное представление, вроде русского Петрушки. Его главные действующие лица — горбун Панч с крючковатым носом, воплощение оптимизма, и Джуди, его жена, неряшливая и нескладная. Появилось в Англии во второй половине XVII в. (от итальянского Punchinello).

[33] Gesundheit! — Будьте здоровы! (*нем.*, при чихании)

[34] На английском глагол to shoot означает и заарканить, и подстрелить, и снимать фильм. Отсюда и путаница.

[35] Кертис, Джейми Ли (р. 1958) — известная киноактриса, дочь звездной пары Тони Кертиса и Джанет Ли. Речь идет о триллере Джо Карпентера «Хэллоуин» (1978).

[36] Фильм «Джонас в пустыне».

[37] Полента — каша из кукурузной муки.

[38] Мэррик, Джозеф (1862—1890) — получил прозвище Человек-слон за физиологические уродства, вызванные болезнью. Обрел вторую жизнь после выхода на экраны фильма Дэвида Линча «Человек-слон» (1980).

[39] Pate sablee — песочное тесто (фр.).

[40] Kugelhopf — кекс (нем.).

[41] Streusel — сладкий пирог с присыпкой из крошек теста, масла и сахара (нем.).

[42] Обе модели вездехода выпускаются с 1985 г. компанией «Лй-эм дженерал» (I.M.General).

[43] Маккуин, Стив (1930—1980) — голливудский киноактер, звезда 1960—1970-х гг. Сыграл немало ролей героя-одиночки, которому приходилось уходить от погони. Маккуин блестяще водил мотоцикл и автомобиль и в реальной жизни.

[44] 20 градусов по принятой в Америке шкале Фаренгейта соответствуют примерно 7 градусам мороза по Цельсию.

[45] Фатом — морская сажень, равняется 6 футам (чуть больше 180 см).

[46] Максвелл Сمارт — агент 86 (актер Дон Адаме), герои популярного (1965—1970 гг.) шпионского телесериала. Герой кинофильма «Раздевающая бомба» (1980).

[47] Крокетт, Дэви (Дейвид, 1786—1836) — герой освоения Дикого Запада, незаурядный охотник и следопыт.

[48] Чайлд, Джулия (1913—2004) — самый знаменитый кулинар Америки, автор множества книг, ведущая телепередачи, не входившей с экранов многие десятилетия. В 2003 г. кухня Джулии Чайлд, в которой снималась ее программа, стала реликвией «американской культуры». Ее поместили в Национальном музее американской истории Смитсоновского института.

[49] Пост, Эмили Прайс (1873—1960) — писательница, автор популярной книги «Этикет — Голубая книга хорошего тона». IV колонку на ту же тему печатали более 200 газет, с 1931 г. она вела соответствующую передачу на радио, короче, считалась «законодательницей мод» в вопросах этикета.

[50] «Пришлите клоунов» — песня известной джазовом певицы Сары Воан (1924-1990).

[51] ЮНИСЕФ — международный фонд ООНпо оказанию помощи детям.

[52] Рэгги — музыкальный стиль.

[53] Госпел — негритянская музыка, сочетающая элементы церковного песнопения, блюза и джаза.

[54] Эпидуральная анестезия — один из видов местного обезболивания, применяется в том числе и при родах.

[55] Шоколадный сабайон — сладкий напиток.

[56] Астер, Фред (1899—1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц, знаменитый танцовщик и актер. Как пишут его биографы, «начал танцевать, как только научился ходить».

[57] Сленговое выражение «bullshit artist» означает отменный, большой лжец (выдумщик).

[58] Слово «foxu» (листочка) применительно к женщине имеет значение «сексуальная».

[59] Кросби, Гарри (Бинг) Лиллсис (1903—1977) — известный американский певец.

[60] Картофель «айдахо» — сорт очень крупного картофеля. В основном употребляется в печеном виде.

[61] Диллинджер, Джон (1902—1934) — известный преступник, совершил серию убийств и ограблений банка.

[62] Джеймс, Джесси (1847—1882) — знаменитый бандит, герой многих вестернов, баллад и преданий

[63] Дикинсон, Эмили (1830—1886) — известная американская поэтесса. Всю жизнь прожила затворницей в доме отца в Массачусетсе. Писала тайно, при жизни опубликовала лишь несколько стихотворений.

[64] «Прозак» — психотропное средство, очень популярный на Западе антидепрессант.

[65] «Холмарк карде» — крупнейшая в мире фирма по производству поздравительных и приветственных открыток на все случаи жизни. Рекламный лозунг: «Для того, кто тебе дорог, — самое лучшее». Штаб-квартира в Канзас-Сити.

[66] Массовые издания в США выходят в трех форматах: в переплете (произведения известных авторов), трейд-сайз (тот же размер страницы, но в обложке) и покетбук (обложка и уменьшенный размер страницы).

[67] Каупер, Уильям (1731—1800) — английский поэт-сентименталист.

[68] Соответствует 10 градусам по шкале Цельсия.

[69] «Ботокс» — экстракт ботулинового токсина А. Блокирует нервные сигналы, поступающие от мозга к мышцам. Впрыснутый в лоб или область глаз, «ботокс» не позволяет пациентам хмуриться или щуриться, то есть защищает от образования и углубления морщин в этой зоне.

[70] Тиллотсон, Джонни (р. 1939) — американский певец. Песня «Поэзия в движении» в чартах 1960 г. поднималась в США на второе место, в Великобритании — на первое.